

Прибалтийско- финские народы России

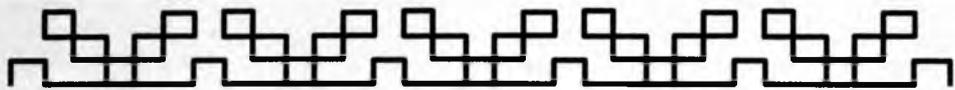
Ответственные редакторы:
Е. И. КЛЕМЕНТЬЕВ, Н. В. ШЛЫГИНА

КР III 1366808

МОСКВА
НАУКА
2003

РОССИЙСКИЕ ФИННЫ

По переписи 1989 г., на территории Советского Союза насчитывалось 67 359 финнов. По этим данным около трети из них – 16 000 человек жили в Эстонии. На территории России самая многочисленная их группа жила в Карелии – 18 420 человек в Ленинградской области и Ленинграде – немногим меньше – 17 302. Немалая часть финнов была рассеяна по всей территории СССР небольшими группами от 120 до 900 человек, но в сумме это составляло почти треть их общей численности – 15 тысяч.

Финны (самоназвание – *suomalaiset*), живущие в России, делятся по своему происхождению, времени поселения в России и историческим судьбам на несколько различных групп.

Самую многочисленную составляют финны-ингерманландцы, старожильское население, сформировавшееся в основном еще в XVII в. на южном побережье Финского залива и Карельском перешейке.

Другие группы финских переселенцев складывались позже – в XIX–XX вв. Небольшие колонии финнов существовали на территории Карелии, Кольского полуострова и Карельского перешейка издавна, как это характерно для любой приграничной территории. Однако широкий характер миграция финнов с территории Финляндии в ближайшие российские районы приобрела с начала XIX в., после вхождения Финляндии в состав Российской империи.

В настоящем разделе рассматриваются в основном две наиболее крупные по численности группы финнов – старожильское население Ленинградской области и финны, живущие в Карелии.

ФИННЫ-ИНГЕРМАНЛАНДЦЫ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Финны-ингерманландцы – это одна из групп старожильческого финноязычного населения Ленинградской области. В отечественной литературе они называются также петербургскими или ленинградскими финнами. По переписи 1926 г., их насчитывалось здесь до 125 тыс., в то время как к 1989 г. их численность в области упала до 17 тысяч. Прежде чем остановиться на причинах такого резкого сокращения их численности, следует кратко осветить историю возникновения этой этнической группы финнов, которую можно рассматривать как субэтнос финского народа.

История народов, населявших земли Карельского перешейка и южного побережья Финского залива от р. Нарвы на западе до р. Лавы на востоке, начиная с первых известий о них, наполнена почти непрерывными войнами вплоть до начала XIX в. В средние века через эти земли из ряда европейских стран шли важнейшие торговые пути на Восток; регион имел исключительно важное стратегическое значение и в дальнейшем. В борьбу за эти земли на разных этапах были вовлечены, с одной стороны, Древний Новгород и затем Московское государство, с другой – Швеция, датчане, прибалтийские немецкие Ордены и др. Особая роль в этих войнах принадлежала католической церкви, которая после окончания крестовых походов в Святую Землю устремила свои взгляды на европейский восток, в том числе и на Восточную Прибалтику. Новгородские владения на южном побережье Финского залива назывались в те времена Водской и Ижорской землями и входили в состав средневековых владений Новгорода.

В западных источниках этот край назывался Ватланд (*Watland*), Ингардия, Ингрия (*Ingardia, Ingria*); последний термин использовался и в русских источниках. Несколько позже возникло название “Ингерманландия” (*Ingermanland*). Впервые оно было использовано при подписании Столбовского договора между Россией и Швецией (1617 г.) и представляло собой перевод на язык договора финского названия этих мест – Инкеримаа (по названию р. Ижоры, по-фински Инкери). Слово “маа” – “земля” было заменено шведским словом “ланд”. Наименование “Ингерманландия” просуществовало некоторое время и после возвращения этих земель России, а А.Д. Меншиков получил даже титул герцога Ингерманландского. Но затем, с построением С.-Петербурга была образована Петербургская губерния, в которую и вошли земли старой Водской пятины или Ингерманландии. Тем не менее термин “Ингерманландия” еще довольно долго использовался даже в официальных бумагах и документах. Кроме того, местное финское население в отличие от финляндского часто называют финнами-ингерманландцами. Это название вошло и в научную литературу.

Именно с периодом принадлежности этих земель шведской короне (1617–1721 гг.), которая в то время владела и Финляндией, связано появление на них финских поселений. Весь регион был сильно опустошен в ходе войн XVI в.: часть местного населения погибла при военных столкновениях и от следовавших за ними эпидемий и голода, значительные его группы ушли во внутренние районы России.

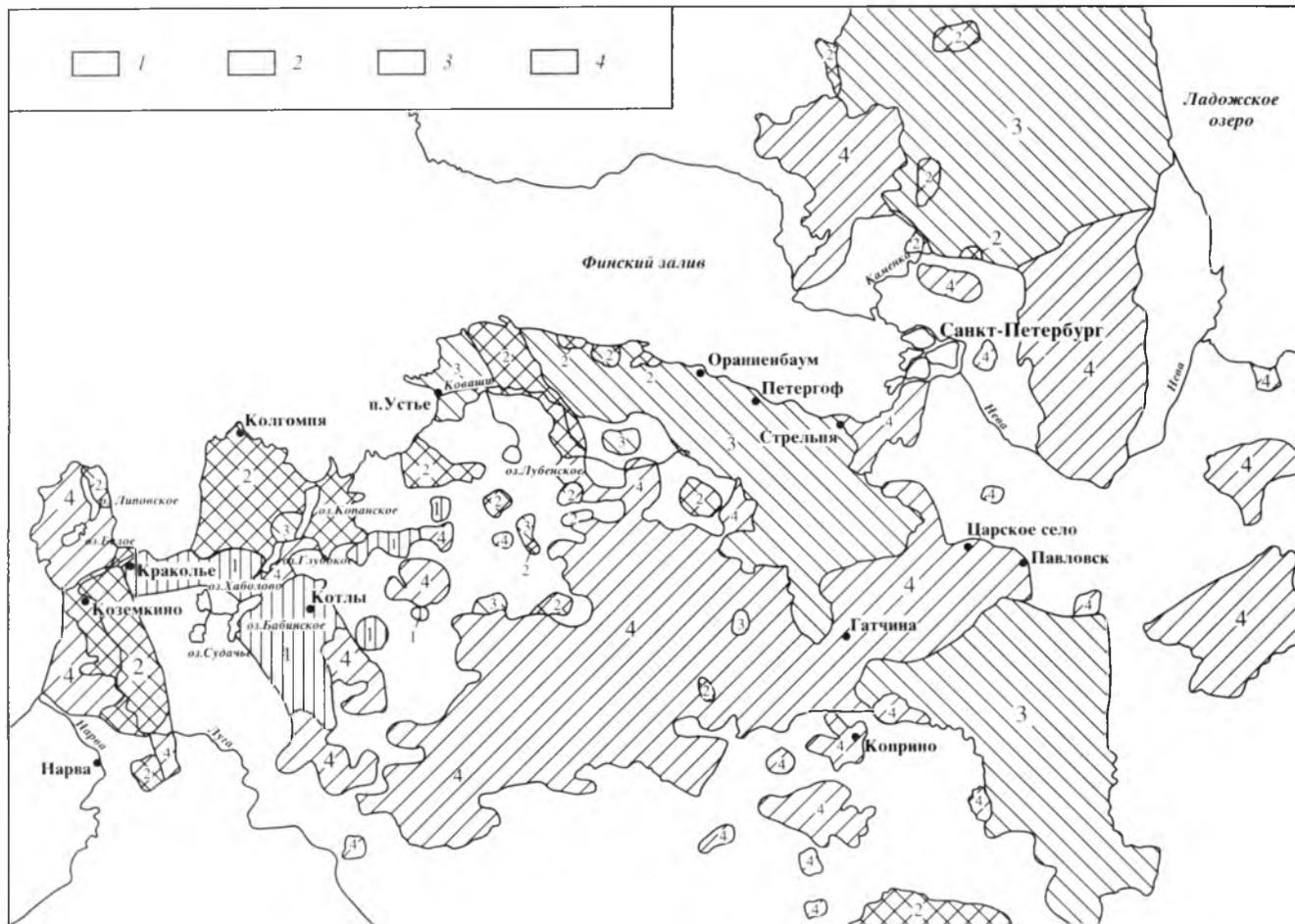
Шведские власти раздавали завоеванные земли своему дворянству (Я. де ла Гарди, Б. Розену и др.). Для обеспечения поместий рабочей силой из соседних районов Финляндии сюда стали переводить крестьян, которые освобождались при этом от несения военной службы и уплаты податей. Шли сюда преимущественно безземельные крестьяне с целью получения надела, сюда же ссылали уголовных преступников. В результате первой миграционной волны к 1640 г. трудоспособное финское население в Ингрии достигло по подсчетам финских исследователей примерно 7 тыс. человек, что составляло в тот период около 30% всего местного населения.

Коренное население края (водь, ижора, русские, карелы) испытывало сильные притеснения шведских властей: с одной стороны, все время увеличивались подати, с другой – местные церковные власти проводили активную политику обращения православного населения (води, ижоры, карел) в лютеранство, что также было причиной растущего недовольства крестьянства. В результате волнений местного населения и вторжения на территорию Ингрии русских войск началась двухлетняя война (1656–1658 гг.), которую финляндские исследователи рассматривают именно как религиозную. При отступлении потерпевших поражение русских войск часть местного населения ушла вместе с ними; значительные массы коренных жителей продолжали уходить на российскую сторону и в последующие годы. На вторую половину XVII в. приходится и основной приток переселенцев из Финляндии. В итоге к концу XVIII в. численность финнов здесь выросла до 45 тыс., или примерно 70% всего населения края (*Haltsonen*, 1941. S. 290). Больше всего переселенцев было на Карельском перешейке, в Нотебургском лене, где они составляли абсолютное большинство населения (92%), менее всего – в западных частях Ингрии, в Ивангородском лене (46%).

Исследователями хорошо изучен вопрос о местах исхода колонистов из Финляндии. Переселенцы довольно долго – до середины XIX в. – сохраняли подразделение на две группы: *эвремейсет* (*ävrämöiset*) и *савакот* (*savakot*). Под этими названиями они и вошли в русскую литературу. Эвремейсет вполне обоснованно считаются выходцами из прихода Эвряпяя (*Ävräpää*), расположенного на Карельском перешейке, в его западной части, в непосредственной близости от современной российско-финляндской границы. Вторая группа, савакот (или савакосцы), получила свое название от земли Саво. Однако исследования финляндских ученых документально доказали, что, хотя переселение и шло в основном из восточных районов Финляндии, но в миграции приняло участие и население из окрестностей р. Кюми, относящейся к Уусимаа, а также из более отдаленных мест (*Saloheimo*, 1991; *Kuujo*, 1990; и др.). Очевидно, савакот – это понятие собирательное, которым называли всех мигрантов, перебравшихся в Ингрию из более отдаленных частей страны, чем приход Эвряпяя* (*Лескинен Х.*, 1995. С. 170–171).

Финские переселенцы в своем абсолютном большинстве были крестьянами и занимались на новых местах земледелием, животноводством и рыболовством. В Финляндии крестьянство не знало крепостнических форм зависимости, но в Ингрии часть земель королевской властью была передана в руки дворян, кото-

* В настоящее время языковеды особо выделяют самую западную группу финнов, живших на Курголовском полуострове и южнее, между реками Лугой и Россонью (финский приход Нарвуси): согласно документальным материалам сюда шло переселение именно из окрестностей нижнего течения р. Кюми (помесья Кюми), хотя есть сведения и о более западных районах эмиграции. Ранее это население причислялось к савакот.

Карта 10. Арсалы финноязычного населения в С.-Петербургской губернии. Середина XIX в. (по П. Кёппену) (выполнена И.Г. Ключевой)
 1 – вода, 2 – ижора, 3 – финны-саваксы, 4 – финны-эвреймысы

рые стремились быстро получать хорошие доходы. Это вело к тому, что переселенцы вскоре были обложены различными податями, налогами и такими повинностями, как поденная работа на помещичьей усадьбе.

Новый этап в жизни финнов Ингерманландии начался с возвращением этих земель под власть России, что было закреплено Ништадтским договором 1721 г. Финское крестьянство, которое уже успело обосноваться на новых местах, не ушло в Финляндию, как это произошло с представителями шведской администрации, большей частью дворян и духовенства. Вследствие этого дальнейшие судьбы местных финнов были связаны с судьбами России.

Весьма важным обстоятельством начала XVIII в. было основание в устье Невы новой российской столицы – Санкт-Петербурга (1703 г.). Это естественно, во многом повлияло на жизнь всей губернии, в том числе и на жизнь крестьянства. Особенно ощутимым воздействие столицы стало после отмены крепостного права, позволившей начать перестройку форм ведения сельского хозяйства и вызвавшей широкий отток населения в город на заработки.

Возвращаясь к проблеме этнического состава населения рассматриваемого региона, следует прежде всего отметить, что российские власти еще до официального окончания Северной войны стали предпринимать шаги к заселению опустошенных земель. Предполагалось, что новые владельцы поместий из числа приближенных к царю лиц сами обеспечат их рабочими руками, переводя сюда крестьян из внутренних губерний. Однако поначалу, несмотря на царские указы 1712 г. “О расписании в Ингерманландии земли на участки для поселения крестьян и мастеровых людей” и “О правилах на раздачу в Ингерманландии земель”, процесс переселения шел весьма трудно. Ситуация стала меняться лишь после того, как помещики добились права селить своих крестьян не на пустошах, а на обработанных участках земли, что предполагало при этом сгон с них финских крестьян, значительная часть которых уже в первой половине XVIII в. стала числиться помещичьими или дворцовыми. Село Сарское, к примеру, власти решили “огородить природными россиянами”, поскольку “на туземцев – ижорян и латышей (под латышами тогда понимались исповедовавшие “латинскую” религию, т.е. финны-лютеране) никак не можно было полагаться”*. На дворцовые земли в окрестностях Пулкова и села Сарского за первую четверть XVII в. было переведено более 2 тыс. дворов из центральных районов России. Десятки финских деревень были при этом сведены, а их жителям отводились заболоченные, лесистые и кустарниковые земли. Так, для заселения Пулковской слободы было разорено и сведено в леса 11 финских деревень, для села Сарского – 10 деревень, под слободу Кузмину – более 15 деревень (Индова, 1964. С. 102). При возрастающем потоке переселенцев пашенной земли не хватало. Просьбы к властям о расширении наделов оставались большей частью без внимания и переселенцы нередко решали земельный вопрос путем самовольного захвата участков, обрабатывавшихся финскими крестьянами. Естественно, что последние не желали уступать свои земли. Дело часто доходило до открытых столкновений с новоселами. Так, крестьяне слободы Кузминой в 1717 г. жаловались властям, что “маймисты” (от испорченного финского слова *maamies* – крестьянин) “не дают нам запахивать свои бывшие земли и косят луга сами”. И когда новопоселенцы пытались стоять на своем, финские крестьяне “не только бранились, но и дрались, а иным и головы проломали” (Индова, 1964. С. 103).

* Русские крестьяне в свою очередь не хотели переселяться из более южных районов России на северные болотистые земли, так что их перевод носил принудительный характер. В село Сарское, на мызу Славянскую русских крестьян доставляли под конвоем.

Такие конфликты постоянно происходили на протяжении первой четверти XVIII в. в слободах Пулковской, Новославянской и в других местах Петербургской губернии.

Далеко не все финские крестьяне, выселенные на необработанные земли в леса, смогли после этого восстановить свои хозяйства. Управляющий Царско-сельским дворцовым имением М. Кошелев доносил весной 1717 г. в Петербург, что финнам, переведенным в леса, живется плохо, многие из них окончательно разорились. Более десятка финских хозяев, проживавших ранее в деревне Пулково, новую выделенную им землю “за скудостью покинули”. Многих из разорившихся местных крестьян дворцовая администрация вынуждена была отпустить “кормиться работою своею” и взимать с них только денежный оброк (*Индова*, 1964. С. 103). Эти крестьяне ушли в Петербург, где работали чернорабочими, каменщиками, плотниками, сплавщиками леса и т.д.

В 1732 г. в Петербургской губернии была проведена перепись населения, в ходе которой учитывались все категории проживавшего в регионе крестьянства. Результаты проведенной под руководством майора И. Шипова ревизии свидетельствовали и о том, что, несмотря на принимавшиеся правительственные меры, заселение Петербургской губернии крестьянами из центральных районов России происходило медленно. По данным ревизии, из всего населения (мужского пола) “старожилы-латыши” (т.е. финны) составляли 23 тыс. человек (37,6%), “старожилы-ижоряне” – 14,5 тыс. человек (24%), “старожилов русских” насчитывалось 5883 человека (9,6%), количество русских-переселенцев к началу 1730-х годов составило 17% (*Шаскольский*, 1992; *Троицкий*, 1970).

Ситуация, как свидетельствуют результаты второй ревизии (1743–1747 гг.), осталась без изменений и в середине столетия. Поэтому указом Сената от 12 января 1748 г. местным помещикам предоставлялись новые льготы с единственным условием, чтобы эти земли “действительно русскими крестьянами населить, чтоб через то могла Ингерманландия российскими крестьянами размножиться” (цит. по: *Высочков*, 1989. С. 113).

Быстрый рост русского населения в Петербургской губернии стал наблюдаться только во второй половине XVIII в.: к 1795 г. оно выросло, по сравнению с 1763 г., на 60%, а в непосредственной близости от столицы – почти в два раза. При этом финны стали составлять в Шлиссельбургском уезде – 42,6%, в Софийском – 41,4%, в Ораниенбаумском – 37,6% населения (*Кабузан*, 1990. С. 247). В XIX в. доля финского населения в губернии неуклонно снижалась несмотря на его рост в абсолютных цифрах. В середине XIX в. финнов насчитывалось 72 323 человека, что составляло 17,7% всего сельского населения Петербургской губернии, в 1897 г. – 107 006 человек (15,5%) (*Высочков*, 1989. С. 116; ср.: *Кабузан*, 1992. С. 201). При этом концентрация финнов продолжала оставаться весьма высокой в ближайших к столице уездах: в Шлиссельбургском они составляли 43% сельского населения, в Петербургском – 33,5%, Петергофском – 27% (*Высочков*, 1989. С. 123).

Финское население края, понесшее при переходе под царскую власть большие материальные потери, утрату налаженных хозяйств, не потерпело, однако, ущерба в духовной сфере. Как и было оговорено текстом Ништадтского договора, оно сохранило свою лютеранскую веру и на всей территории С.-Петербургской губернии продолжали действовать лютеранские церкви со службой на финском языке. Постепенно складывалась и сеть школ с преподаванием на финском языке. Первая из них была открыта уже цесаревичем Павлом в 1785 г. в д. Колпана близ Гатчины. В ней бесплатно обучались дети крестьян этого дворцового имения, им преподавали финский и русский языки, а также Закон Божий.

В 1830–1850-е годы в Петербургской губернии местная лютеранская церковь способствовала организации около десятка воскресных начальных школ (*Mustonen*, 1936. S. 36–39; 1938. S. 30–32). Но в целом нехватка учителей, отсутствие у них специального образования, нежелание крестьян платить налоги на содержание школы предопределили скромные результаты в сфере народного просвещения в первой половине XIX в.

Положение стало улучшаться с основанием Колпанской учительской семинарии (1863–1919 гг.), в которой готовили педагогические кадры для местных финских школ. Программа трехлетнего обучения в семинарии предусматривала подготовку как по богословию, так и по сравнительно широкому кругу гуманитарных, естественных и точных дисциплин, финского, русского и немецкого языков, а также в области музыки и хорового пения. За годы своего существования семинария выпустила более 200 учителей.

В сущности, именно из школьных учителей и пасторов складывалась во второй половине XIX–начале XX в. местная финская сельская интеллигенция*. Наиболее ярко она проявила себя на поприще музыкальной и литературной жизни. Неоценимый вклад в развитие музыкальной культуры ингерманландских финнов внесли Моозес Путро (1848–1919), Микко Суси (1874–1942), Эмиль Суни (1876–1930) и другие композиторы и руководители хоров – все они являлись выпускниками Колпанской семинарии.

Одной из характерных черт ингерманландской культуры были певческие праздники, аналогичные эстонским и финским и представлявшие собой подлинно народные торжества. Первоначально их начали устраивать в разных районах Петербургской губернии. С 1899 г. стали проводиться общеингерманландские певческие праздники, собиравшие десятки хоров, оркестров, театральных коллективов и многотысячные аудитории слушателей. Традиция ингерманландских певческих праздников была прервана в послереволюционные годы и восстановлена лишь в начале 1990-х годов.

Ингерманландская интеллигенция в определенной мере впитала идеи финского национального движения в Финляндии второй половины XIX в., в котором одним из краеугольных камней было требование употребления родного финского, а не шведского языка в официальной сфере, в том числе в просвещении и науке, а также распространение образования в широких слоях населения.

В Петербургской губернии постепенно росла сеть светских финских школ – к концу XIX в. их насчитывалось уже около 200. Наряду с этим действовали церковные конфирмационные и воскресные школы. При церквях и школах организовывались библиотеки. Их число стало возрастать после 1877 г., когда финский книготорговец Валлиениус открыл в Петербурге магазин шведской и финской литературы.

* Стоит отметить, что и ранее пасторы, составлявшие в прошлом основную часть местных образованных людей, немало сделали, занимаясь этнографией и историей края. Так, нарвский пастор Ф.Л. Трефурт еще в конце XIX в. определил, что водь – это особый народ; его публикация образцов водского языка и этнографические заметки о водях остаются и сегодня важным источником для исследователей. В начале XIX в. для академика Х.Г. Портана материалы о водях были собраны пасторами Л.А. Цетреусом (приход Венйоки) и Шёнбергом (приход Молосковицы). Академик А.Ю. Шёгрэн в своем труде о финноязычном населении Петербургской губернии пользовался рукописью Й. Талуса, дьячка из Дудергофа (приход Туутари), содержащей разносторонние данные об этом приходе. Таков далеко не полный перечень служителей церкви, занимавшихся историей и населением края (подробнее см.: *Haltsonen*, 1965. S. 110 и js.).

Рис. 108. 10-й выпуск Колпанской семинарии, 1900 г. (Inkeri, 1992. S. 236)

Большое значение для успехов народного просвещения и активизации общественной жизни имела финноязычная пресса. Первоначально периодика была представлена финляндскими изданиями, среди которых наибольшей популярностью пользовалась выходившая в Выборге в 1840-е годы газета “Kanava” (“Канал”), которая отличалась острой социальной направленностью своих публикаций о положении крестьянства в восточных районах Финляндии. Первая местная финская газета “Pietarin Sanomat” (“Петербургские известия”, редактор И. Хагман) была основана в 1870 г. (Parkkinen, 1925. S. 325–334). За нею последовали “Pietarin Sunnuntailehti” (“Петербургская воскресная газета”, 1871 г.), “Pietarin Lehti” (“Петербургский листок”, 1874 г.), “Pietarin Wiikko-Sanomat” (“Петербургский еженедельник”, 1879 г.). Основание новых газет продолжалось и в последующие годы (Haltsonen, 1941. S. 4–6). В 1884 г. вышла газета “Inkeri” (“Ингрия”), в 1905 г. – “Uusi Inkeri” (“Новая Ингрия”), в 1906 г. – “Neva” и вновь “Inkeri”. Если издания XIX в. придерживались в основном клерикально-консервативной ориентации, то газеты, возникавшие в годы общественного подъема начала XX в., отражали новые, либерально-демократические веяния. В среде финского населения Петербургской губернии стала постепенно кристаллизовываться идея национально-культурной автономии для финнов-ингерманландцев. Ее носителями были наиболее активные представители местной финской интеллигенции: школьные учителя, журналисты, писатели, музыканты. Реально это требование было поставлено на повестку дня в связи с событиями 1917 г.

И все же с конца XIX в. возможности национального развития в некоторых сферах общественной жизни стали сужаться, что было связано с общим усилением политической реакции в России и начавшимся наступлением центральной власти на автономные права Финляндии. Отражением политического курса правительства стали введенные и в С.-Петербургской губернии ограничения прав финского языка, коснувшиеся в первую очередь школьного образования. Сокращалось время на изучение родного языка, в большинстве школ языком преподавания стал русский. К началу первой мировой войны в некоторых районах губернии уже не было финских школ.

Поэтому далеко не случаен тот факт, что требование развития школьной системы с финским языком преподавания стало одним из главных в общей программе национально-культурной автономии, которая обсуждалась на съездах уполномоченных от финского населения губернии, первый из которых собрался 23 апреля 1917 г.

Двести финских делегатов съезда сформировали исполнительный орган – Центральную ингерманландскую комиссию из 27 членов во главе с К. Тюнни, поручив ей практическую работу по реализации планов национально-культурной автономии. В области народного образования ставилась задача создать финскую школьную систему, самостоятельную в делах внутреннего управления. Претворить в жизнь эту программу в полной мере не удалось, но тем не менее в земских уездных учреждениях губернии были созданы финские школьные отделы, которые занялись восстановлением финских школ. К концу 1918 г. в 313 финских школах губернии работало 352 педагога, из них 248 учителей были финнами (Tynni, 1923. S. 130).

Серьезные перемены произошли и в Колпанской учительской семинарии. По решению ингерманландского съезда управление ею вывели из-под церковного контроля и отменили преподавание всех богословских предметов, прекратилось и ее финансирование из средств ингерманландской церкви. Новое руководство семинарией было сформировано осенью 1917 г. из представителей ме-

стной интеллигенции, и семинария стала независимым от церкви учебным заведением. Ее деятельность, однако, оказалась, непродолжительной – в условиях начавшейся гражданской войны, не обошедшей стороной и этот край, семинария прекратила свое существование в ноябре 1919 г. (Nevalainen, 1996 a, b. S. 10–16).

На съездах ингерманландских финнов (сентябрь 1917 г., март 1918 г.) планировалось образовать Союз финских общин Ингрии, который должен был иметь представительство в общероссийских органах власти. Но после разгона большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. организация такого союза оказалась невозможной. Тем не менее борьба финнов за национально-культурную автономию продолжалась.

Необходимо отметить, что в самой среде финнов-ингерманландцев события 1917–1918 гг. привели к резкому размежеванию политических взглядов и установок. Деятельность сторонников национально-культурной автономии, разделявших программные требования меньшевиков, трудовиков и эсеров, встретила глухое противодействие со стороны местных церковных кругов. Наряду с этим большевики пользовались поддержкой финских рабочих Петрограда, которые также выступали против деятельности “реакционной Центральной ингерманландской комиссии”.

Кроме того, летом 1918 г. возник новый фактор, оказавший огромное влияние на дальнейшую общественно-политическую жизнь местного финского населения. В Петроградскую губернию перешли около 5 тыс. участников потерпевшей поражение революции в Финляндии. Оказавшись на чужбине, в непривычной для себя обстановке, без знания русского языка, они стали оседать в Петроградской губернии в районах с преобладающим финским населением. Осенью того же года в Петроградском губернском комитете РКП(б) была создана финская секция. На нее было возложено проведение классовой политической линии среди финского населения всей России – в Карелии, на Мурмане, в Сибири, но в первую очередь в Петроградской губернии. В руководство финской секцией Петроградского губкома РКП(б) вошли члены Коммунистической партии Финляндии (основана в Москве в августе 1918 г.), которые в своей деятельности опирались прежде всего на своих единомышленников из числа финляндских иммигрантов.

Политика военного коммунизма, с введенными ею продразверсткой и трудовыми мобилизациями, вызвала резко отрицательную реакцию финского населения Петроградской губернии. Уже летом 1918 г. в ее западных районах начались вооруженные бунты финских крестьян. В центральных районах наиболее крупные выступления вспыхивали осенью 1918 г. и весной 1919 г. в Пулковской волости Детскосельского уезда. В отчете председателя ЧК Голышева отмечалось, что среди крестьян произведена масса арестов и “утилизация” и что “после такого урока, данного им, вряд ли они осмелятся пойти на новую авантюру” (ЦГА СПб. Ф. 100. Оп. 80. Д. 69. 1919 г. Л. 2–14). Не менее жестоко (расстрелами, тюремным заключением, концлагерями и т.д.) было подавлено крестьянское восстание в Шлиссельбургском уезде летом 1918 г.

На рубеже 1918–1919 гг. судьбы финнов-ингерманландцев стали предметом многочисленных переговоров между финнами, эмигрировавшими из Петроградской губернии в Финляндию, и сторонниками так называемых “военных партий” в Финляндии и в Эстонии. Обсуждались конкретные планы участия финнов-беженцев из России в военных операциях против Советов в Петроградской губернии, как в составе эстонских вооруженных сил, так и под руководст-

вом финских офицеров (*Nevalainen*, 1992. S. 240–243). Генерал Маннергейм и эстонские власти планировали создать из густо населенных финнами районов вокруг Петрограда буферные зоны. Некоторыми политическими группами выдвигались также планы присоединения “ингерманландских земель” к Финляндии. В проекте соглашения между Юденичем и Маннергеймом одним из условий участия Финляндии в наступлении на Петроград было предоставление финнам-ингерманландцам широкой внутренней автономии. Следует оговорить, что официальные финляндские власти проявляли по отношению к “ингерманландской проблеме” особую осторожность, поскольку она была связана с большой политикой. К тому же большинство самих ингерманландских активистов Финляндии было против включения “ингерманландских территорий” в состав Финляндии. Они связывали их будущее с преобразованиями в самой России, с ее освобождением от власти большевиков.

“Ингерманландский вопрос” всплыл на мирных переговорах между Россией и Финляндией в Тарту, начавшихся в июне 1920 г. Временная ингерманландская комиссия подготовила и передала официальной финляндской делегации три различных варианта его решения: образование автономной административной области в рамках Петроградской губернии, провозглашение культурной автономии, присоединение районов с наибольшей концентрацией финского населения к Финляндии. Финское правительство, отвергнув излишне радикальные предложения, поддержало планы по предоставлению финнам-ингерманландцам культурной автономии.

В итоге, при подписании Тартуского мирного договора 1920 г. между РСФСР и Финляндией в протокол переговоров было внесено специальное заявление советской делегации в котором констатировалось, что “финское население Петроградской губернии пользуется в полной мере всеми правами и преимуществами, предоставляемыми российскими законами народностям, находящимся в меньшинстве”. Особо было отмечено, что “финское население имеет право...свободно регулировать дело народного просвещения, общинное и межобщинное управление, а равно местное судопроизводство”. Местным финнам, согласно заявлению российской делегации, предоставлялось право принимать все необходимые меры для подъема своего хозяйственного положения, а “в деле народного просвещения, а равно и в других внутренних делах свободно пользоваться языком местного населения” (Документы внешней политики, 1959. С. 281–282). Как видно из текста официального заявления, объем декларируемых прав, которые предоставлялись финскому населению Петроградской губернии, отчасти даже превосходил первоначальные программные требования сторонников национально-культурной автономии. Проблема заключалась в том, в какой мере эти обещания были позже реализованы. На переговорах в Тарту советская сторона гарантировала также амнистию финским беженцам, ушедшим в Финляндию*, и их право на возвращение в родные места.

В целом 1920-е годы были периодом экономического и культурного развития ингерманландских финнов. Росло число начальных и семилетних финских школ (с 231 в 1923 г. до 342 в 1927 г. с 20 тыс. учащимися), сельских и волостных изб-читален (с 14 до 105), красных уголков, курсов ликбеза, сельских библиотек (ЦГА СПб. Ф. 16. Оп. 12. 11883. Л. 94; Ф. 1000. Оп. 8. Д. 330. Л. 151). После закрытия Колпанской семинарии в Гатчине начал работу педагогический техникум, подготовка учительских кадров для средней школы велась в Педагогиче-

* В начале 1920-х годов в Финляндии находилось более 8 тыс. финнов-ингерманландцев (*Nevalainen P.*, 1991. S. 252; Suomen unohdettu pakolaisongelma // *Karjalainen viesti*. 1995. 4. S. 14).

ском институте им. А.И. Герцена в Ленинграде. Существовало значительное количество всевозможных курсов, кружков и ассоциаций, объединявшихся вокруг финского Дома народного просвещения в Ленинграде. Основанное в 1923 г. финское издательство “Кирья” к началу 1930-х годов довело выпуск литературы до 944 наименований (Suomalaisten kommunistien..., 1935. S. 34–35). В Ленинграде издавались три финноязычные газеты и в разное время выходило до десятка журналов. С 1929 г. велись радиопередачи на финском языке.

Вместе с тем общественная жизнь финнов-ингерманландцев была подчинена императивам тотального переустройства общества на новых идеологических принципах, утверждение которых шло рука об руку с “искоренением буржуазного прошлого”. Жизнь крестьянина с ее устоявшимися нормами вошла в резкое противоречие с новыми постулатами. Это предопределило появление в многочисленных политических отчетах и других документах, подготавливаемых финской секцией Петроградского губкома РКП, ее постоянных призывов к беспощадной борьбе с проявлениями частнособственнической психологии, деклараций о необходимости противодействия “незрелым политическим настроениям финского школьного учительства” и о необходимости борьбы против скрытого влияния буржуазной Финляндии и т.п. Коммунисты из финской секции губкома, обладая монополией на проведение партийно-политической работы среди финского населения губернии, расценивали национально-культурную автономию как одно из проявлений буржуазной идеологии и политики (ЦГА СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11696. Л. 12–14; Д. 11798. Л. 251). В отчетах, посылаемых в ЦК РКП, неизменно подчеркивались трудности проведения партийной работы среди финского населения губернии (Там же. Д. 558. Л. 80–82).

Постоянно повторяемые на совещаниях разного уровня и партактивах формулировки об отсталом мировоззрении местных финнов, о меньшевистских симпатиях местной финской интеллигенции, о подверженности этого населения буржуазному идеологическому влиянию соседней Финляндии сформировали для властей вполне определенный политический и социальный образ финнов-ингерманландцев, что не могло не сыграть своей роли в последующих событиях.

Рассматривая в марте 1928 г. вопрос о состоянии работы среди финского крестьянства области, Ленинградский областной комитет ВКП(б) особо подчеркивал трудности в проведении в его среде партийной линии. Секретариат комитета отмечал при этом высокий уровень финских крестьянских хозяйств: финн-середняк зажиточен, бедняков относительно мало, а кулаков больше, чем в русских деревнях. Кулаки и зажиточные крестьяне, отмечалось в документе, сохраняют свое влияние на остальную массу сельского населения, и это предопределяет, по мнению секретариата, ряд негативных явлений, затрудняющих работу партии. Отмечались и сильная религиозность крестьянства, слабая партийно-комсомольская прослойка среди молодежи. Упоминалось и буржуазное влияние соседних государств – Финляндии и Эстонии.

По сути, эти оценки повторяли то, что на протяжении 1920-х годов неоднократно отмечалось в документах и решениях финской секции губкома РКП(б) при характеристике ею обстановки в финских деревнях губернии. Однако политические выводы были теперь более точными и четкими: ставилась задача “окончательно ликвидировать ее (финской деревни) обособленность от общего развития” (ЦГА СПб. Ф. 24. Оп. 1. Д. 56. Л. 82–83 об.). Наряду с этим Ленинградский обком партии принимает решение и “О политической работе среди сельской интеллигенции”, в котором особо отмечается наличие “враждебно настроенных к советской власти элементов” из числа финской сельской интеллигенции. Вслед за этим рождается строго секретный документ “О борьбе с враждеб-

ными элементами среди сельского учительства”, предопределивший очередную чистку сельской финской школы, которая к тому времени уже понесла существенные кадровые потери*.

В эти же годы (1928–1929 гг.) в Ленинградском обкоме неоднократно рассматривается вопрос о приграничных районах и мерах безопасности, что связывалось не только с военно-техническим укреплением границы, но и с обеспечением политической стабильности на Карельском перешейке путем борьбы с “растущей активностью антисоветских элементов”. Ленинградский обком партии обязывал пересмотреть состав партийных, советских, хозяйственных, кооперативных и других организаций, расположенных в погранполосе; особое внимание следовало уделить сельскохозяйственной и кредитной кооперации в районах с преобладающим финским населением, в которых отмечалось сильное влияние кулачества.

После провозглашенного И.В. Сталиным в декабре 1929 г. перехода от политики ограничения кулачества к его ликвидации как класса финская деревня в числе первых в Ленинградской области попала под процесс тотального раскулачивания. В районах сплошной коллективизации проходила конфискация сельскохозяйственного инвентаря, домашнего скота, запасов продовольствия, фуража, наличных денег**. Угроза попасть в списки кулаков привела к тому, что многие крестьяне начали продавать имущество и резать скот.

Это вызвало к жизни очередное постановление, запрещавшее под угрозой полной конфискации имущества продавать свои хозяйства и менять место жительства. Для проведения акции раскулачивания на местах создавались “тройки”, в которые входили председатель райисполкома, секретарь местной партийной организации и представитель ГПУ. Первые заседания “троек” начались в феврале 1930 г. Так, 13 февраля парголовская “тройка” приняла решение о высылке первой партии людей из 93 кулацких хозяйств и о подготовке материалов на высылку еще 11 семей (Выборгский архив. Ф. р-407. Л. 127–128). Аналогичные акции шли во всех районах Ленинградской области.

Раскулачивание проводилось параллельно с созданием колхозов. В январе 1930 г. были разработаны планы обобществления земли и скота по сельским советам и в деревни направлены тысячи уполномоченных из числа партийных, советских и комсомольских активистов. Когда же в процессе коллективизации наступила пауза, вызванная известным мартовским постановлением ЦК ВКП(б), начался массовый выход крестьян из насильственно созданных колхозов. “Прошу меня выписать из колхоза”, “добровольно состоять не желаем”, “народ у нас очень не согласный” – характерные формулировки личных и групповых заявлений крестьян, характеризующие их отношение к обобществлению производства (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 14. Д. 61. Л. 88). Коллективизация положила начало массовым депортациям финского населения из Ленинградской области.

В 1930-е годы начинается еще одна политическая акция: выселение финнов из пограничных с Финляндией районов на Карельском перешейке. В марте

* В 1928 г. в финских школах области около 40% педагогов, наскоро подготовленных на краткосрочных курсах, не имели даже среднего педагогического образования. Это обстоятельство между прочим послужило в решениях XVI Ленинградского губернского съезда Советов основанием для требования о переводе преподавания в финских школах области на русский язык (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 330. Л. 176–178).

** Наряду с этим все сберегательные кассы в секретном порядке предупреждались о прекращении какой-либо выдачи сбережений тем семьям, которые фигурировали в “списках кулаков”.

1935 г. в область поступило специальное распоряжение от центрального управления НКВД о необходимости “очистить приграничную полосу в 22 км от ненадежных элементов”, затем эта зона была расширена до 100 км.

В результате коллективизации в 1929–1931 гг. из области было выселено около 18 тыс. человек, отправленных на Хибинские рудники и в Среднюю Азию, а в ходе “очищения приграничной полосы” в 1935–1936-е годы, по приблизительной оценке, 26–27 тыс. человек были переселены в Архангельскую, Новгородскую и Вологодскую области*.

Депортация финнов-ингерманландцев с территории Ленинградской области не могла не вызвать негативной реакции в Финляндии. Известно, что финляндское консульство в Ленинграде внимательно следило за развитием ситуации на протяжении всего времени с начала “антикулацких” репрессий. Правительство Финляндии обратилось к Советскому правительству с официальным представлением, в котором, в частности, напоминало о тех обязательствах, которые были зафиксированы Тартуским мирным договором. Кампания протестов против депортации финнов-ингерманландцев развернулась и в финляндском обществе, и на страницах прессы. Однако эти акции не имели никаких результатов, а официальная Москва предостерегала Финляндию от вмешательства во внутренние дела Советского государства.

В Советском Союзе в это время надвигались трагические события 1937 г. Массовый террор этого периода обрушился и на население Ленинградской области, в том числе на местных финнов.

По личному распоряжению И.В. Сталина и по приказу, подписанному наркомом внутренних дел Н. Ежовым, с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях началась операция по репрессированию бывших кулаков, “активных антисоветских элементов и уголовников”.

Для каждой республики, края и области были определены “плановые цифры” репрессированных, которыми следовало руководствоваться при проведении операции. Для Ленинградской области по этой разнарядке предусматривались расстрел 4000 и высылка в лагеря 10 000 человек. Семьи репрессированных следовало брать на особый учет, а живущие в погранзоне подлежали выселению.

Подлинные масштабы террора 1937 г., обрушившегося на финнов-ингерманландцев, невозможно установить до сих пор. Несомненно только, что среди погибших были самые различные по положению люди – председатели колхозов, учителя, рядовые крестьяне-колхозники, извозчики, сторожа, землекопы – люди, не принадлежавшие ни к кулачеству, ни к уголовным элементам. Гибли целые семьи, расстреливались и 19-летние юноши, и 80-летние старики.

Год 1937-й ознаменовался ударом и по финской культуре: повсеместно были закрыты или переведены на русский язык национальные школы малых народов. В Ленинграде и Ленинградской области это коснулось эстонцев, финнов и немцев. Была закрыта кафедра финского языка в Педагогическом институте им. Герцена (Ленинград), ликвидирован ленинградский финский театр, перестали выходить газеты и журналы на финском языке. После многолетних притеснений и преследований прекратила существование и местная евангелическо-лютеранская церковь, которая вела службу на финском языке. В итоге финны-ингерманландцы оказались лишенными права развивать свою национальную культуру, получать школьное образование на родном языке, сфера которого сократилась до внутрисемейного (или соседского) общения.

* Подробнее см.: Суни, 1998. С. 20–21.

Тяжелые удары пришлось пережить финнам-ингерманландцам в годы Отечественной войны. В августе 1941 г. было принято правительственное решение о высылке из пригородов Ленинграда финского населения в Сибирь и Казахстан. Осуществить эту акцию не удалось, так как уже в конце августа железнодорожное сообщение с Ленинградом было прервано и вокруг города сомкнулось кольцо блокады.

Более 60 тыс. финнов-ингерманландцев оказались на оккупированной немцами территории. Часть же тех финнов, которые оказались в кольце блокады, была решена весной 1942 г. Военным советом Ленинградского фронта было принято постановление “Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения” из Ленинградской области. Операция, проводившаяся силами НКВД, развертывалась в Парголовском и Всеволожском районах, из которых в течение 23–28 марта 1942 г. было вывезено 30 тыс. финнов-ингерманландцев (Выборгский архив. Ф. Р-407. Оп. 4. Д. 14. Л. 39–43). На этот раз долгий путь шел сначала на машинах по последнему льду Ладоги, далее в “теплушках” через половину страны, а затем на баржах по Лене и Енисею к побережью Ледовитого океана, где добравшиеся до “места назначения” по сути дела были брошены на произвол судьбы (Бугай, 1991. № 4).

Весной того же 1942 г. постановлениями Государственного комитета обороны финны, как и граждане других национальностей воюющих с СССР стран, были “изъяты” из рядов действующей армии и мобилизованы в рабочие колонны НКВД, работавшие на лесоповале, в шахтах и рудниках Урала. В эти же колонны было мобилизовано до конца войны все финское мужское население, достигшее призывного возраста.

Ту часть финского населения, которая оказалась на оккупированных землях Ленинградской области, – приблизительно 62–63 тыс. человек – также ожидали нелегкие судьбы. После длительных переговоров между политическим и военным руководством Германии и властями Финляндии последняя получила право эвакуировать финнов-ингерманландцев как “соплеменников” на свою территорию. Переселение было объявлено добровольным, однако по подписанному между сторонами соглашению финны навсегда лишались права на свое прежнее место жительства (Nevalainen, 1995. S. 50). По замыслам немецких властей все земли от Нарвы до Ленинграда должны были превратиться после победы гитлеровского рейха в немецкую колонию (Siedlungsmark Ingermanland), где поселятся “благонадежные немцы” – члены СС и крестьяне из Союза самообороны (Nevalainen, 1995. S. 32). В итоге в 1942–1943 гг. вся территория Ленинградской области была “очищена” от финского населения.

Окончание войны не принесло никаких изменений в политику центральной власти по отношению к ингерманландскому населению. По условиям советско-финляндского перемирия 1944 г. финны-ингерманландцы возвращались из Финляндии в Советский Союз. При этом со стороны советских официальных лиц давались заверения в том, что репатрианты едут на свои родные места. В общей сложности 55 тыс. российских финнов отправились из Финляндии на родину. Можно представить себе, какой ужас и отчаяние испытали возвращавшиеся, поняв, что эшелоны с ними идут мимо родного края. Вернувшиеся люди были направлены на жительство в Псковскую (6,3 тыс. человек), Новгородскую (11 тыс. человек), Калининскую (14,2 тыс. человек), Ярославскую (19,4 тыс. человек) и Великолукскую (5,6 тыс. человек) области. Среди репатриантов преобладали женщины и дети. Парни призывного возраста были тут же высланы в сибирские поселения как уклонившиеся от мобилизации, несмотря на то, что в момент отъезда в Финляндию они были еще непризывного возраста.

Рис. 109. Финны-ингерманландцы перед отправкой в Финляндию в 1943 г. в порту Палдиски (Эстония) (фототека Музейного ведомства, Финляндия; фото А. Хямяляйнена)

Поселенные на новых местах финны всячески стремились вернуться в родные края. Такие же настроения были и у финнов, депортированных во время войны за Урал.

Количество финнов-ингерманландцев, возвращавшихся в родные края, постоянно росло. По инициативе обеспокоенных этим ленинградских властей и с согласия Москвы было издано постановление, разрешающее свободную продажу пустующих жилых и хозяйственных построек, принадлежавших финнам-ингерманландцам в Ленинградской области. Все пустующие строения были конфискованы, а затем началась вербовка переселенцев из внутренних районов СССР в сельские районы Ленинградской области (ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 19. Д. 1. Л. 48).

Согласно секретному постановлению Совета Министров СССР от 7 мая 1947 г. возвратившиеся в Ленинградскую область финны, как не имеющие на это законного разрешения, выселялись снова.

Аналогичные распоряжения поступили также в Эстонию и Латвию, куда переселилась часть финнов-ингерманландцев. Правда, несмотря на распоряжение Совмина СССР какой-то части финских “незаконных переселенцев” удалось там закрепиться. В этой ситуации в середине 1948 г. первый секретарь ЦК КП Карело-Финской ССР Г.Н. Куприянов обращается с докладной запиской к И.В. Сталину, в которой просит дать согласие на переселение финнов-ингерманландцев в Карелию. Республика, сильно пострадавшая во время военных действий и лишившаяся значительной части трудоспособного населения, могла с большой пользой для решения проблем восстановления хозяйства принять у себя финнов. К концу 1949 г. в Карелию переехало более 21 тыс. ингерманландских финнов. Планировались новые акции их переселения, но в 1950 г. Г.Н. Куприянов был арестован, а организованный переезд финнов по распоряжению Ю.В. Андропова был прекращен. Особым постановлением запрещался дальнейший прием финнов в республику, а также прием их на работу в пограничных районах Карелии. Тех, кто поселился там ранее, следовало перевести во внутренние районы.

Новые переселенцы-финны из числа депортированного за Урал населения появились в Карелии лишь после 1956 г., когда они получили “чистые” паспорта и смогли выбирать места жизни поближе к старым районам расселения и те, где звучала родственная речь.

Окончательная реабилитация российских финнов произошла много позже, лишь в 1993 г., причем это был последний по времени акт о реабилитации репрессированных и депортированных в годы советской власти народов. В итоге прежде компактная группа финнов-ингерманландцев оказалась разобщенной, распавшейся на три основные, примерно равные по численности, группы: одна в Ленинградской области, вторая в Карелии и третья в Эстонии, около 15 тыс. было разбросано по всей территории Союза.

Реабилитация финнов и новая политическая ситуация в России позволили поставить вопрос о развитии культуры финского населения России, для которого это был и вопрос свободного признания своей национальной и религиозной принадлежности, восстановления в значительной мере утраченного финского языка.

Оценивая возможности этнокультурного развития финнов-ингерманландцев в наши дни, принимая при этом во внимание их рассеянное проживание в разных регионах России, следует признать, что наилучшие условия для этого имеются в Республике Карелия. Здесь издаются финноязычные газета и журналы, работает на финском языке Национальный театр, ведутся теле- и радиопередачи на финском языке. Язык преподается в более, чем 80 школах республики, изучается в университетах. Все это позволяет поддерживать и сохранять местным финнам-ингерманландцам свою этническую идентификацию.

В “Историческом очерке” раздела уже отмечено, что отошедшие в XVII в. Швеции земли, в то время получившие название Ингерманландии, заселялись мигрантами-финнами преимущественно из юго-восточных районов Финляндии. Они принесли с собой особенности финских говоров тех мест.

Юго-восточный диалект финского языка формировался в специфических условиях многовекового противостояния России (а ранее Новгорода) и Швеции и при постоянной миграции разнородного населения в районы северного побережья Финского залива, на территории Карельского перешейка и северо-западного побережья Ладожского озера. Конгломерат этих гетерогенных местных говоров образовал в Финляндии юго-восточный диалект. Отметим здесь его наиболее характерные черты:

1) так называемая общая геминация согласных после краткого главноударного гласного перед долгим безударным или дифтонгом: *tulloo* (лит. *tulee*) ‘идет, проходит’, *männöö* (лит. *menee*) ‘идет, проходит’, *kättee* (лит. *käteen*) ‘в руку’, *kala* ‘рыба’, *kallaa* (партитив) ‘рыбы’;

2) долгий гласный или дифтонг в начальном слоге при слабой ступени чередования согласного: *mäki* ~ *meäjet* ~ *meajet* (лит. *mäet*) ‘холм – холмы’, *rako* ‘щель’ мн.ч. *raavot* – *roavot* – *ruovot* (лит. *raot*);

3) далее, сочетание согласных подвержено чередованию *sk:s*: *poski* ‘щека’, мн.ч. *poset* (лит. *posket*), *isköö* ‘бьет’, *isen* ‘бью’ (лит. *isken*);

4) характерно отпадение конечных гласных *a/ä* в некоторых падежных формах: *moas* ~ *muas* (лит. *maassa*) ‘в земле’, *kyläst* (лит. *kylästä*) ‘из деревни’;

5) окончание 3-го лица ед.ч. настоящего/будущего времени при односложных и трехсложных основах глагола: *juop(i)* (лит. *juo*) ‘пьет’, *syöp(i)* (лит. *syö*) ‘ест’, *haravoip(i)* (лит. *haravoi*) ‘сгребает’;

6) суффикс мн.ч. существительных в косвенных падежах – *loi/löi*: *talolois* (лит. *taloissa*) ‘в домах’, *tyttöilöil* (лит. *tytölle*) ‘девочкам’;

7) формы I инфинитива на *hal/hä*: *tehhä* (лит. *tehdä*) ‘делать’, *soah(h)a* ~ *suah(h)a* ~ *saah(h)a* (лит. *saada*) ‘получать’, *jeäh(h)ä* ~ *jäh(h)ä* ~ *jääh(h)ä* (лит. *jääda*) ‘оставаться’;

8) личные местоимения *myö* ‘мы’, *työ* ‘вы’, *hyö* ‘они’ (лит. *me*, *te*, *he*) и др. (Елисеев, 1975. С. 145–146); Основы финно-угорского языкознания, 1975; Конналева, 1998. С. 90–91).

В ингерманландско-финских говорах также можно отметить следующие общие диалектные черты:

1) инфинитив на *ša/sä*: *juossa* (лит. *juosta*) ‘бежать’, *pessä* (лит. *pestä*) ‘мыть’;

2) возвратные глаголы на *jal/jä*: *pesseija* (лит. *pesetyjä*) ‘мыться, умываться’, *riisuija* (лит. *riisuutua*) ‘раздеваться’, *lasseija* (лит. *laskeutua*) ‘спускаться, опускаться’;

3) ассимиляция конечного гласного в безударном слоге: *karhuu* (лит. *karhua*) ‘медведя’, *poikii* (лит. *poikia*) ‘мальчиков’;

4) в глагольных формах 3-го лица мн.ч. презенса и имперфекта наряду с окончанием *vat/vät* выступает удлинение конечного гласного основы (+ показатель мн.ч. *t*): *syövät/söivät*, ‘едят/ели’, *juovat/joivat* ‘пьют/пили’, но при общей геминации согласного в основе слова: *nukkuut/nukkuit* ‘спят/спали’, *sannoot/sannoit* ‘говорят/говорили’ (в лит. *söivät/syövät*, *juovat/joivat*, *sanovat/sanoivat*, *nukkuvat/nukkuivat*); палатализация согласных *t*, *s*, *l*, *n*, *r* перед *ij*: *r’ie* ‘дорога’, *pal’jo* ‘много’ и в конце словоформы при отпадении конечного *-i*: *pien* ‘маленький’ (лит. *pieni*), *ves* ‘вода’ (лит. *vesi*), *hiä tul* (лит. *hän tuli*) ‘он пришел’ (Конналева, 1998. С. 88, 91–92).

Как уже отмечено, по местам исхода переселенцы делились на две основные группы. Одна называла себя эвремейсами (*ävrämöiset*) по крайнему юго-восточному приходу Финляндии Эуряпя (*Äyräpää*) и соответственно пользовались говором этой местности. Другая группа, более многочисленная, называла себя савакосцами или савакотами (*savakot*), т.е. жителями земли Саво, и была более смешанного происхождения – люди пришли из разных частей этой территории. Говор савакосцев был в целом близок языку жителей приходов Саккола и Пюхяярви, расположенных на западном побережье Ладожского озера (*Leskinen H.*, 1995. S. 167–176; *Savijärvi I., Savijärvi M.*, 1999. S. 29). Существовавшие в языке переселенцев говорные различия уже изначально были незначительными, в рамках одного, общего для них юго-восточного диалекта Финляндии. Наиболее типичной была различная репрезентация долгих *a/ä* в первом, главноударном слоге: в говоре эвремейсов сохранялся долгий гласный (*maa* ‘земля’, *pää* ‘голова’, *saap(i)* ‘получает’, *kaataa* ‘наливает’), а в говоре савакосцев произошла его дифтонгизация (*moa* ~ *mua*, *peä* ~ *piä*, *soap(i)* ~ *suap(i)*, *koataa* ~ *kuataa*) (*Коппалева*, 1998. С. 88).

Известно, что до последней четверти XIX в. савакосцы и эвремейсы четко сохраняли различное самосознание и придерживались определенных норм обособления друг от друга, но в конце XIX в. многими наблюдателями было отмечено, что в короткие сроки, даже как-то неожиданно, савакосский диалект стал вытеснять говоры эвремейсов. Они писали, что можно было встретить, например, женщину, одетую в народный костюм эвремейски, но говорящую на савакосском наречии. Правда, наряду с этим В. Поркка в этот же период заметил, что в речи савакосцев, живших на юг от Ладожского озера (лют. приход Марково), появились эвремейские элементы.

Можно полагать, что процессы, ведущие к стиранию языковых различий между этими двумя группами финского населения, шли и ранее. Жизнь в ходе нескольких веков в непосредственной близости и взаимные контакты обеих групп финнов постепенно привели к нивелировке этих различий в пользу языка савакосцев, занимавших лидирующее положение в регионе.

Тот факт, что в определенной мере возобладала речь савакосцев, объясняется тем, что они уже изначально были преобладающей частью финского населения на этой территории. Кроме того, их численность увеличивалась за счет нового потока переселенцев и наемных работников (особенно после вхождения Финляндии в состав Российской империи), которые приходили сюда также в основном из юго-восточных районов Финляндии. Естественно, что и контакты между двумя группами финнов, включая брачные связи, с течением времени усиливались. Немалую роль в этом процессе сыграли и проникавшие сюда идеи национального финского движения о необходимости консолидации финнов. Следует полагать, что на развитие языковых процессов в местной финской среде в этот период влияло и распространение финского языка в его литературной форме. При этом следует учитывать роль церкви – церковные приходы уже на ранних этапах играли определенную объединяющую роль для местных финнов как единоверцев, живущих среди православного населения края. Церковная служба велась по привычному им обряду, а проповеди читались на их родном языке. Это оказывало определенное влияние на их речь: многие пасторы прибывали из Финляндии, кроме того, церковь была обязана прививать своим прихожанам хотя бы элементарные навыки чтения и письма. С течением времени уровень обучения повысился (особенно после основания семинарии в Колпано) как в церковноприходских школах, так и благодаря организации сети светских школ, ставших впоследствии (в первый период советской власти) основой на-

родного образования и обучения детей на родном языке в его литературной форме. Такое положение сохранялось здесь до 1937 г.

Наряду с этим церковные приходы с их центром – церковью долгое время представляли определенную единицу контактов для своего населения, что, по мнению некоторых исследователей, создавало возможности для сохранения у старожилов мелких локальных различий в говорах.

Тем не менее Ю.Э. Коппалева, специально изучавшая эти проблемы, выделяет четыре основные группы ингерманландско-финских говоров, уже не связанных со старыми ареалами говоров савакосцев и эвреймейсов: это северная, восточная, центральная и западная (Коппалева, 1998. С. 91–92). Согласно разработанному ею делению, северная группа финско-ингерманландских говоров охватывает территорию на Карельском перешейке, южной границей которой служит р. Нева. (В прошлом в юго-западной части этой территории жили савакосцы, а в северо-восточной – эвреймейсы.) Северная группа объединяет семь говоров: лембаловский (фин. *Lempaala*), вуоле (фин. *Vuolee*), токсовский (фин. *Toksova*), белоостровский (фин. *Valkeasaari*), хаапанкангаский (фин. *Haapankangas*), рябовский (фин. *Rääpyvä*) и колтушский (фин. *Keltto*).

Восточная, или марковско-мгинская группа, стоящая особняком от других и расположенная южнее Ладожского озера, включает два говора – марковский (фин. *Markkova*) и мгинский (фин. *Järvisaari*).

Центральная группа говоров, по этой классификации охватывавшая наибольшую по численности часть ингерманландско-финского населения, была распространена на запад от рек Тосно и Тигода, включала прибрежные части Финского залива и доходила до окрестностей Копорья (фин. *Kaprio*). Копорский говор отнесен Ю.Э. Коппалевой уже к западной группе. Центральная группа включала следующие говоры: мартышкинский (фин. *Tyrö*), хизтамякский (фин. *Hietämäki*), серепетский (фин. *Serepetta*), ропшинский (фин. *Ropsu*), дудергофский (фин. *Tuutari*), инкере (фин. *Inkere*), павловский (фин. *Venjoki*) скворицкий (фин. *Skuoritsa*), губаницкий (фин. *Kupanitsa*), колпанский (фин. *Kolppana*), шпанковский (фин. *Spankkova*), копринский (фин. *Koprina*), лисинский (фин. *Liissilä*). К западной группе Ю. Коппалевой отнесены 6 говоров: копорский (фин. *Kaprio*), молосковицкий (фин. *Moloskovitsa*), сойкинский (фин. *Soikkola*), котловский (фин. *Kattila*), новосёлкинский (фин. *Novosolka*), коземкинский (фин. *Kosemkina*). Ареал этой группы охватывал территорию от Копорья до р. Луги.

Таким образом, как показывает материал, старое деление на говоры эвреймейсов и савакосцев утрачивало в ходе времени свою актуальность и лингвистическая карта ингерманландско-финских говоров претерпела существенные изменения.

Несмотря на серьезные исследования Ю.Э. Коппалевой, приходится все же констатировать, что достаточно детальных исследований по группам говоров ингерманландских финнов пока нет. Нужны специальные работы по изучению диалектных особенностей языка финнов-ингерманландцев, которые дали бы четкие основания для выделения отдельных говоров и их последующего объединения в четыре (или пять) групп на основании общих для каждой группы изоглоссных явлений. До этого по поводу выделения Ю. Коппалевой некоторых групп говоров ингерманландских финнов возникают определенные сомнения.

На наш взгляд, методологически неправомерно было устанавливать количество говоров механически, по числу церковных приходов, без лингвистического анализа языка, исходя лишь из теоретической возможности формирования отдельного говора в условиях относительной территориальной обособлен-

ности членов церковной общины. Примером такого развития может служить, на наш взгляд, лишь крайний западный говор одного относительно обособленного церковного прихода Нарвуси (ранее Нарвуси-Коземкина). Во всех остальных случаях возникают сомнения о правильности деления говоров по церковным приходам.

К тому же следует учитывать, что границы приходов менялись в ходе времени: в частности, в 1820–1830 гг., в период деятельности епископа Сюгнеуса; современное приходское деление также не совсем совпадает со старым, существовавшим до 1930-х годов.

При решении вопроса о территориальном распределении ингерманландских говоров следует учитывать и характер более позднего потока переселенцев из Финляндии. Прежде всего, эта миграция не имела характера принудительного переселения в строго определенные приходы. Переселенцы сами выбирали места своего нового места жительства, где, по их мнению, были более благоприятные условия жизнеобеспечения. Носители одного говора могли поселяться в разных церковных приходах, сохраняя свои исходные формы речи. В свете высказанных соображений возникает вопрос о правомерности выделения восточной “группы говоров”. В восточном ареале, южнее Ладожского озера, финские мигранты, действительно, жили в двух церковных приходах – марковском и мгинском. Однако вопрос о существовании там двух говоров (по принципу “два прихода – два говора”) остается открытым, поскольку для этого необходимо сначала показать различия в их языке на уровне двух говоров и лишь после этого определять общие изоглоссные явления, объединяющие эти говоры в единую, в данном случае восточную группу говоров. Для выделения в восточном ареале финских мигрантов двух говоров без их сравнительно-сопоставительного анализа, только по существованию двух церковных приходов, пока нет основания. Расселение переселенцев кустами и существование у них однотипных говоров, совпадающих с церковными приходами, свидетельствует, как правило, об едином месте исхода мигрантов. Так было первоначально с расселением эврейцев и савакосцев, имевших два различных финских говора и переселявшихся каждый из своего района исхода.

Еще более обоснованно предполагать это для расселения финнов в восточном регионе, на значительно обособленной территории южнее Ладожского озера. В их говоре сохранилась такая основная особенность, восходящая к месту их исхода, как дифтонгизация долгих гласных *a/ä* в безударном (конечном) слове: *kallua* ‘[нет] рыбы’, *leipiä* ‘[нет] хлеба’, *ottua* ‘брат’, *pitiä* ‘держат’ (в других говорах: *kallaa*, *leipää*, *ottaa*, *pittää*). Следовательно, речь должна идти не о двух говорах в восточной группе, а о едином восточном говоре, подразделяющемся на два подговора – марковской и мгинский. Подход к решению проблемы с позиций диалектологии, а не церковно-административного деления на приходы позволяет более адекватно решать вопрос о диалектном членении финского языка на территории бывшей Ингерманландии. Церковноприходской говор может считаться отдельным говором в случае его относительной территориальной обособленности и наличия в языке его носителей характерных особенностей, отличающих его от других. Таким говором может считаться сильно эстонизированный западный говор церковного прихода Калливиэри, существовавшего в 1920–1940-е годы в составе Эстонской Ингрии и представлявшего часть старого прихода Нарвуси.

При наличии нескольких приходов, входящих в состав основного говора, их речь трактуется как подговоры (например, марковский и мгинский).

С этих позиций хорошо выделяется северный говор, распространенный на Карельском перешейке, севернее р. Невы и объединяющий подговоры семи церковных приходов (как савакосских, так и эврейских в прошлом). Основой для этого служит общая для всех этих подговоров изоглосса 1-го лица мн.ч., в функции которой выступают формы пассива: *myö sanotaa* 'говорим, скажем', *myö annetaa* 'даем, дадим'.

Нам представляется также более обоснованным говорить об одном, центральном (а не центральном и западном, по Ю.Э. Коппалевой) говоре. Он охватывает финское население 19 приходов, расположенных южнее р. Невы и далее на запад широкой полосой по южному побережью Финского залива вплоть до Прилужья. Характерной изоглоссой, объединяющей подговоры центрального говора, являются личные формы 1-го лица мн.ч., близкие литературным (в отличие от форм пассива в северном говоре) *myö sanomma* '[мы] говорим, скажем'; *myö annamma* '[мы] даем, дадим' (ср. лит. *me sanomme, me annamme*).

Таким образом, в ретроспективном плане с некоторыми уточнениями схемы Ю.Э. Коппалевой диалектное членение финского языка на территории Ингерманландии представляется следующим: язык ингерманландских финнов – это говоры юго-восточного диалекта Финляндии. При диалектологическом анализе языка за минимальную территориальную единицу местного населения берется существовавшее в дореволюционной России деление на лютеранские церковные приходы (всего 29 приходов). Однако эти приходы жестко (один к одному) не связываются с диалектным членением языка на говоры. Каждый говор может включать два и более подговоров на уровне приходов. При таком подходе на территории расселения финнов-ингерманландцев выделяется четыре говора: 1) северный, включающий население семи приходов и соответственно семь подговоров; 2) восточный двух упомянутых приходов, имеющий два подговора; 3) центральный, объединяющий 19 приходских подговоров; 4) западный – единственный, сформировавшийся в одном приходе Нарвуси в условиях относительной обособленности от живших восточнее савакосцев и при контактах с ижорским, водским и эстонским населением. Влияние последнего особо ощутимо на юге прихода, в той его части, что в 1920–1940 гг. входила в состав Эстонии.

Ю.Э. Коппалева справедливо полагает, что новые переселенцы могли способствовать формированию приходских отличий в говорах (Коппалева, 1998. С. 91). Но при этом она упускает из виду, что процесс дифференциации локальных говоров был характерен только для начального этапа, а со временем и при проживании на общей территории происходят процессы их интеграции и нивелировки по преобладающему на данной территории говору. Примером такой интеграции служит прежде всего языковая ассимиляция, нивелировка эврейского говора савакосским, что было отмечено исследователями. Свидетельством процесса интеграции и нивелировки приходских говоров служит также и сам факт возможности выделить группы говоров (по Ю.Э. Коппалевой – групп диалектов).

Не очень удачно, на наш взгляд, выделение Ю.Э. Коппалевой как особого западного ареала (молосковицкого, котловского, шпанковского, кобринского и лисинского) говоров (у автора – диалектов): она не выявила каких-либо языковых особенностей, отличающих эти говоры от говоров центральной группы. Вследствие этого мы считаем возможным отнести их к той же центральной группе.

Западным же следует считать говор западного прихода Нарвуси, охватывавшего обширную территорию по обе стороны р. Луги и Курголовский полуост-

ров. Часть его, как уже упомянуто, в 1920–1940 гг. входила в состав Эстонии, где в 1930-е годы финский язык практически преследовался (ср.: *Järvinen*, 1990, S. 15–45). В приходе Нарвуси, возможно, уже изначально образовался особый говор – западный или прилужский*.

Из характерных фонологических особенностей западного говора отмечает-ся отсутствие явления удлинения гласных во втором безударном слоге: *antant* ‘давший’, *vitsal* ‘розгой’, а также в главноударном слоге при слабоступенном чередовании согласных *käel* ‘рукой’, *vaost* ‘из борозды’ (в других говорах: *antaant*, *vitsaal*, *kääel*, *vaaost*). Исследователи отмечают также редукцию в произношении гласных *elä* и *ela*, в результате чего произошел синкретизм падежей адессива и аллатива с образованием единого падежа – адаллатива: *keväälle* в равной мере означает и ‘весной’ (лит. *keväällä*) и ‘весне’ (лит. *keväälle*) (*Virtaranta*, 1995, S. 41–46; *Alvre*, 1991; *Savijärvi I.*, 1996).

В области морфологии отличительными чертами служат: 1) окончание эссива – с геминированным согласным *nna/nnä*: *nuorena* ‘в молодости’, *lapsenna* ‘в детстве’ (в других говорах: *nuorena*, *lapsena*); 2) окончание абессива с геминированным согласным *ttaittä*: *hatutta* ‘без шляпы’ (в других говорах: с одиночным согласным *hatuta*).

В стадии завершения формирования находится достигаемый падеж терминатив послесложного происхождения, известный в водском и ижорском языках: он происходит из сращения послелого *saakka* ‘до’ с иллативной формой имени *metsää(s)saa – metsään saakka* – ‘до’ леса. Сращение не достигло статуса падежного окончания, так как еще не подчиняется закону гармонии гласных. К особенностям западного прилужского говора относится также то, что в иллативе – по эстонскому образцу – используется окончание – *sse* вместо финского – *seen*, хотя и не так широко: *patsaasse* (вместо фин. *patsaaseen*) ‘в столб’; *pensaasse* (вместо *pensaaseen*), ‘в куст’, *vaunuisse* (вместо *vaunuihin*) ‘в вагоны’.

Под влиянием эстонского языка в функции инструменталиса вместо адессива иногда используется комитатив: *veneenkä* (вместо *veneellä*) ‘на лодке, лодкой’.

Под влиянием эстонского и ижорского языков произошла утрата финских притяжательных суффиксов *talo-ni* ‘мой дом’, *talo-si* ‘твой дом’; вместо них используются генетивные формы личных местоимений: *minun talo*, *sinun talo*.

В области глагольного спряжения в 3-м лице мн.ч. имперфекта возникли формы на *vat/vät*: *antovat* ‘[они] давали’, *ottivat* ‘[они] брали’ (в других говорах: *antoit*, *ottiit*) (*Savijärvi I.*, *Savijärvi M.*, 1999, S. 29–31).

В финских ингерманландских говорах ощутимо влияние языков их соседей, проявляющееся в различных формах – в лексике, грамматике, фонетике.

Это относится в определенной мере уже и к юго-восточным диалектам финского языка в самой Финляндии. Так, в их лексике ощутим тот слой русских заимствований, очень древних, которые вошли и в литературный финский язык (например: *risti* ‘крест’, *pappi* ‘поп’, *pagana* ‘поганный’, *sirppi* ‘серп’ и др.).

Другие русские заимствования в ингерманландских говорах, принесенные ими с собой из мест исхода, также характерны для юго-восточного финского диалекта в целом, причем часть их была заимствована в диалектных формах северных русских говоров. Среди этих заимствований можно назвать также такие, как *rukkalet* ‘рукавицы’, *r’iäpäätä* ‘стряпать’, *säpplä* ‘сковородник’ (чапельник).

* Выше упомянуто, что в прошлом население этого прихода считалось савакским, но оно само хранило воспоминания о том, что его предки пришли сюда на кораблях не из тех мест, что соседние ингерманландцы. Правда, источников, подтверждающих эту легенду, пока не обнаружено.

Иногда они даже изменили свой исходный смысл: например, *porpana* – рус. ‘попона’ употреблялась в значении ‘половик’.

Наряду с этим многочисленны заимствования русской лексики, характерные лишь для финнов-ингерманландцев. Это такие, как *lat'jat* ‘платье’, *sertakkä* ‘чердак’, *läpätä* ‘шлепать’, *s'järii* ‘жарить’ и др. Многие заимствования относятся уже к новейшему периоду: например, *iistivenka* ‘иждивенка’, *verpoubka* ‘вербовка’, *penzija* ‘пенсия’. Общей чертой заимствований было то, что они, как правило, подчинялись фонетическим правилам финского языка. Происходили перенос ударения на первый слог, замена звонких согласных (*z, d, b*) глухими (*k, t, p*) на месте одного согласного появлялись двойные глухие: например, *uhvat-ta* ‘ухват’, *troppa* ‘тропа’.

Русские существительные женского рода с окончанием на *-ka* заимствовались в исходной форме: например, *jolkka* ‘елка’, *kartsitsa* ‘горчица’, *koraspelkka* ‘скоропелка’, *potrukka* ‘подруга’ и т.д. Существительные мужского рода, оканчивающиеся на твердый согласный, в финском приобретали окончание *-a*: например, *isvossiekka* ‘извозчик’, *uhvatta* ‘ухват’, *pilssikka* ‘пильщик’. При окончании на мягкий согласный в финском языке окончанием становилось *-i*: *kul'i* ‘куль’, *rovat'ti* ‘кровать’. Слова, заимствованные во множественном числе, приобретали финское окончание мн.ч., например, *konikat* ‘коньки’, *supretkut* ‘супрядки’.

Финны-ингерманландцы несколько веков жили также в непосредственном соседстве с местным финноязычным населением – водью, ижорой, эстонцами. В последний предвоенный период – до 1940 г. – насчитывалось уже немало и смешанных по этническому составу деревень. Правда, возможность таких межэтнических контактов была в разных частях Петербургской губернии различной: так, на Карельском перешейке в XIX в. существовали еще небольшие, но многочисленные группы ижоры, которые позже растворились среди местного финского и русского населения. В западных частях губернии и воды, и ижорцев было больше, в непосредственной близости здесь лежали и эстонские земли.

Исследователями отмечено ощутимое влияние эстонского, ижорского и водского языков на речь прилужского ингерманландского населения. В местном ингерманландском говоре встречается немало количество слов, общих с эстонскими, водскими и ижорскими словами, которые неизвестны по форме или значению другим ингерманландским говорам. Сильное влияние эстонского языка в немалой мере объясняется тем, что в период 1920–1939 гг. значительная часть этой территории, а именно – лежащая между реками Лугой и Россоной – входила в состав Эстонской Ингрии. В этот период в местных школах преподавание велось только на эстонском языке, даже пастор в лютеранской церкви был эстонец, а финский был выселен в Финляндию (Järvinen, 1990. S. 15–45).

Как уже упомянуто выше, на территории Ленинградской области преподавание в школах на финском языке (и финского языка) было прекращено в 1937 г. О судьбах российских финнов уже сказано выше, в гл. 1 “Исторический очерк”. Здесь мы отметим лишь некоторые моменты, связанные с языковой ситуацией. После 1937 г. в Ленинградской области финский язык сохранялся только как язык домашнего общения, а после высылки местного населения в военные годы за Урал младшие поколения росли уже по большей части в русском окружении. Вследствие этого они вообще не знали родного языка. По переписи 1989 г., из числа лиц, имевших официально финскую национальность, только треть владела финским языком. Как известно, около трети всего финского населения СССР к этому времени жило на территории Эстонии. Они довольно хорошо освоили эстонский язык, и те из них, кто сохранил финский язык, часто включают в свою речь эстонские слова и обороты.

Наиболее благоприятна языковая ситуация была для той части финнов-ингерманландцев, которые в 1950-е годы (а некоторые и позже) переселились в Карелию, где финский язык сохранял определенный официальный статус, имелись периодика и литература на финском языке, где ранее всего была восстановлена деятельность финноязычной лютеранской церкви и т.д.

В Ленинградской области и Ленинграде преподавание финского языка начало восстанавливаться только после перестройки. В наши дни все финны-ингерманландцы (как и другие российские финны), даже сохранившие родную речь, хорошо знают русский, их можно считать двуязычными. Своеобразной чертой их финской речи является то, что у большинства она в большей мере, чем у стариков, учившихся в финской школе, сохраняет диалектные черты. Тех же, кто посещал финскую школу, остались единицы – это люди, которым уже за 80 лет.

У владеющих финским языком характерно более сильное, чем ранее, влияние на него русского языка, в том числе в фонетике: сохраняются звонкие согласные и сочетание согласных в начале слов – русских заимствований – ударение не переходит на первый слог и т.д.

В их финском языке употребляется также много кáлек с русского языка: например, *kello viisi aamua* ‘в пять часов утра’, *mies ku loppu* ‘когда муж скончался’ и т.п. Влияние русского языка проявляется в использовании предлогов вместо обычных для финского языка послелогов (например, *keskel meijjan* ‘среди нас’, *ies sotta* ‘перед войной’ и т.п.).

Следует также отметить, что те из финнов-ингерманландцев, которые были вывезены во время войны в Финляндию, – а таких среди российских финнов после войны насчитывалось около 60 тыс. человек, – в какой-то мере восстановили знание финского языка, и в их речь вошли и новые лексические заимствования из финского языка. Этому процессу в настоящее время способствует как оживление прямых контактов с Финляндией, так и чтение на литературном финском языке книг и прессы и т.д.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

У финнов-ингерманландцев, как и у других народов этого края, хозяйство определялось, с одной стороны, местными природными условиями, с другой – наличием здесь крупных городских центров и в первую очередь столицы России – С.-Петербурга.

Основным занятием финских крестьян было сельское хозяйство, в приморских районах большую роль играло и рыболовство. Некоторые финляндские собиратели фольклорных и этнографических материалов, побывавшие здесь во второй половине XIX в., отмечали отсталость местной сельскохозяйственной техники и вообще сельского хозяйства по сравнению с Финляндией (*Haltsonen*, 1965. S. 46; *Tallqvist, Törneros*, 1904. S. 383).

В целом (особенно по сравнению с западными частями Финляндии) это наблюдение было правильным. Известно, что здесь долго сохранялся двухпольный севооборот и еще в 1840-е годы во многих местах под пашню выжигали лесные участки (*Haltsonen*, 1965. S. 46). Причины этого крылись прежде всего в том, что почвы в Петербургской губернии в целом невысокого качества. Относительно плодородными были лишь земли на Ижорской возвышенности; кроме того, на песчаных почвах некоторых северо-восточных районов хорошо рос картофель. В дореформенный период возможности интенсификации сельского хозяйства были невелики и местное крестьянство страдало от малоземелья. В ближайших окрестностях Петербурга душевые наделы составляли около

4 десятин, на Карельском перешейке они были примерно в два раза больше, но в некоторых местностях и совсем ничтожны – 2,5 десятины (Inkerin historia, 1969. S. 278; Inkeri, 1991. S. 188). Связанный с общинной системой землепользования принудительный трехпольный севооборот препятствовал внедрению новшеств. Ограничены были также площади покосов и выгонов, что не позволяло держать большого количества скота, а стало быть, и хорошо удобрять поля. Сохранились даже сведения о том, что в некоторых деревнях крестьяне привозили на свои пашни навоз из петербургских конных казарм (Mesiäinen, 1990. S. 8).

Зерновые культуры крестьяне сеяли только для собственных нужд, в первую очередь – озимую рожь и из яровых – ячмень и овес. Пшеница прививалась медленно. Кроме того, сеяли гречиху и горох, а из технических культур в небольших количествах, также для домашнего использования – лен и коноплю. Повсеместно сажали картофель, который шел в пищу и на корм скоту. В некоторых районах, на север от р. Невы (Колтуши, Токсово и др.) картофель выращивали и для продажи на рынке, а также поставляли его на местные винокуренные заводы, где из него гнали спирт, делали картофельную муку и патоку (Haltsonen, 1965. S. 46). Из овощей сажали много капусты, которая также шла и на продажу, причем частью в квашеном виде.

Средние крестьянские хозяйства держали по 2–3 дойных коровы, 5–6 овец, десяток кур (Inkerin historia, 1969. S. 136).

В пореформенный период в развитии местного сельского хозяйства произошли существенные сдвиги. Прежде всего, стали больше держать молочного скота, что позволило развивающееся травосеяние: в конце XIX в. клевер сеяли уже повсеместно. Кроме того, начали прибегать к аренде и даже покупке выгонов и покосов у местных помещиков – многие из них после волнений 1905 г. продавали свои земли.

Повысились у крестьян и агротехнические навыки, благодаря распространению специальной литературы и обучению в сельскохозяйственных школах (первая была открыта в Ямбургском уезде). В среде финских крестьян стали возникать Общества земледельцев, также пропагандировавшие агротехнические знания и новую технику. Первое из них появилось в 1896 г. в Лемболове (Lempraala), а в 1912 г. их было уже 12 (Inkerin historia, 1969. S. 140). На рубеже XIX–XX вв. сельское хозяйство приобрело настолько развитый товарный характер, что уже организовывались хозяйственные снабженческие и сбытовые кооперативы (Toikka, 1937. S. 24–29).

Возросшее производство сельскохозяйственной продукции позволяло расширить и сбыт ее на столичных рынках. Разумеется, основной массой продовольственных товаров, таких, как хлеб, мясо и масло, Петербург обеспечивался в основном за счет южных губерний России, Украины, Ставропольского края, а молочные продукты поступали из северных районов – Вологодской и Архангельской губерний (Холмогор). Был налажен также оптовый подвоз их из Прибалтийского края и ближайших районов Финляндии (Inkerin historia, 1969. S. 135). Но наряду с этим петербургский рынок принимал в большом количестве и те продукты, которые поставляли сюда в индивидуальном порядке местные крестьяне, в том числе и финские. При этом у финнов действовала хорошо развитая сеть перекупщиков, которые подвозили продукцию из западных частей губернии и ближайших районов Финляндии. Известно, в частности, что финляндские крестьяне привозили свои товары в Токсово, Харпово, Оселки и др., а там сдавали их местным финнам, из числа знавших русский язык. Последние уже направлялись на столичные рынки (Inkerin historia, 1969. S. 136).

Рис. 110. Ручной сев в военные годы, с. Шпанково (фототека Музейного ведомства, Финляндия; фото А. Хямяляйнена, 1943 г.; *Inkerin maalla*, 1989)

Рис. 111. Снопы в "бабках" на поле, с. Шпанково (фототека Музейного ведомства, Финляндия; фото А. Хямяляйнена, 1943 г.; *Inkerin maalla*, 1989)

На Сенном рынке Петербурга привычно было видеть финские возы с бидонами молока и сливок, горшочками “чухонского” и обычного сливочного масла, сметаной, творогом и варенцом. Из ближайших окрестностей города финские молочницы – “охтенки” – шли пешком, неся на коромысле несколько бидонов молока, и обычно разносили его по домам. Финские крестьяне привозили на продажу и мясо, особенно телятину и свинину, осенью шел и массовый подвоз домашней птицы. Считалось доходным разводить гусей, их перегоняли в город “своим ходом”, предварительно покрыв им лапки дегтем и песком, чтобы птицы не стерли в пути перепонки.

Многие финские крестьяне держали пчел, мед всегда был в цене. В ближайших окрестностях столицы разводили яблоневые сады и садовые ягоды, привозили на рынки и лесные ягоды и грибы. В городе можно было выгодно продать также сено и солому, веники, осиновою кору, мочало и т.д.

Определенные доходы давала местному населению и транспортировка грузов как гужевым транспортом, так и водным путем. В летнее время рыбаки, имевшие парусники, возили в столицу строительные материалы: лес, камень, гравий и песок, а также дрова. Зимой дрова везли санным путем, выгружая их у Тучкова моста на Невке, где была дровяная биржа.

Хорошие заработки давали крестьянам лесные работы: рубка леса и сплав его по рекам плотами, в частности – из-под Копорья и по р. Коваши (фин. Nevaа) (О.А. Grundstroemin, 1904. S. 406). Многие финские крестьяне ездили в Петербург подрабатывать в качестве городских извозчиков, преимущественно зимой, в свободное от полевых работ время. Собиравшие в Петербургской губернии фольклорные материалы Таллквист и Тёрнерус писали: “Редко, кто из крестьян не занимается этим делом хотя бы неделю зимой. Некоторые даже держат для этого в городе 2–3 лошади” (*Tallqvist, Törneros*, 1904. S. 388). Говоря о “неделе”, авторы имели в виду масленицу, когда традиционные катания на санях сулили хороший заработок (*Karste-Liikkanen*, 1968. S. 88–89).

Некоторые крестьяне от занятий в городе имели такой доход, что оставались там и в полевой сезон, нанимая для работы в своем крестьянском хозяйстве работника. Прибегали к найму рабочей силы на летний период и зажиточные крестьяне. Характерно, что в сезонные батраки в финские деревни Петербургской губернии шла преимущественно беднота из юго-восточных районов Финляндии.

Те же Таллквист и Тёрнерус отмечали, что почти в каждой деревне они встречали людей из Финляндии: кто был в батраках, кто пастухом в стаде или табунщиком (*konuhha*). Многие из них были из восточной провинции Саво: “Бедные люди оттуда бросаются сюда, так как здесь платят во много раз больше” (*Tallqvist, Törneros*, 1904. S. 382).

А. Саксбэк, собиравший в те же годы материалы в северных частях Петербургской губернии, писал, что в Токсовском приходе, где постоянного финского населения насчитывалось около 8 тыс. человек, было еще примерно 2 тыс. пришлого люда из Финляндии, а в соседнем приходе Колтуши еще больше. Здесь всех пришлых наемных работников называли бурлаками (*purlakut*). Поденщику платили 3 руб. в неделю на хозяйских харчах, еще больше заработать можно было на рытье канав. Таким образом, накопив за лето 50–60 руб., “бурлаки” по большей части уходили обратно, в Финляндию, но некоторые оседали здесь и навсегда. Саксбэк отмечал при этом, что “бурлаки” быстрее коренного финского населения края воспринимали русские обычаи: “покупают себе красные рубахи, учатся петь русские песни”. Местное финское население относилось к такому поведению неодобрительно (*Saxbäck*, 1904. S. 358–359; ср. также: *Inkeri*, 1991. S. 190).

Рис. 112. Рыбачья лодка на Липовском озере. Финны-савакосцы, приход Нарвуси (РЭМ; фото Д. Золотарева, 1926 г.)

Рис. 113. Лошади у церкви в Молосковицах. Видны двух- и четырехколесные повозки (фото-тека Музейного ведомства, Финляндия; фото Ю. Луккаринена, 1911 г.; Inkerin maalla, 1989)

Наряду с сельскохозяйственными занятиями денежный доход давало и рыболовство, в первую очередь – морское, и особенно жителям западных районов губернии, населению Сойкинского и Курголовского полуостровов. Лов велся преимущественно зимний, подледными неводами. Салака, килька, чешуйчатые сорта рыб находили сбыт в городах, куда их везли перекупщики. В город отвозили и миногу, которая водилась в основном в р. Луге. Но вообще пресноводная рыба предназначалась обычно для домашнего употребления, ее заготавливали впрок, солили и вялили.

В целом доходы от перекупной торговли, поставки своих продуктов на городской рынок, заработки на лесных промыслах и извозе давали финским крестьянам неплохой доход.

Ремесленные занятия, даже в рамках собственного хозяйства, были у местных финнов развиты слабо. Это, судя по заметкам финских наблюдателей, было особенно ощутимо в сравнении с уровнем развития домашних ремесел в самой Финляндии.

С. Халтсонен, один из лучших специалистов по традиционной культуре финноязычного населения этого края, писал, что финны-ингерманландцы ремесленниками “не славятся”, хотя среди них есть хорошие кузнецы (*Haltsonen*, 1965. S. 47). Правда, Таллквист и Тёрнерус свидетельствуют, что они не встретили среди местных финнов даже кузнецов, а в домах у крестьян нет просто хорошего финского ножа для деревообделочных работ и изготовления хозяйственного инвентаря (*Tallqvist, Törneros*, 1904. S. 383). То, что финские крестьяне в этих местах сами не изготавливали хозяйственный инвентарь, а приобретали его за деньги, отмечается и другими авторами. Наряду с этим по деревням ходили мастера из Финляндии, которые выполняли плотницкие и столярные работы, в частности – делали мебель для крестьянских домов; были среди них также сапожники и портные (*Inkeri*, 1991. S. 190).

Но все же ремесленники были и среди местных финнов. Так, известны, мастера, изготавливавшие “финские сани”; на Карельском перешейке, в приходе Валкъярви делали колесные транспортные средства: брички, коляски и т.п., работали также просто колесники, а в Усть-Луге – плотники-корабелы, специализировавшиеся на изготовлении лодок и парусников и т.д. Но благоприятных условий для развития ремесел у местного населения, и не только у финнов, в Петербургской губернии не было. С одной стороны, большие заработки давали торговля и работа по найму в городах, с другой – близость крупных городов – Нарвы на западе и Петербурга на востоке – с их фабричными товарами ограничивала возможности сбыта продукции местных мастеров лишь ближайшей округой. К тому же их продукция не могла и по цене конкурировать с дешевыми фабричными изделиями (*Suomen suku*, III, 1934. S. 278).

В настоящее время сельское финское население в Ленинградской области невелико: по данным переписи 1989 г., оно составляло примерно 17 тыс. человек. Наиболее значительные группы финнов жили в Волосовском, Всеволожском и Гатчинском районах, часть была занята в сельском хозяйстве, часть работала в рыболовецких артелях.

Поселения. Известно, что деревни на южном побережье Финского залива и Карельском перешейке в XVI–XVII вв. были невелики, много было и однодворок: так, в Ореховском погосте они составляли примерно треть всех деревень. Крупные деревни (14–22 двора) в переписных книгах того времени отмечены на берегах Невы, на Васильевском и Фомином островах и на Лисьем носу на Карельском перешейке. Переселявшиеся сюда после Столбовского мира финские колонисты частью селились в опустевших за годы войн дворах старых деревень, частью осваивали новые участки, что увеличивало число однодворок.

Рис. 114. Деревня Калливиери. приход Калливиери (фото Й. Трейфельта. 1934 г.; Inkerintiellä, 1990. S. 18)

Когда территория Ингерманландии была возвращена под власть России, ее земли также были сильно опустошены в ходе предшествующей Северной войны. Власти раздавали их новым землевладельцам, требуя при этом быстрейшего заселения пустующих деревень. В ходе перевода помещиками на эти земли русских крестьян из внутренних губерний России финские поселенцы в массовом порядке сгонялись на необработанные лесные и заболоченные земли. В дальнейшем на развитие поселений в Петербургской губернии влияли российские нормы аграрных отношений и формы крестьянской зависимости: здесь были как частные, так и казенные имения, в том числе дворцовые. Действовали и различные уложения, направленные на упорядочение планировки поселений.

Вследствие всего этого деревни, заселенные финнами, к концу XIX в. по планировке мало отличались от местных русских или водских и ижорских деревень. Это подтверждается как заметками работавших здесь в конце XIX – начале XX в. исследователей, так и фотографиями тех времен. Обычно деревня имела центральную улицу, вдоль которой стояли дома. Только на Карельском перешейке встречалась более разреженная и свободная планировка. Существовали деревни и смешанной улично-кучевой планировки.

К этому времени в расселении финнов произошло уже немало изменений. В 1727 г. при проведении ревизии в Петербургской губернии было принято решение сосредоточить все финское население не только в отдельных деревнях, но и едиными территориальными группами. Однако это постановление было трудно осуществимо. Переселение требовало затраты немалых средств, кроме того, оно не разрешалось без согласия на то поместных владельцев (Haltsonen, 1965. S. 43).

Насколько компактными группами располагались финские деревни в дальнейшем, судить трудно. Карта П. Кёппена, отражающая расселение финно-

язычного населения в Петербургской губернии на середину XIX в., отмечает лишь ареалы води, ижоры и двух групп финнов (савакосцов и эвримейсов), а также немцев. Были ли внутри ареалов русские деревни – не отражено. Но во всяком случае к концу XIX в. финское население губернии в процентном отношении было невелико – лишь 12,8% от общей численности, причем оно было сосредоточено преимущественно в восточных и северных уездах (в Шлиссельбургском финны составляли 43% населения, в Царскосельском – 35%, в Петербургском – 33,5%, в то время как в Ямбургском – 19%, а в Лужском – лишь 0,8%). Это обуславливало расположение финских поселений в непосредственной близости от русских деревень.

К концу XIX в. существовали уже и смешанные по этническому составу деревни. Количество чисто савакосских или эвримейских деревень составляло примерно около половины от общего числа финских поселений. В некоторых деревнях жили как финны, так и водь, ижора и русские. При этом обычно в деревне возникали разные концы – “русский конец”, “ижорский конец” и т.д. (ср. *Ethnologisches...*, 1970. S. 106–122).

Многовековое чересполосное расселение местных финноязычных народов и русского населения, несмотря на наличие языковых и конфессиональных барьеров, привело к определенным культурным взаимовлияниям. Русское влияние ощутимо отразилось на местном финском жилище.

Жилище. Дома местных финнов стояли обычно торцом к деревенской улице. Вдоль торцевой стены нередко делали скамью, на которой по вечерам сидели старики. В ряде случаев упоминается, что хозяйственные постройки ставились, как у русских, – соединенными с домом.

Избы в прошлом были двухкамерными: к жилому помещению (*pirtti*) пристраивались холодные сени (*porstua*). Даже в начале XIX в. в трехкамерных постройках жилой часто была лишь одна половина, а помещение по другую сторону сеней служило клетью (*romuhuone*), куда убирали разное “баракло” (*Tällqvist, Törneröos*, 1904. S. 383). С течением времени вторая половина стала летней избой, а иногда и “чистой” половиной жилища. Правда, для некоторых местностей трехкамерные и многокамерные жилища были характерны издавна, что связано с сохранением там больших семей. Это, в частности, относится к группе савакосских деревень, лежащих на север от р. Невы, жители которых называли себя “собственно государственными”. Там и после отмены крепостного права сохранялись большие семьи и для женатых сыновей к избе пристраивали новый сруб.

Строительная техника у местных финских крестьян была первоклассной. Один из немецких путешественников начала XVIII в. писал, что “ни один немецкий плотник не сравнился бы с местными” (см.: *Haltsonen*, 1965. S. 91). При этом жилища финнов в те времена были еще по большей части курными, с низкими потолками и высокими порогами, а вместо окон прорубались лишь световые отверстия, закрываемые деревянными задвижками. Только у богатых крестьян в избах были слюдяные окна. Кровельным материалом служили солома или щепка. Обстановка была скудной: пристенные лавки, стол; спали на лавках и на печи, которую складывали с плоским верхом, для новорожденных были подвесные люльки. Освещалась изба лучиной. Более поздние путешественники отмечают пристроенные к задней стене избы нары – *rovatum* (*rovatit* < рус. кровать), наличие одного или нескольких столов, табуретов, скамеек и шкафов (*Tällqvist, Törneröos*, 1904. S. 383).

Курные избы встречались у местных финнов очень долго. Это обратило на себя внимание даже А.О. Хейкеля, который был в этих краях в конце XIX в.

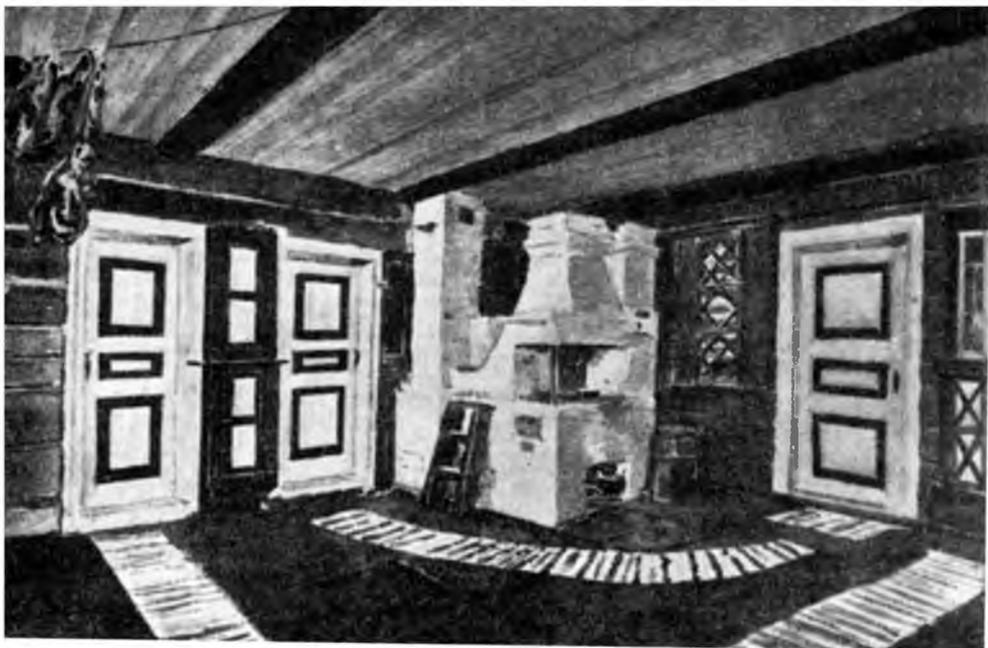

Рис. 115. Интерьер финской избу (Габе, 1930. Табл. 10, 2)

Рис. 116. Дом Юлиана Похьялайсена, д. Калливиери, 1937 г. (Inkerin tiellä, 1990. S. 123)

В своих заметках он писал, что курные избы сохранялись даже в непосредственной близости от Петербурга, так что “из волокового окна можно видеть золотые купола церквей столицы” (цит. по: *Haltsonen*, 1965. S. 96). Курные печи были типа духовых, т.е. не отличались по типу от русских и восточнофинских. Они складывались на деревянном или каменном опечье. На шестке оставляли место для подвешенного котла, который вешали на специальный крюк (*haahla*). Для подогрева пищи на шестке пользовались также треногим таганком.

Несмотря на то, что у бедняков курные избы сохранялись долго, в целом в конце XIX в. жилища стали гораздо более усовершенствованными. Дома строили уже на фундаменте, прорубали большие окна с открывающимися рамами. Снаружи окна украшали резными наличниками и снабжали ставнями (*stavnit*). С появлением дымоходов над шестком печи стали делать вытяжные колпаки пирамидальной формы, шесток превратился в плиту с подтопком. На чистой половине ставили печи типа голландок. Полы в домах были застланы домоткаными половиками, на окнах появились занавески, в употребление вошли керосиновые лампы.

Определенную роль в развитии благоустройства жилища сыграло то, что в окрестностях Петербурга в это время появились дачники (*kesävierat*). Они приносили крестьянам определенный доход не только благодаря оплате жилья, но и покупая в их хозяйствах молоко, масло, яйца, ягоды и т.д. Вместе с тем для сдачи помещения горожанам следовало иметь в доме подходящую обстановку в чистой половине, пристроить к ней веранду и т.п.

Пища. Сведений о многих областях традиционной культуры финнов-ингерманландцев сохранилось мало. Это относится, в частности, к пище. В ранних сведениях говорится только, что питались они скудно – ели черный хлеб и мучные каши (*Haltsonen*, 1965. S. 92). Упоминаются и каши из различных круп, в первую очередь ячменная; похлебки разного рода: щи, уха, гороховый суп. Умели готовить овсяный кисель.

Хлеб выпекался из кислого ржаного теста, в форме высоких ковриг. Пекли также лепешки из ячменной муки. Мясо на столе было редкостью. При этом ели довольно много рыбы, которую ловили как в море, так и местных реках и озерах. Ее заготавливали впрок в вяленом и соленом виде.

Молоко шло в пищу обычно в кислом виде, но вообще употребление молочных продуктов было ограниченным, поскольку они шли на продажу. Видимо, именно рынок повлиял на то, что финны производили для продажи такие молочные продукты, которые не были для них традиционными: наряду с подсоленным “чухонским маслом” готовили и пресное, делали варенец, творог, сметану. Естественно, что эти продукты в какой-то мере входили и в домашний рацион.

В некоторых заметках путешественников отмечается, что финны покупали в Петербурге льняное масло и считали его вкусным, в то время как в Финляндии в прошлом растительные масла вообще не употреблялись.

Характерно, что в пищу широко шли грибы. В свое время О. Грундстрём отмечал, что в этих местах грибов очень много, и ему казалось странным, что здесь финны едят многие их сорта, которые в других местах (очевидно, в Финляндии – *Н.Ш.*) считаются ядовитыми, причем “безо всяких плохих последствий” (О.А. Grundstroemin..., 1904. S. 401). Такое употребление разных сортов грибов развилось у местных финнов явно под влиянием русского населения.

Сохранились перечни довольно многочисленных праздничных блюд, содержащиеся в первую очередь в описаниях свадебного стола. Похлебки, которые подавали в этом случае, были те же, что и в будни: уха, щи, гороховый и карто-

фельный супы. Из каш наряду с ячменной упоминаются также гречневая и рисовая. На праздничном столе должно было быть мясо различных сортов как вареное, так и жареное, рыба, в том числе и покупная селедка. Богатые крестьяне привозили из города к праздничному столу колбасы и вина, подавалось и традиционное пиво домашнего приготовления.

Из напитков были распространены кофе и чай. Их названия свидетельствуют об их проникновении в среду местных финнов через русский город: здесь говорили “тсай” и “кохв”, в то время как в Финляндии обычными наименованиями были “tee” и “кахви” (*Karste-Liikkanen*, 1968. S. 213, 218). В конце XIX в. в домашний обиход местных финнов вошли самовары. Характерно, что по праздникам в них варили кофе. В целом скудные сведения о местной финской кухне свидетельствуют об определенном воздействии на нее как традиций окружающего иноэтничного населения, так и о городских влияниях*.

Одежда. Одежда, особенно женская, весьма устойчиво сохраняла свои этнические формы. В прошлом она служила четким этноопределяющим признаком, и именно по женскому костюму различали две основные группы местных финнов – савакосцев и эвримейсов. Термин “савакко” изначально обозначает именно савакоскую женщину (в ее народном костюме), о мужчинах говорили “савосцы” (*саволайсет*). С течением времени наименование *савакко* (мн.ч. *савакот*) перешло на всю эту группу финнов**. Различие в одежде савакосцев и эвримейсов обращало на себя особое внимание наблюдателей, и поэтому о ней сохранилось довольно много сведений. Правда, это относится в основном к женской одежде, так как мужская, видимо, была у обеих групп сходной, к тому же не так сильно отличалась и от местной русской. Мужчины носили летом полотняные, зимой – суконные штаны. Рубахи, всегда белые, имели прямой разрез на груди, он застегивался на одну пуговицу (*Tallqvist, Törneröos*, 1904. S. 385). (Русские же носили косоворотки, причем нередко цветные.) Верхней одеждой у финнов служили белые или серые суконные кафтаны, сшитые в талию, с клиньями, расширяющими их от пояса. Теплой одеждой была поддевка (*pottiekka*) и овчинная шуба. Наряду с войлочными шляпами мужчины часто носили фуражки и кепки, которые покупали в городе. Рабочая обувь обычно была кожаная, домашнего изготовления, но носили и высокие покупные сапоги, что считалось признаком определенного благосостояния.

В одежде женщин-эвримейсек сохранялось много архаических черт, которые при этом сближали ее с одеждой юго-восточной Финляндии, откуда в свое время и переселились эвримейсы (приходы Муоле, Эуряпяя, Пюхяярви, Саккола, Рауту, Хейнойоки; ср.: *Schvindt*, 1913. S. 3–25; 88–101; *Ahlqvist*, 1904. S. 207).

Рубаха эвримейсек имела на груди трапецевидный нагрудник *рекко* (*rekko*), идущий прямо от обшивки ворота и вышитый красной и желтой нитью. Разрез был с левой стороны *рекко*, его застегивали небольшой круглой фибулой. Рукава рубахи были длинные или полудлинные, с манжетами (*manskrit*). Манжеты и оплечья часто украшались вышивкой. Поверх рубахи носили плечевую одежду типа юбки с лифом. Длинная юбка доходила наверху до подмышек и была пришита к узкой суконной обшивке с ляжками – оплечью (*hartiukset*). Юбка нередко была красного цвета, но праздничные шили обычно из синего сукна

* К сожалению, в период подготовки главы автор не имела возможности ознакомиться с работой А. Куронен, посвященной кухне ингерманландцев (*Kuronen*, 2002).

** Кстати, и ижорцев по-фински иногда называли “инкерикко”, что тоже обозначает женщину-ижорку, а у Ю. Гезелиуса встречается аналогичная форма этнонима и по отношению к води – *вадьякко* (*Haltsonen*, 1965. S. 22–23).

Рис. 117. Прядение шерсти (финка-савак-ска) (РЭМ. Ф.н. № 4602-7)

Рис. 118. Девушка-эврейская в праздничной одежде (а) – Анна Маронен из д. Суолази, приход Туутари, 1881 г. (Inkeri, 1992. S. 187); женщина-эврейская в белом кафтане-костоли (б) (РЭМ. Ф.н. № 8764-11281)

(Saxbäck, 1904. S. 320). Поверх юбки повязывали передник (*peredniekka*), обычно с красным орнаментом. Финские наблюдатели, работавшие здесь на рубеже XIX–XX вв., отмечали, что одежда эвримейсек нарядна, но неизящна: сборки юбки начинались от уровня лопаток, а на талии их перехватывал пояс, и фигура женщины казалась горбатой (Saxbäck, 1904. S. 320). В прохладную погоду и в праздники носили короткий белый льняной полукафтан, сшитый в талию, – *костоли* (*kostoli*). В таком наряде шли в церковь первый раз в году летом, на Вознесение, и этот праздник в народе называли “костольным” (*kostolipyhä*). Более теплой верхней одеждой были суконные кафтаны, зимой – овчинные шубы.

Общепринятым было ношение шелковых наплечных платков и шалей, в прошлом это были единственные покупные элементы одежды, остальное все было домашнего изготовления.

Вместо чулок еще в XIX в. носили ноговицы белого, красного или черного цвета. Кожаные туфли домашнего изготовления (*lipokkat*) крепились на ногу оборями. Выходной костюм дополнялся белыми вязаными перчатками.

Одежда эвримейсек в различных местностях была несколько отличной. Считалась, что в Тюрё (окрестности Петергофа) одежда “попроще”, в Хиэтамьяки (близ Царского села) – “поизящнее”, а самая красивая – в Туутари (Дудергоф) (Inkerin, 1991. S. 186). В западных районах губернии, где эвримейсы были немногочисленны, они носили обычную, держащуюся на талии юбку, а рубаху не украшали нагрудником *рекко*.

Очень разнообразны были прически и головные уборы. В некоторых местностях девушки носили короткие волосы с челкой, в других – длинные волосы, заплетенные в косу. Головным убором девушек был венец – сяпяли (*säppäli*) из сукна или шелка, иногда его украшали длинные концы, спускавшиеся на спину; девушки могли также носить косынки, ходили и с непокрытой головой.

Головной убор замужней женщины назывался *хунту* (*huntu*), что изначально обозначало полотенчатый головной убор, который известен еще по археологическим материалам и когда-то был широко распространен на территории Финляндии. К концу XIX в. полотенчатый убор в своей классической форме сохранился лишь на юго-востоке Финляндии. Но в местностях южнее р.Вуоксы (приходы Валкйярви, Эуряпяя) он превратился в ходе времен лишь в узкую полосу ткани, чуть закрывавшую волосы. На Карельском перешейке (приходы Вуоле, Лемпала, Токсово) у финок-эвримейсек он трансформировался в так называемую “пяточковую хунту” (*pätäkkähuntu*): небольшой полотняный кружочек, который прикреплялся к волосам так, что приходился на верхнюю часть лба. С такой хунтой на лбу замужняя женщина могла ходить и с непокрытой головой, а платок надевала так, что хунта оставалась видна.

В некоторых местностях западнее Петербурга женщины-эвримейски закручивали волосы в жесткие жгуты (*sykeröt*) и прятали их под полотняный головной убор, который приобретал при этом рогатую форму. В более западных местностях губернии жгутами волосы не закручивали и носили головные уборы типа чепца.

Женщины-савакоски носили рубахи и обычные юбки, держащиеся на талии. Рубахи шили из белого полотна, разрез на груди был в центре, застегивался на пуговицу. Рукава рубах были широкими, полудлинными. Манжеты завязывались у локтя, так что нижняя часть руки была открыта (Tallqvist, Törneröos, 1904. S. 384). Юбки шили из шерстяной или полушерстяной ткани, полосатой или клетчатой. На талии они собирались в сборку. Есть сведения, что в праздники иногда надевали по две юбки, причем верхняя могла быть из ситца (Tallqvist, Törneröos, 1904. S. 384).

Рис. 119. Группа девушек и замужних женщин-савакосок, д. Колтуши (фото С. Паулахарью, 1911 г.; *Inkerin maalla*, 1989)

Рис. 120. Группа женщин-савакосок (“настоящие государственные”) (*Inkerin tiellä*. S. 99)

Рис. 121. Финка-савакоска в праздничной одежде, Курголовский полуостров (РЭМ, фото Д. Золотарева, 1926 г.)

Рис. 122. Финка-савакоска в праздничной одежде (РЭМ, Ф.н. № 8764-11283)

Верхнюю часть корпуса поверх рубахи закрывали безрукавный лиф (*liivi*) или кофта (*tankki*). Их часто шили также из клетчатой ткани. Лифы отделявали тесьмой, застегивались они в двух местах – на груди и на талии. Кофты имели сплошную застежку, сверху до низу, вдоль нее и вокруг шеи кофта украшалась белой рюшью. Украшением служили также нитки бус. Передники обычно были белые, иногда с вышивкой. Девушки заплетали волосы в косу, на голове носили косынки или головной венец из лент. Замужние женщины носили мягкие чепцы (*lakki*), плотно покрывавшие голову и отделанные по краю кружевом.

Несколько отличной была одежда савакосских женщин из числа так называемых “настоящих государственных” (*varsinaiset vallanommat*), живших в финских приходах Колтуши, Рябово и Токсово, расположенных на север от р. Невы. Когда-то эти земли принадлежали князю Г. Потемкину и его усадьба стояла на берегу оз. Келто. К концу XIX в. от нее не оставалось уже никаких следов, кроме винного погреба. Во времена крепостного права местным крестьянам запрещалось вступать в брак за пределами княжеских владений, но они и не проявляли к этому стремления. Они считали себя более высокими по положению, чем окружающее население, и отрицательно относились к контактам с ним. Одежда женщин этой группы не отличалась по покрою от одежды других групп савакосцев, но выделялась своей расцветкой. Она была красных тонов и считалось, что чем она краснее, тем красивее. Замужние женщины носили домотканые юбки с красными и желтыми полосами, а девушки в конце XIX в. обычно – уже ситцевые, но с красным узором. Лифы и кофты шили также из красной ткани,

Рис. 123. Фотография савакосской семьи, начало XIX в. (Inkerin maalla, 1989)

отдельная зеленая тесьмой. В праздники и женщины, и девушки надевали по несколько лиффов, так, чтобы край нижнего был виден из-под верхнего, и было ясно, сколько их надето. Наплечные платки, дополнявшие костюм, были также красных тонов. Девушки носили на голове венцы из красной ленты, с длинными концами, спускающимися по спине, или красные косынки. Женщины покрывали голову белым чепцом. В праздники носили “господскую обувь” – хорошие покупные башмаки на высоком каблуке (Sihvo P., 1989).

Похожей на эту была женская одежда савакосцев и в окрестностях Дудергофа (приход Туутари), где в целом преобладало эвримейское население. Юбки здесь были полосатые, с красными, белыми, синими и зелеными полосами, а лифы и кофты – ярко красные, обычно шелковые. Девушки заплетали волосы в две косы и укладывали в пучок на темени, а вокруг него обвязывалась красная лента, концы которой спускались на спину.

В западных частях губернии савакосские женщины так же, как воедь и ижора этих мест, в конце XIX в. стали носить сарафаны русского типа.

А. Алквист в середине XIX в. писал, что следовало бы послать художника зарисовать все варианты одежды финнов-ингерманландцев, пока она не исчез-

ла. Кстати, он, как и многие другие, считал, что одежда женщин-эвримейсек не красива, а обычай ходить чуть ли не круглый год с непокрытой головой портит волосы (*Ahlqvist*, 1854. S. 17). Его представление о том, что старинная одежда скоро уйдет из обихода, было правильным.

Эвримейсы очень долго сохраняли свой особый костюм, но в конце XIX в. он стал исчезать. В известной мере сыграло свою роль то, что все население стало больше пользоваться фабричными тканями, платками, обувью (*Inkerin...*, 1969. S. 180). Старинная же одежда изготовлялась вручную, и это требовало большой затраты времени. Из покупных тканей эвримейсы шили просто юбки с кофтами, аналогично тому, как это делали савакосцы. Пастор Абрам Тиисниекка из прихода Тюрё писал в те времена, что в 1870-е годы во многих деревнях девушки стали ходить одетыми, как савакоски, хотя их матери были эвримейсками (*Inkerin...* 1969. S. 186). Так же высказался при опросе один из информаторов того времени: “Кто был богат, тот делал своего ребенка савакосцем” (*Inkerin...* 1969. S. 194). Но и при новых формах костюма в качестве “опознавательного признака” сохранялся головной убор замужних женщин: савакоски носили белые чепцы, а эвримейски стригли волосы и носили хунту – кружок.

В конце XIX в. вообще шел несомненный процесс консолидации обеих этнографических групп финнов-ингерманландцев. Это было и результатом экономического развития губернии после отмены крепостного права и следствием длительного совместного проживания савакосцев и эвримейсов. Наряду с этим развитие школьного обучения на финском языке вело к определенному стиранию диалектных различий. Несомненную роль играли и проникавшие сюда из Финляндии идеи становления финской нации, которые развивались под лозунгом борьбы за права финского языка. Работавший в конце XIX в. среди петербургских финнов лингвист В. Поркка отмечал, что в некоторых местностях финны-эвримейсы стали переходить на савакосский диалект. Так, в частности, он встречал в Дудергофе и Пулково (приходы Туутари и Хиэтомяки) женщин, одетых, как эвримейски, но говорящих на савакосском диалекте. Правда, при этом он отметил и обратное явление: восточнее, в Маркове, приходе на южном берегу Ладожского озера, он видел савакосцев, в говоре которых были элементы говора эвримейсет (*Porkka*, 1886).

СЕМЬЯ И ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Сведения о семейной и общественной жизни финнов-ингерманландцев сохранились довольно скудные. Известно, что крестьянские семьи имели в XIX в. значительный численный состав. Как уже отмечено, у “настоящих государственных” сохранялись большие семьи, так что в одном крестьянском дворе жило по 20–30 человек. В некоторых заметках тех лет упоминается, что семьи были многодетны, даже несмотря на их бедность. Кроме того, в некоторых местностях губернии было обычаем брать на воспитание детей из петербургских приютов, что оплачивалось казной и служило хорошим пополнением бюджета (*Salminen V.*, 1926). Дети-приемыши так и назывались “казенными” (*ruununlapset*. – букв. “дети короны”) (подробнее см.: *Karste-Liikkanen*, 1968. S. 90–92). Численность жителей двора увеличивалась и за счет наемных батраков, сезонных или поденщиков.

О внутрисемейных отношениях почти нет сведений, но некоторые косвенные данные говорят о непререкаемом авторитете родителей, в первую очередь отца, и о тяжелом положении невесток в больших семьях.

Материалы по семейным обрядам содержат сведения в основном о свадьбе, о детском цикле и похоронных обрядах известно мало.

Обрядность детского цикла. Помещением для роженицы обычно служила баня: это было изолированное строение, к тому же там можно было нагреть воды. Помощь роженице оказывала местная повитуха или просто кто-нибудь из старших женщин двора.

После благополучного появления на свет ребенка замужние женщины деревни ходили на “смотрины” – *rotinat* (*rotinat* < рус. родины). При этом они приносили с собой угощение и подарки ребенку. По традиции дарили деньги “на зубок” (*hammasraha*).

До крещения ребенка следовало оберегать от всяких злых сил, в том числе от возможного его “подмена” на детеныша “злых сил”. В качестве оберега в постель новорожденного прятали нож или ножницы, при первом купании в воду подсыпали соли, клали серебряную монету и т.п. Крещение проводили по возможности в ближайшие дни, обычно через неделю после родов. Крестные родители были людьми, которые не только принимали на себя определенные обязанности по воспитанию ребенка, но предполагалось, что они передают ему какие-то черты своего характера, поэтому в крестные выбирали людей достойных, как по поведению, так и по достатку. Роженица в той или иной мере придерживалась норм избегания контактов с обществом и начинала обычный образ жизни только через шесть недель после родов, когда проходила церковный обряд очищения.

Добрачное общение молодежи и свадебные обряды. О добрачном общении молодежи сохранилось немало сведений. Достигнув брачного возраста, молодежь получала право принимать участие в некоторых формах совместного времяпрепровождения и могла уже реально думать о вступлении в брак. По мнению самих крестьян, парень и девушка могли считаться взрослыми, когда овладевали определенными трудовыми навыками. Кроме того, для получения разрешения на венчание они должны были пройти конфирмацию, что происходило обычно в возрасте 17–18 лет. Конфирмации предшествовало обучение в так называемой конфирмационной школе при приходской церкви. Оно длилось, как правило, две недели, и за это время следовало усвоить элементарные представления о вере, а также простейшие навыки чтения и письма.

Возраст вступления в брак у местных финнов был довольно высоким: у девушек 18–20 лет, у парней – 20–23 года. Правда, родители, стремившиеся иметь в хозяйстве еще одну пару рабочих рук, часто женили сыновей и раньше. Но парень и в 30–35 лет еще не считался “старым холостяком”, в то время как девушка после 23–24 лет уже не могла мечтать о браке, если только не находился претендент из числа вдовцов с детьми. Считалось, что дочерей следует выдавать замуж по старшинству. Если же первой выходила замуж младшая сестра, это было обидой для старшей и ее награждали прозвищем “рази” (*rasi*), что значило примерно “обойденная”.

Несмотря на то, что у крестьянской молодежи было мало свободного времени и за ее поведением существовал строгий общественный контроль, возможностей для знакомства и встреч было немало. В дни церковных праздников прихожане собирались у церкви и здесь молодые люди могли приглядеть себе пару, да и их родители тоже присматривали своим детям женихов и невест. При выборе невесты родители парня в первую очередь обращали внимание на то, хорошая ли она работница, богатое ли у нее приданое, большое значение имела репутация ее семьи; красота девушки играла второстепенную роль. Какая девушка работница, было известно не только по слухам, но можно было и увидеть это на толоках, совместных выездах на дальние покосы и т.п.

Зимой молодежь встречалась вечерами на посиделках, где девушки занимались рукоделием, а парни приходили к ним в гости весело провести время. Интересные сведения привел Ю. Луккаринен о таких вечерах в Келтушах в начале XX в., где жили финны-савакосцы. Здесь на посиделках строго соблюдалось разделение молодежи по их социальному статусу: бедные парни не садились около дочерей богатых крестьян, а батраки могли рассчитывать на внимание только батрачек (Lukkarinen, 1933. S. 72).

В конце XIX в. среди финнов на Карельском перешейке еще сохранялся старый обычай “ночного сватовства”, который в прошлом имел довольно широкое распространение в северных и северо-западных частях Европы (нем. *Nachtfreierei*). В Финляндии он дольше всего удерживался в одной из западных частей страны, в Похьянмаа, и на востоке – на Карельском перешейке, хотя уже в рудиментарных формах. На востоке эта традиция называлась “ночной бег”, “ночное хождение” (*yöjuoksu, yöjalan käynti*). Согласно обычаям, в летний период девушки спали не в доме, а в клетки, и парни имели право посещать их по ночам. Девушки ложились на кровать одетыми, парни имели право сесть на край кровати, даже лечь рядом, но нормы целомудрия не должны были нарушаться. Парней, пытавшихся перейти границы дозволенного, могли исключить из сотоварищества деревенских парней. В прошлом ночной обход дворов был групповым и компания парней постепенно рассеивалась, но при этом было известно, кто остался в каком дворе. В конце XIX в. на Карельском перешейке парни ходили уже поодиночке. Девушки здесь запирали на ночь дверь клетки, так что “ночной гость” должен был постучаться. При этом произносились традиционные, иногда рифмованные фразы с просьбой открыть дверь, впустить в клеть. Стучались обычно с задней стороны клетки, чтобы не услышали родители в доме. Открывать дверь или нет, решала сама девушка. Родители к этим визитам относились неодобрительно и, если слышали шум, обычно прогоняли парня (подробнее см.: Шлыгина, 1989).

По мнению большинства информаторов, ночные посещения не вели к браку, выбор жениха был делом родителей. Однако есть сведения и о том, что в ряде случаев молодые люди договаривались между собой о браке именно при этих ночных встречах, а потом парень засылал сватов (Saxbäck, 1904. S. 322).

В самом свадебном ритуале так же, как и в предсвадебных обрядах сватовства, у финнов-ингерманландцев долгое сохранялись архаические черты, исчезнувшие уже на территории Финляндии. Правда, на рубеже XIX–XX вв. они стали забываться и у российских финнов.

Сватовство в традиционных формах было многоступенчатым, с повторными визитами сватов, посещением невестой дома жениха и т.д. Такие формы характерны при сватовстве невесты из отдаленных деревень, из малоизвестных семей. Они давали обеим сторонам время на раздумье, возможность познакомиться с материальным положением семей и позволяли отказаться от вступления в брак, не обижая другую сторону. Даже первому приезду сватов нередко предшествовал тайно сделанный запрос (*etukosiminen, hienat virsut*), будут ли приняты сваты. Это позволяло избежать обидного прямого отказа при официальном приезде, который обставлялся торжественно.

Свататься ехали на лошадях, даже если невеста жила в той же деревне. По данным А. Шёгрена, этот визит назывался “ехать с табаком”. Он дает финский термин (*mennä tupakoille*) и его перевод на немецкий – “mit Tabak fahren”. Как известно, Шёгрэн пользовался рядом источников XVIII в., в материалах конца XIX в. термин “хождение с табаком” встречается редко. Чаще этот визит называли “оплачивание” (*rahamine*), у некоторых групп эвримейсов – “долгие лапти”

(*pitkät viirsut*). Тем не менее ритуальная роль табака при сватовстве не исчезла, часто упоминается, что сваты по приезду в дом невесты должны были угостить хозяев табаком, предварительно спросив у них, “можно ли положить табак на стол?” Разрешение подтверждало успешный ход дела (*Saxbäck*, 1904. S. 323).

Достигнув предварительной договоренности, сваты оставляли невесте залог, обычно денежный (с этим и был связан термин “оплачивание”), иногда давали и кольцо. Кольца были недорогие, золотые кольца в крестьянской среде – явление позднее. В ответ невеста давала парню шейный платок (*riepu*) или носовой платок (*nestukki*). Носовой платок был нарядный, он использовался как украшение костюма: его закладывали за ленту шляпы при выходе в церковь или по другим торжественным случаям.

В старину принятие залога от сватов еще не означало, что вопрос о свадьбе решен. Через несколько дней после “оплачивания” девушка в сопровождении старшей женщины отправлялась в дом жениха “посмотреть место для прялки”. При этом визите она возвращала парню полученный ею залог. Это не означало ее отказа, а скорее позволяло парню отказаться от сделанного предложения без морального ущерба для девушки. Обычно же парень в скором времени нес залог обратно, подтверждая свое предложение. С течением времени эти вторичные визиты стали выпадать из предсвадебного цикла и после успешного визита сватов помолвку оглашали в церкви. На оглашение жених и невеста приезжали порознь, жениха сопровождал сват, девушку – старшая женщина, которая находилась при ней в ходе всех свадебных обрядов. Ее называли “стоящей за плечом” (*olalline*) или “посохом” (*sauva*). Она была как бы моральной опорой девушки и следила за правильным исполнением свадебных ритуалов.

После оглашения жених со сватом отправлялись вновь в дом невесты, чтобы отметить это событие. Сват вез с собой вино и табак для угощения родни невесты, он раздавал всем присутствующим также “свидетельские деньги” – обычно мелкую монету. В ходе визита договаривались и о дне свадьбы, числе гостей, которые будут сопровождать невесту в дом жениха, о том, какому числу родственников жениха невеста должна будет сделать подарки и т.д. Еще раз обсуждался размер приданого, которое давали за невестой родители. По некоторым сведениям, жених после оглашения устраивал праздник в своем доме и назывался он “табаки”. После оглашения договор о браке считался нерушимым.

По традиции приданое невесты состояло из трех частей: во-первых, того, что ей давали родители по договоренности с семьей жениха. Оно, естественно, зависело от их состоятельности, но обычно это были корова-нетель, несколько овец и кур. Кроме того, невеста имела сундук с запасами белья (простыней, полотенец и т.п.), а также своих носильных вещей (рубаш, юбок, зимней одежды). У богатой невесты таких припасов хватало чуть ли не на всю будущую жизнь. Брели невесты с собой и некоторый рабочий инвентарь: свою прялку, серп, грабли. Третью, особую часть приданого составлял короб с подарками, которые невеста раздавала на свадьбе новой родне и наиболее важным гостям. Обычно это были ее собственные изделия: рубахи, чепцы, пояса, полотенца, варежки и т.п. На рубеже XIX–XX вв. эти вещи стали заменяться покупными, часто дарили просто отрезки ситца на кофту, юбку, рубаху и т.п. Для пополнения короба с подарками перед свадьбой невеста прибегала к соседской помощи. Она обходила соседние деревни вместе с женщиной-”посохом”, получая в подарок необработанные шерсть и лен или пряжу и готовые вещи, такие, как варежки, полотенца, иногда мыло, даже просто деньги. Этот обычай коллективной взаимопомощи, известный более всего под названием “хождение волками” (*susimi-*

nen) в конце XIX в. на большей территории Финляндии уже исчез, однако достаточно устойчиво сохранялся на Карельском перешейке (Шлыгина, 1989. С. 52–54).

Сам свадебный обряд сохранял у финнов-ингерманландцев черты архаичной “двухсторонней”, или “двухконечной” свадьбы: она разделялась на два ритуала – “уходы” (*läksiäiset*), проводившиеся в доме невесты, и собственно свадьбу – *хяят* (*häät*), которая праздновалась в доме жениха. Во второй половине XIX в. народный свадебный обряд проводился после венчания в церкви, откуда молодые разъезжались по своим домам. Гостей приглашали в оба дома отдельно, и только гости невесты в заранее оговоренном числе сопровождали ее в дом жениха. При “уходах” в доме невесты проводился ряд ритуалов, символизирующих ее расставание с отчим домом. Жениха с его “дружиной” принимали за праздничным столом, а после трапезы они увозили невесту в дом жениха. Как при переезде, так и при вступлении в его дом соблюдалось множество обережных обрядов, чтобы злые силы не нанесли невесте вреда, а духи-хранители дома ее мужа благожелательно ее приняли. Определенная часть обрядов была направлена на сохранение семейного счастья и благополучия в детях. Как и у многих народов, было принято сажать на колени невесте маленького мальчика, чтобы первым ребенком был сын. После первой брачной ночи (в последнее время молодые просто уходили на некоторое время от гостей в другое помещение) невесте меняли прическу и надевали головной убор замужней женщины. Эту процедуру проводили обычно без гостей, в другой части избы, старшие женщины. Затем приглашали молодого, посмотреть, “ладно ли?”. Он одаривал женщин деньгами, и молодую выводили к гостям.

После свадебного пира молодая раздавала подарки новым родным и гостям. Подарки по традиции передавал брат молодой, а сами молодые, стоя рядом, угощали гостей водкой, вином или пивом. Этот обряд назывался “питьем кубка”. Получившие подарки, в свою очередь, одаривали молодую пару, обычно кладя деньги в решето, покрытое полотенцем. Считались, что они пойдут на обеспечение новобрачных, но практически их получал отец молодого на возмещение свадебных расходов.

Помощь родни и односельчан в проведении свадьбы проявлялась и в том, что они приходили на торжество не с пустыми руками, а несли с собой какие-нибудь припасы для праздничного стола: мясо, масло, хлеб и т.п.

После раздачи подарков и “питья кубка” свадебный ритуал считался законченным. В знак окончания праздника на стол подавали “разгонное блюдо” – это могла быть каша, овсяный кисель, в последнее время стали угощать чаем или кофе.

В блюдах свадебного стола ощущалось влияние города: наряду с традиционными кашами и мясом подавали сладкие супы из сушеных фруктов, богатые хозяева покупали в городе вина, сигары и т.п.

Городское влияние проявлялось и в одежде невесты: подвенечное платье, как правило, уже шили по городской моде тех лет, обычно оно было шерстяное, цветное, но неярких тонов: темно-зеленое, синее, серое.

Следует отметить богатство фольклорного репертуара свадьбы. У некоторых групп местных финнов, в отличие от Финляндии, были распространены свадебные причитания невесты. Она начинала “плакать” сразу после принятия сватовства и причитала в различные моменты предсвадебного периода вплоть до отъезда из отчего дома (см.: *Nenola-Kallio*, 1981; Шлыгина, 1989. С. 7).

Особую группу песен составляли те, в которых говорилось, как молодые должны вести себя, начав совместную жизнь. Кроме того, существовала тради-

ция проводить шутовское соревнование двух сторон, жениха и невесты, причем девушки с каждой стороны стремились “перепеть” друг друга, восхваляя соответственно жениха и невесту. Плясала молодежь на свадьбе под песни типа ча-стушек (*Saxbäck*, 1904. S. 325).

Похоронные традиции. Представления о смерти и загробной жизни в прошлом были сходны у многих народов. Так, и по воззрениям финнов-ингерманландцев жизнь на том свете мало отличалась от земной. Поэтому покойника при похоронах снабжали необходимыми припасами еды, рабочим инвентарем и даже деньгами. К покойнику относились и с уважением, и с боязнью. Предполагалось, в момент смерти тело человека покидает только дух (*henki*), в то время как “душа” (*sielu*) еще некоторое время находится около тела, и поэтому в нем есть еще какие-то элементы жизни.

Хоронили покойных обычно на третий день. После похорон справляли поминки; приходившие приносили с собой какую-нибудь еду, приходив с пустыми руками было не принято.

На Карельском перешейке долго сохранялся старинный обычай по пути на кладбище вырезать на дереве, обычно на сосне, крест – это препятствовало покойнику ходить домой и тревожить покой живых (*Vilkuna J.*, 1992. S. 103, 106, 120).

Описание обрядов, связанных с жизненным циклом, дано нами в обобщенном виде, в нем не приводятся существовавшие в прошлом отличия локального характера и различавшиеся до некоторой степени обычаи эврейцев и савакосцев.

Но на одной их особенности все же следует остановиться, а именно – на этнических предпочтениях, проявлявшихся при выборе брачного партнера.

Естественно, что в прошлом немалую роль играл в этом религиозный барьер и финны почти никогда не вступали в брак с местным православным населением – русскими, карелами, воедью, ижорцами, вепсами. Нельзя не отметить и того, что и между обеими этнографическими группами местных финнов длительное время существовало определенное отчуждение. По имеющимся данным, именно эврейцы воздерживались от браков с савакосцами. Материалы, собранные во второй половине XIX в., свидетельствуют, что они считали себя, так сказать, рангом выше, чем савакосцы. Будучи переселенцами из ближайших местностей Финляндии, они полагали себя коренными местными жителями, а савакосцев – пришлыми.

Эврейцы видели себя также хранителями старых традиций, один из исследователей писал, что “эврейцы всегда считали, что унаследованное от отцов свято: простые обычаи, язык, одежда” (*Haltonen*, 1965. S. 93). Савакосцы, по их мнению, были слишком склонны к восприятию новшеств и, что особенно осуждалось, нестойки в вопросах веры. Так, одна из женщин сказала, что савакот, “как молодая поросль (*vesapuu*), которую качают все ветры”. Записавшие высказывание Таллквист и Тёрнерус поддержали это мнение, отметив, что савакосцы быстро воспринимают все новое, в том числе и дурное (*Tallqvist, Törneros*, 1904. S. 386). Под дурным они понимали в первую очередь сектанство – в то время наиболее распространенной среди савакосцев была секта прыгунов.

Вследствие такого, если не антагонизма, то во всяком случае негативного отношения к савакосцам, эврейцы в прошлом почти никогда не вступали с ними в брачные отношения. Только там, где эврейцы жили небольшой группой, а браки вследствие норм крепостного права с жителями других мест были невозможны, им приходилось преодолевать эту неприязнь, ставшую чертой их ха-

рактера (Inkerin..., 1969. S. 184). По материалам конца XIX в., девушка, если выходила замуж за савакосца, старалась привить своим детям мысль, что они должны искать себе в будущем пару все же среди эвримейсов (Inkerin..., 1969. S. 184).

Тем не менее постепенно это “противостояние” уходило в прошлое, сменяясь представлением об общей принадлежности к финской национальности. С одной стороны, шел неизбежный процесс отмирания старых традиций и форм быта; с другой – распространение школьного образования стирало различия в диалектах этих двух групп. Но более всего повлияли, видимо, проникавшие сюда из Финляндии идеи и настроения финского национального движения, содействовавшие сплочению финского народа.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ИНГРИИ*

Современная Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии, получившая официальный статус в 1993 г., имеет глубокие корни и сложную предысторию. Лютеранская церковь всегда играла немалую роль в жизни финнов-ингерманландцев и, в частности, поддерживала сохранность финского языка, этнического самосознания, традиционной обрядности и т.д., представляя, таким образом, важный фактор их этнической самоидентификации. Лютеранство влекло за собой и определенную изолированность местных финнов от других народов края, которые в своей подавляющей массе были православными (за исключением лишь немногочисленных эстонских переселенцев и немецких колонистов).

Лютеранство было принесено на земли современной Ленинградской области в XVII в., когда эта территория (по административному делению того времени – Водская пятина) была завоевана Швецией, которой тогда принадлежала и территория Финляндии. Новые земли получили название Ингерманландии (или Ингрии). Правда, часть Карельского перешейка и Западного Прионежья выделялась как особый Кексгольмский лян. Протестантизм играл тогда в жизни шведского королевства немалую роль. Отказавшись от католицизма, шведские короли использовали нормы новой веры для укрепления своих позиций, стремясь достичь положения абсолютистских монархов. Король Густав II Адольф (1611–1632), при котором была завоевана Ингрия, придерживался идеи обязательного единоверия своих подданных. К тому же распространение лютеранства на новых землях королевства рассматривалось как форма закрепления на них шведской власти. Хотя при подписании Столбовского мирного договора (1617) было оговорено право местного населения сохранять православие, практика воинствующей лютеранской церкви того времени оказалась далекой от предусмотренной документом свободы вероисповедания.

Поначалу в Ингрии действовали лишь армейские пасторы, но вскоре, с ростом числа переселенцев из соседних областей Финляндии, стали возникать и сельские лютеранские приходы. Число их быстро росло. В 1630 г. в Ингрии было лишь 8 лютеранских приходов, в которых служили 6 пасторов (наряду с этим действовало 48 православных храмов с 17 священниками). Через 25 лет осталось все-

* В обе главы, посвященные российским финнам, включены разделы о евангелическо-лютеранской церкви. Это сделано по той причине, что конфессиональная принадлежность, отличавшая финнов от окружающего православного населения, создавала определенный барьер для контактов и тем влияла на некоторые стороны их культуры. В новейшее время церковь Ингрии стала для российских финнов одним из важнейших символов самоидентификации.

го 20 православных церквей, а лютеранских приходов насчитывалось уже 58, в них было построено 36 церквей и служили 42 пастора (позже, правда, число лютеранских приходов сократилось за счет их укрупнения) (Прибалтийско-финские народы, 1995. С. 206). Лютеранские священнослужители предпринимали собственные попытки бороться с православием: они оскверняли церкви и сжигали иконы, что, естественно, вызывало недовольство местного населения.

Первоначально лютеранские приходы Ингрии относились к Выборгскому епископству, но в 1641 г. они были выделены в самостоятельную епархию и в г. Нарве была создана консистория, во главе которой суперинтендантом был поставлен Х. Стахель (Henrikus Stahel). При этом он считался и главой местной православной церкви. Х. Стахелем была сделана попытка приобщить православное население к основам лютеранской веры. При этом он, как, впрочем, и шведские власти, стоял на той позиции, что водский и ижорский языки – это лишь разновидности финского языка и потому водь и ижора как “исконные финны” должны быть лютеранами. С целью приблизить их к лютеранской вере в Стокгольме был напечатан по-фински, но славянскими буквами катехизис Лютера. В 1645 г. русским православным священникам под угрозой штрафных санкций было предписано учить своих прихожан катехизису Лютера.

Ситуация в новых шведских владениях в середине XVII в. была нестабильной: Россия явно стремилась вернуть себе утраченные земли, коренное население края было настроено против новых хозяев – в немалой степени вследствие их религиозной политики. Война между Россией и Швецией 1656–1658 гг., охватившая Ингрию и Кексгольмский лян, имела, по мнению финских историков, именно религиозный характер (Haltsonen, 1965. S. 30). Она закончилась, как известно, поражением России, и когда ее войска стали отступать, с ними ушло немало местного православного населения – русских, води, ижоры и карел. Многие районы Ингрии совершенно опустели: известно, что только из Кексгольмского ляна ушло свыше 4 тыс. семей, в Колтушах (Карельский перешеек) не осталось ни одной семьи, южнее, в Дудергофе их было всего три-четыре (Haltsonen, 1965. S. 30).

На опустевшие земли устремились новые потоки колонистов из Финляндии, а лютеранская церковь еще активнее принялась за обращение местного населения в протестантизм. Преемник Х. Стахеля – Юхана Рудберг писал о последствиях войны 1656–1658 гг. в своем донесении от 1661 г.: “Церкви сожжены, русские забыли христианское учение (видимо, речь идет о тех, кого заставляли учить катехизис. – *Авт.*), не знающие русского языка (очевидно, водь и ижора. – *Авт.*) снова принялись ходить в русскую церковь, заключаются смешанные браки. Но финны сохранили свою христианскую веру. Они принялись ремонтировать церкви” (цит. по: Haltsonen, 1965. S. 31).

Особую энергию в распространении лютеранства проявил епископ Ю. Гезелиус-младший, занявший пост нарвского суперинтенданта в 1681 г. Ему пришлось “наводить порядок” в сложных условиях: в его епархию входила не только Ингрия, но и часть Эстонии (Алатагусе), так что его паства говорила на нескольких разных языках и исповедовала разные формы христианской веры. Деятельность суперинтенданта поддерживал губернатор Ингерманландии и Кексгольмского ляна Ёран Сперлинг*. Ю. Гезелиус начал свои действия с попыток обращения в

* Заметим, что лютеранская церковь в своей деятельности имела и хорошую экономическую базу: треть всех податей, которые взимала казна, шла на нужды церкви. Со временем был введен и особый налог, который обязаны были платить не только лютеране, но и православные.

лютеранство води и ижоры. Под них он подвел собственную “научную основу”. Она заключалась в том, что вода и ижора – это финны, в свое время ушедшие из-за войн в более южные части России, где они и приняли православие. Теперь же, когда они вернулись в Ингрию, их следует приобщить к вере их отцов (*Mikkola*, 1932 b). Поэтому Гезелиус считал, что соответствующие статьи Столбовского и Кардисского мирных договоров дают права на сохранение православия только у русскоязычных жителей края. В воззваниях, обращенных к водско-ижорскому населению (на финском языке), он убеждал их, что язык у них тот же, что у финнов, и их верой может быть только лютеранская, которую они утратили случайно, в годы войн и вследствие смешанных браков. Теперь они могут иметь пасторов, которые говорят на родном для них финском языке, кроме того, и король будет счастлив, если они будут принадлежать к той же вере, что и все его подданные (цит. по: *Haltsonen*, 1965. S. 32–33). Не находя должного отклика среди православного населения и желая достичь результатов, Гезелиус действовал в своей миссионерской работе весьма жестко. Его реляции в верха были наполнены сообщениями об успехах. Так, в 1684 г. он сообщал, что в лютеранскую церковь вошло 3000 семей новообращенных, а двумя годами позже – что в ряде приходов вода и ижора в полном составе приняли “истинную веру”. Чтобы побудить население к переходу в лютеранство, принимались различные меры: с одной стороны, декларировалось, что принявшие ее будут освобождены на шестьдесят лет от всех налогов, с другой – нелютеране ограничивались в правах. Так, претендовавшие занять определенные должности, например, управляющего (*кубьяса*) или судебного заседателя, должны были получить у пастора свидетельство, что освоили основы веры (*Haltsonen*, 1965. S. 25).

Наряду с этим православная церковь края испытывала немало трудностей, в частности – было запрещено приглашать священнослужителей из-за пределов Ингрии, поэтому в случае смерти священника церковь просто закрывалась. К тому же православным священникам не разрешалось брать от ижорцев и води плату за проведение обрядов.

Лютеранская церковь по своим нормам должна была заниматься образованием своей паствы. Пасторам надлежало перед конфирмацией проводить обучение молодежи основам веры. Предполагалось, что одновременно молодые люди освоят и грамоту. Правда, обучение грамоте не всегда было успешным, отчасти потому, что нередко у самих пасторов образование было недостаточным. Кроме того, как пасторы, так и учащиеся не придавали этому обучению большого значения. Тем не менее шло постепенное распространение грамотности среди крестьянского населения. Для детей из учительских, пасторских, чиновничьих семей создавались и школы, где обучение было более основательным. Оно, согласно нормам того времени, велось на латыни и шведском языке, но иногда для детей из финских семей организовывали и подготовительный класс на финском языке. Такие школы в XVII в. работали в Нарве, Ивангороде, Копорье, Ямбурге, Неванлинне и Дудергофе. Для получения высшего образования можно было ехать в Тарту, где в 1632 г. был основан университет. Там за период шведского господства обучались около трех сотен финнов, в том числе ингерманландских, и карел. Некоторые направлялись в Туркуский университет, откуда вышло немало ингерманландских пасторов: О. Элгфост, работавший в Дудергофе, Г. Шродерус (Молосковицы), К. Толерув (Котлы) и др. Даже в Уппсальском университете в конце XVII в. была ингерманландская корпорация. Есть сведения о том, что образованные слои общества в Ингерманландии так же, как и местные бюргеры, вне зависимости от их этнической принадлежности знали финский язык (*Haltsonen*, 1965. S. 37).

Борьба между Швецией и Россией за земли южного побережья Финского залива, как известно, велась фактически все время, и в ходе Северной войны они (включая Выборгские земли и северо-западное Приладожье) вновь перешли в руки России. Мирный договор был подписан в 1721 г., но практически эти территории оказались под властью русских раньше. Уже в 1703 г. был основан г. Санкт-Петербург. Возвращенные земли образовали в 1708 г. новую Ингерманландскую губернию, а затем вошли в состав созданной в 1710 г. Санкт-Петербургской губернии. С этого времени, можно считать, начался новый этап в развитии местной лютеранской церкви.

Финские переселенцы после возврата Ингерманландии России остались жить в этом крае. Религиозные права финнов при новых властях не ущемлялись. Это было декларировано Петром I еще в 1702 г., а затем подтверждено в тексте Ништадтского мирного договора. Единственным ограничением был запрет лютеранским пасторам вмешиваться в дела православной церкви и ее прихожан. Однако теперь местная лютеранская церковь должна была ориентироваться на иную систему управления. Граница отрезала ее от финской церкви, Нарвская консистория была ликвидирована еще в 1704 г. Какое-то время лютеранская церковь подчинялась непосредственно российскому Сенату, а с 1718 г. — Юридической коллегии. В 1721 г. все религиозные объединения России попали в ведение Святейшего Синода, при котором в 1727 г. был образован Консисто-риальный отдел Юридической коллегии по делам иноверцев. Прокуратор отдела должен был следить за тем, чтобы деятельность религиозных объединений не противоречила российским законам.

В Петербургской губернии в делах управления лютеранской церковью главенствующую роль играли местные немецкие пасторы. Это объясняется тем, что в этом крае среди помещиков лютеранского вероисповедания преобладали остзейские немцы, которых было немало и среди высших слоев столицы. Господство немецкого языка в Консисто-риальном отделе не отражалось на жизни финских приходов губернии. Не только служба в церквях, но и внутренняя переписка велась на финском языке, а церковная жизнь по-прежнему регулировалась шведским церковным законом 1686 г. Что же касается церковных книг, то их требовалось вести не по-фински, а на латинском, шведском или немецком языках.

Царский двор и непосредственно члены царской фамилии оказывали лютеранской церкви существенную материальную помощь. Отчасти это было, видимо, связано со значительной ролью остзейских дворян при дворе, а также с тем, что жены российских монархов и многих великих князей до вступления в брак (и принятия при этом православия) принадлежали к лютеранской церкви. Кроме того, некоторые царские резиденции и дворцовые земли находились в окрестностях Петербурга, где жило много лютеран-финнов, а также немецких колонистов.

Известно, что императрица Елизавета пожертвовала личные деньги на постройку деревянной лютеранской церкви в Петергофе для местного финского населения (фин. приход Тюрё). Павел I в бытность наследником построил каменную церковь для лютеран в Колпанах (приход Колпана-Гатчина) и организовал в Гатчине первую финскую школу. Николай I воздвиг для лютеран в Петергофе каменную церковь и выделил средства для новой церкви в Дудергофе.

В 1820 г., когда Финляндия уже входила в состав России, в Петербургской консистории по решению Александра I была введена должность главы финской лютеранской церкви. Ее получил образованный и энергичный религиозный де-

атель из Финляндии Сакари Сюгнеус, до этого Порвоский епископ. Под его руководством начались проверка и реорганизация работы в финских приходах Петербургской губернии. Были установлены новые границы приходов, смещены пасторы, не справлявшиеся со своими обязанностями, повсеместно проведен ремонт церквей. Большое внимание С. Сюгнеус уделял работе предконфирмационных школ, так как обнаружилось, что нередко они не выполняли своих задач по обучению молодежи основам веры и грамоты.

Вскоре работа в приходах была достаточно четко налажена: в каждом начал действовать церковный совет, быть членом которого считалось почетной обязанностью, и хотя формально эта должность была выборной, она часто передавалась от отца к сыну. Раз в год проводились общие собрания прихожан, в которых принимали участие все дворохозяева. Результаты собраний отражались в протоколах, составлявшихся на немецком языке (интересно, что члены церковного совета подписывали их даже в том случае, если немецкого языка не знали).

До середины XIX в. в финских лютеранских церквях губернии часто не хватало пасторов, но затем было разрешено приглашать их из Финляндии. Сюда охотно ехали молодые финские священники, так как денежное довольствие пастора в Петербургской губернии было в три раза выше, чем в Финляндии. Нередко местные пасторы имели и хорошее собственное хозяйство: иные держали по 20–30 коров. Прихожане были обязаны отработывать в пасторате определенное число дней, работала там и молодежь во время обучения в предконфирмационной школе. Некоторые пасторы служили в приходах Петербургской губернии десятки лет, нередко там начинали свою пасторскую деятельность и их сыновья.

Возвращаясь к деятельности С. Сюгнеуса, необходимо отметить, что он был инициатором и основным разработчиком нового церковного закона, предназначенного заменить действовавший в местной финской церкви шведский закон 1686 г. Новый церковный закон был принят в 1832 г., уже после смерти С. Сюгнеуса. Он был опубликован на немецком языке, но с финским переводом.

Вскоре в России была проведена реорганизация всей евангелическо-лютеранской церкви, которая была разделена на несколько епископств; лютеранская церковь губернии соответственно вошла в Санкт-Петербургское епископство. В его руководстве, как и ранее, господствующую роль играло местное немецкое духовенство, и лишь с 1883 г. одно место в Домском капитуле (церковном совете при епископе) стало выделяться для местной финской церкви. При собраниях синода финские пасторы могли проводить также собственные собрания, на которых рассматривались дела финских общин епископства.

С середины XIX в. финская церковь в Петербургской губернии стала уделять значительное внимание культурно-просветительской деятельности. В этом несомненно сыграли роль общественные настроения в самой Финляндии, где национальное движение второй половины XIX в. краеугольным камнем становления финской нации считало общий подъем образовательного уровня народа, причем на основе финского (а не официального шведского) языка.

Пасторы, работавшие в Петербургской губернии, наряду с предконфирмационными школами стали развивать и сеть воскресных школ, на чем настаивал еще С. Сюгнеус. В этих школах не только осваивали вероучение, но и обучались грамоте. Развитие просветительно-образовательной деятельности среди финского населения было облегчено тем, что в 1863 г. в Колпанах была открыта финская семинария, готовившая учителей, канторов и органистов. Почти все ее выпускники оставались работать в местных школах и церквях. Воскресные

школы получили широкое развитие в 1870-е годы, а в начале XX в. здесь действовало уже свыше 570 воскресных школ, которые посещало до 16 тыс. учеников (Прибалтийско-финские народы, 1995. С. 206).

Духовную литературу и азбуки так же, как и книги для сельских библиотек, частью организованных при церквях, первоначально привозили из Финляндии. Но в конце XIX в. литература на финском языке печаталась уже и в Петербурге. Наряду с духовной литературой здесь издавались народные календари, детские книжки, а также газеты. В этот период культурная жизнь финского населения Санкт-Петербургской губернии вообще сильно оживилась. Начало свою деятельность просветительское общество “Сойхту”, возникли общества трезвости, хоровые коллективы, гимнастические и другие спортивные объединения. Культурная жизнь финнов-ингерманландцев в значительной мере направлялась церковными деятелями.

В начале XX в. в Петербургской губернии насчитывалось 32 сельских и 4 городских прихода финской лютеранской церкви.

После установления в России советской власти местной финской церкви пришлось пережить трудные времена. Она понесла значительный материальный урон: были реквизированы земли пасторатов, здания церковных школ и библиотек, ликвидированы кассы для бедных, изъята часть церковной утвари. Кроме того, с середины 1920-х годов собственно церковная жизнь была ограничена различными постановлениями. Каждая церковь могла функционировать только при достаточном количестве заявок от прихожан, поданных в письменном виде. Вследствие отделения церкви от государства крещение, венчание, похоронный обряд могли совершаться только после гражданского оформления фактов рождения, регистрации брака и смерти.

Была также ограничена возможность обучения детей Закону Божию. Сначала в школах он преподавался только для желающих, а затем вообще был исключен из программы. Обучать ему можно было только дома, причем собирая лишь небольшие группы детей. Местное финское население пользовалось этим правом довольно широко, просто обучая своих детей основам религии дома. Во всяком случае, члены церковных общин во время опросов 1990-х годов говорили, что они жили в детстве в среде верующих, а 20% опрошенных сказали, что получили религиозное воспитание в семье (Ylönen, 1997. S. 224–225).

В 1930-е годы число местных пасторов стало быстро сокращаться. Семинария была закрыта. Действовали только так называемые “библейские”, или “немецкие”, курсы, готовившие пасторов, но в 1936 г. и они были закрыты. Часть пасторов была арестована и выслана, а те, кто имел финляндское гражданство, вернулись домой. Последним оставшимся здесь пастором был С.И. Лауриккала, но в 1937 г. и он уехал (по некоторым данным был выслан) в Финляндию, после того как несколько месяцев провел в тюрьме за то, что выписал из Финляндии духовную литературу. (Сейчас имя С.И. Лауриккала носит учебный центр церкви Ингрии, расположенный в д. Колтуши Всеволожского района Ленинградской области).

В годы, когда лютеранская церковь в Ленинградской области прекратила свое официальное существование, нелегальная церковная жизнь все же продолжалась. Как уже было упомянуто, многие обучали детей основам веры дома, верующие тайно собирались на кладбище, на дому – под предлогом поминок, празднования дня рождения и т.п. В негласной религиозной деятельности ведущую роль обычно играли женщины-проповедницы. Некоторые финны в этот период посещали православные храмы или молитвенные дома баптистов, исходя из того, что Бог един для всех христиан.

Возрождение церкви Ингрии началось в конце 1960-х годов. Первая церковная община финнов возникла в Петрозаводске еще в 1964 г., где к этому времени жило значительное число финнов-ингерманландцев и где финский язык имел официальный статус. В 1975 г. была создана лютеранская община в Колтушах, ее члены поначалу собирались на молитвенные собрания в обычной избе. В том же году возникла и община в Пушкине, причем там службу сразу начали проводить на двух языках: финском и русском, так как младшее поколение финнов-ингерманландцев плохо владело или вообще не владело финским языком.

Первоначально финские лютеранские общины входили в евангелическо-лютеранскую церковь Эстонии и службу в них вели пасторы из Эстонии. В 1990 г. было создано самостоятельное пробство Ингрии, находившееся под юрисдикцией эстонского архиепископа. Первый пастор из числа финнов-ингерманландцев – Арво Сурво – получил духовный сан в Таллине в 1987 г.

Официально Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии была зарегистрирована в 1993 г. Она возглавляется епископом, его постоянное местопребывание – Санкт-Петербург. При епископе действуют Церковный совет и Церковное правление. Церковь Ингрии (как, впрочем, и Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии) относится к числу лютеранских церковных организаций, сохранивших апостольскую преемственность рукоположения. Ныне действующий епископ церкви Ингрии был рукоположен епископами финляндской церкви. Церковь Ингрии занимает по многим вопросам церковной жизни достаточно консервативные позиции. Например, в ней нет пасторов-женщин и она не признает несинаодальных (новых) переводов Библии. Церковь также испытала некоторое влияние своих православных соседей: финны-ингерманландцы крестятся, как православные, – справа налево.

В середине 1997 г. в церкви было 37 приходов, входивших в четыре пробства: Петербургское, Карельское, Уральское и Русскоязычное. Официальная численность прихожан составляла 15 тыс., но число посещавших церковь было примерно в два раза больше.

Характер деятельности церкви Ингрии после ее восстановления определенным образом изменился. В прошлом она действовала на территории, где финское население жило относительно компактно, объединяла только финнов и была чисто “финноязычной” в общении со своими прихожанами. Сейчас, как уже упомянуто, образовано и Русскоязычное пробство, а в Петербурге и на территории Ленинградской области многие церкви ведут службу на двух языках, так как младшее поколение финнов-ингерманландцев в своей значительной части плохо знает или вообще не знает финского языка. К тому же среди прихожан есть и люди из национально смешанных семей: это как супруги русской, белорусской и иной национальности, так и дети от этих браков. К церкви Ингрии примкнули и люди, не имеющие никаких финских корней и родственных связей. В какой-то мере это было связано с общим всплеском интереса россиян к религии в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Некоторые из них при опросах говорили, что именно эта конфессия наиболее адекватно соответствует их духовным поискам.

Наряду с этим и сама церковь ведет активную миссионерскую деятельность. Эта деятельность поддерживается Евангелическо-лютеранской церковью Финляндии и направлена в первую очередь на финноязычные народы России. При этом выдвигается даже ничем не аргументированный тезис, что православие – это религия, не отвечающая традициям финноязычных народов, и что им следует быть лютеранами. Правда, эти попытки пока имели определенные результаты только в Карелии, в Поволжье они малоуспешны. Но миссионерская дея-

тельность церкви Ингрии в данном случае – все же второстепенный вопрос. Более важно отметить ее роль для самих финнов-ингерманландцев. Не подлежит сомнению, что ее восстановление означало для большинства российских финнов и возрождение их традиционной культуры вообще. Церковные приходы послужили объединению местного финского населения. Проведенные как нашими, так и финляндскими специалистами наблюдения и опросы среди финнов-ингерманландцев Ленинградской области, Петербурга, Карелии и Москвы свидетельствуют, что финны именно так рассматривают церковь Ингрии. Она значит для них больше, чем просто религиозная организация, это часть их традиционной культуры и центр, который их объединяет. В определенной мере она служит и культурным центром: при церквях организуются кружки финского языка, церковь принимает участие в певческих праздниках финнов-ингерманландцев и ряде других культурных мероприятий.

Многие представители старшего поколения ценят свои приходские церкви как место, где они не только слышат родную речь, но и встречаются с людьми своего поколения, пережившими тяжкие судьбы, выпавшие на долю российских финнов.

Церковь очень значима для финнов-ингерманландцев еще и потому, что в прошлом они были весьма религиозны. Несмотря на отсутствие действующих церквей, массовую антирелигиозную пропаганду, значительная часть людей старшего поколения все же получила домашнее религиозное воспитание и выросла среди односельчан, придерживавшихся религиозных взглядов. Среди верующих финнов-ингерманландцев приверженность церковности и в наши дни выше, чем у финнов Финляндии. В Финляндии только 4% опрошенных верующих сказали, что ходят в церковь каждую неделю, среди верующих финнов-ингерманландцев посещают церковную службу еженедельно 74% опрошенных. Среди них ежедневно молятся 73%, раз в неделю – 7%, нерегулярно – 15%. В Финляндии из опрошенных молятся вообще только 41%, и лишь раз в неделю. Более половины финнов-ингерманландцев не реже, чем раз в неделю, поют псалмы или духовные песни, 21% ежедневно читают Библию или молитвенник, 31% читают их раз в неделю, остальные – нерегулярно. Среди финляндских респондентов часто читали Библию лишь 10% (Ylönen, 1997. S. 204). При всем том среди верующих финнов-ингерманландцев преобладают люди старших возрастов, и вследствие этого численность прихожан постепенно сокращается. Кроме того, значительная часть финнов-ингерманландцев из трех основных регионов их расселения – Ленинградской области и Петербурга, Карелии и Эстонии – приняла предложение Финляндии о возвращении их на историческую родину на правах репатриантов, и этот процесс идет достаточно активно.

Вследствие этого дальнейшие судьбы церкви Ингрии не совсем ясны. Но ее роль в возрождении традиционной культуры российских финнов, возрождении их этнического самоопределения в 1980–1990-е годы не подлежит сомнению.

ФИНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В КАРЕЛИИ И НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Первые статистические данные о финских мигрантах на территории современной Карелии, тогда в Олонецкой и Архангельской губерниях России, относятся к 1830-м годам, но заметный рост их численности приходился на вторую половину XIX в. Так, в Олонецкой губернии в 1858 г. финнов насчитывалось 365 человек, в 1865 г. – 991, в 1883 г. – уже 2622 человека. К концу XIX в. численность финнов в Олонецкой губернии достигла 3 тыс. и оставалась на этом уровне вплоть до 1917 г. (*Бирин*, 1991. С. 4–5). Доля мужчин и женщин в диаспоре была примерно равной. Довольно высок был процент детей и молодежи в возрасте до 20 лет (более 40%) и людей трудоспособного возраста (свыше 50%).

Основная масса переселенцев (более половины из них были уроженцами Выборгской губернии) проживала в трех уездах – Петрозаводском (35%), Олонецком (24%) и Вытегорском (29%). Финны были заняты в промышленности, ремеслах, на строительных работах и лесозаготовках. Весьма распространенными были профессии столяра, плотника, портного, сапожника, печника. Занимались они и сплавом леса, работали в сельском хозяйстве, на речном транспорте (в том числе в качестве бурлаков). Женщины нанимались в услужение в богатые дома (*Бирин*, 1991. С. 5–9, 15–18, 24–26). Доля городских жителей среди финнов не превышала 24%.

Переселение в Олонецкую губернию было для большинства финляндцев временным: в конце XIX в. диаспора на 90% состояла из мигрантов первого поколения (Там же. С. 31). В 1917–1918 гг. примерно 70% финнов вернулись на родину.

В Архангельской губернии финны концентрировались на Мурманском побережье. Первые поселения появляются здесь в голодные для Финляндии 1860-е годы (1864 г., колония Ура-Губа). Стимулом к миграции стали и правительственные постановления 1868, 1876 и 1890 гг., предоставлявшие льготы колонистам Мурмана, как россиянам, так и иностранцам, принявшим российское подданство (*Энгельгардт*, 1897. С. 90–94). В 1870 г. на Кольском полуострове насчитывался 361 финн, к 1888 г. их численность возросла до 823 человек (*Onnela*, 1973. S. 55–112).

В отличие от мигрантов Олонецкой губернии, в Архангельскую, на Кольский полуостров финны переезжали с намерением прочно обосноваться на новом месте. Колонисты селились по побережью Баренцева моря (Кольский залив) и вдоль р. Туломы. К концу столетия здесь сложился уже ряд поселений с традиционным для финской деревни укладом жизни. Интересно свидетельство об этом в путевых записках А.П. Энгельгардта, посетившего Западный Мурман летом 1895 г.: "...колония Ура тянется вдоль реки того же названия и заселена исключительно финляндцами, в числе около 200 человек... Во всех домах нас особо поразили опрятность и порядок, как внутри домов, так и снаружи. В самой бедной хижине стены, пол, посуда, ме-

бель носили следы самой заботливой чистоты, полы были устланы папоротником, на стенах развешаны картинки, на окнах занавески; женщины были одеты опрятно, так же и дети, которые не смотрелись, как обыкновенно в деревнях, неумытыми, нечесаными замухрышками. В каждом доме мы находили шкаф с книгами и даже газеты; детей обучают грамоте сами родители (согласно переписи 1897 г., здесь дети в возрасте 10–19 лет на 91% были обучены грамоте по-фински. – *И.Т.*). В каждом дворе есть несколько коров. Крошечные хлевы, в которые приходилось входить согнувшись, содержаться в безукоризненном порядке и ежедневно по несколько раз вычищаются...” (*Энгельгардт*, 1897. С. 122–123).

В Кольско-Лопарской волости финны селились хуторами на расстоянии 1,5–2 км друг от друга.

В 1897 г. численность финнов на Кольском полуострове составляла 1276 человек (645 мужчин и 631 женщина). Лишь половина из них (650 человек) была мигрантами первого поколения, в основном уроженцами губернии Оулу (83%) (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 1: Архангельская губерния, тетр. 3. 1904. С. 2–3, 20–21, 52). Тех, кто сохранял финляндское подданство, было 428 человек, или 33% (Там же. Тетр. 1, 1899. С. 42–43).

Это было на 98% сельское население. Основными занятиями финнов были рыбный промысел и охота (55% самодеятельного населения). В животноводстве и земледелии трудились чуть больше 16%, 12% занималось различными ремеслами (обработка дерева, продуктов животноводства, изготовление одежды) и строительными работами (Там же. Тетр. 3. С. 102). Большинство женщин в возрасте старше 20 лет (св. 80%) находилось на иждивении мужей, занимаясь домашним хозяйством и детьми.

В годы первой мировой войны численность финского населения Кольского полуострова значительно возросла в связи со строительством Мурманской железной дороги в 1915 г. После 1917 г. большинство финских колонистов осталось жить на Мурманском побережье. Как уже отмечено выше, в послереволюционный период на прежних местах расселения осталось и абсолютное большинство финнов-ингерманландцев. Но значительная часть финских граждан, в частности – работавших в Петербурге, а также в Олонецкой губернии, в годы гражданской войны и разрухи вернулась на родину.

Практически в то же время на территории России появились новые мигранты из Финляндии. После поражения революции в Финляндии весной 1918 г. тысячи ее участников, спасаясь от преследований, покинули родину. Некоторые из них были просто выдворены из страны новыми властями через восточную границу. Известно, что лишь весной 1918 г. в Петроград прибыло 6 тыс. финских беженцев, которых через специальные эвакуационные пункты направляли в разные города и губернии – от Москвы и Вологды до Урала и Сибири.

В числе этих мест была и Карелия (*Коронен*. 1969. С. 104–114). По представлениям того времени Октябрьская революция в России должна была вызывать некую “цепную реакцию” в Европе (а возможно, и во всем мире). Распространение революционных идей за рубежом входило в программу действий нового правительства. Определенная роль в этом отводилась и возникшей в это время Карельской Трудовой Коммуне. Карелия, по идее, должна была превратиться в образец социалистической республики, способной оказать пропагандистское воздействие на соседнюю Финляндию и скандинавские страны. Именно с этой целью, для организационной работы в Карелию был направлен ряд видных деятелей финляндской революции, иммигрировавших в Россию. В период с 1920

по 1935 г. Карельскую республику возглавлял бывший член финляндского парламента от СДПФ Эдвард Гюллинг.

Число новых финских мигрантов в Карелии было в целом довольно значительным. По данным на 1920 г., здесь жило около тысячи финнов из числа давних переселенцев (см.: Статистический ежегодник Карелии, 1923. С. 12–13). К 1926 г. численность финнов за счет иммиграции увеличилась в два с половиной раза. Около половины финнов жили в Петрозаводске и Петрозаводском уезде, значительная часть в крупных карельских районах – Ухтинском (20,4%) и Олонецком (13,2%) (Всесоюзная перепись населения. 1926 г., 1928. С. 178–181).

Составляя в 1926 г. лишь 0,9% всего населения края, финны занимали видные должности в советском партийном и государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, организациями типа МОПРа, Осоавиахима, работали в области культуры, науки, образования. Многие были кадровыми военными.

Политическая активность финских эмигрантов (так называемых “красных финнов”) использовалась советским руководством и за пределами Карелии, в частности – в Архангельской губернии, на Кольском полуострове, где финское население составляло примерно 2 тыс. человек, причем насчитывалось 7 деревень с чисто финским населением. С помощью направленных сюда финских организаторов к концу 1920-х годов были созданы только в Александровской волости 14 рыболовецких и 4 молочных финских артелей (самая знаменитая из них – животноводческая артель “Красная скотница” в Грязной губе (Киселев, 1989). Часть финнов Мурманска продолжала трудиться по-старому: многие хуторские хозяйства на Кольском полуострове были уничтожены позже, в период коллективизации.

Полиэмигранты из Финляндии продолжали приезжать в Россию вплоть до начала 1930-х годов. Общая численность их по косвенным подсчетам могла достигнуть 10–12 тыс. человек.

На начало 1930-х годов приходится новая волна переселения в Советский Союз финнов из-за рубежа. Часть этих эмигрантов состояла из финнов, в свое время эмигрировавших в США и Канаду. Первые “заокеанские” финны появились в России уже в начале 1920 г. Это были люди, приехавшие принять участие в построении нового социалистического государства, вкладывая в это дело собственный труд. Они работали на стройках и промышленных предприятиях в разных частях страны – в Кемерово, Магнитогорске, Нижнем Новгороде и др., ими был создан ряд сельскохозяйственных артелей, в том числе в Карелии.

Но массовый характер иммиграция финнов из Северной Америки приобретает в 1930-е годы, в период глубокого экономического кризиса в США и Канаде.

При этом руководство Карелии в 1931 г. с разрешения Москвы начинает широкомасштабную вербовку квалифицированных рабочих кадров среди финнов США и Канады. Малонаселенная и традиционно крестьянская Карелия остро нуждалась в высококвалифицированных специалистах и рабочих руках. Вербовке, которую проводили специально созданные для этого организации (Комитет технической помощи Карелии в Америке, Переселенческое управление в Петрозаводске), предшествовала широкая пропагандистская компания, развернутая финноязычной левой прессой США и Канады. Большинство переселенцев искренне верило в возможности нового общества “освобожденного труда”, а экономический кризис, захлестнувший Европу и Америку, только укреплял эту веру. Финны надеялись обрести в Карелии работу по душе и внести свою посильную лепту в дело построения социализма. Трудовой договор заключался с переселенцами на два года, однако многие собирались обосноваться в России навсегда. Они ехали с семьями, везли с собой технику, оборудование, валюту.

Всего за 1931–1934 гг. в Карелию из США и Канады переехало свыше 6 тыс. человек (треть из них женщины и дети). Трудились они в лесном комплексе республики (ок. 60%), а также в других отраслях промышленности, в сельском хозяйстве, в области культуры. Самые крупные колонии переселенцев из Америки были в Петрозаводске, Кондопоге, Прионежском и Пряжинском районах (небольшие группы этих переселенцев работали также и в других областях России) (*Андриайнен*, 1970. С. 180–197; *Такала*, 1993. С. 9–10; *Kero*, 1983).

Другая крупная эмиграционная волна была следствием экономического (а отчасти и политического) кризиса в Финляндии. Начиная с 1930 г. большие группы финнов, спасаясь от голода и безработицы, самостоятельно переходили финляндско-советскую границу на всем ее протяжении. Определенную роль сыграла и развернутая карельским руководством и финляндскими коммунистами пропагандистская компания в связи с политикой вербовки рабочих кадров в Россию. Перебежчики хотели найти работу в России, спасаясь от нужды, а порой и от политических преследований (некоторые, заподозренные в симпатиях к коммунистам, покидали родину под грубым нажимом фашистов-лапуасцев). По приблизительным подсчетам, в 1930–1934 гг. из Финляндии в Советский Союз ушло свыше 12 тыс. человек. Эта категория иммигрантов сразу же попадала в карантинные лагеря ОГПУ, откуда, после проверки, их направляли на работу в различные регионы Союза или в лагерь ГУЛАГ^а (за нелегальный переход границы тогда давали до трех лет лагерных работ). Большую часть перебежчиков оставляли затем работать в непограничных районах Карелии и Ленинградской области. В отличие от остальных иммигрантов, перебежчики оказались в самых худших условиях, мало отличающихся от лагерных. Они жили в специальных поселках, находились под постоянным контролем ГПУ, не имели документов, не могли самостоятельно покидать место работы. Практически все, вне зависимости от профессии, использовались на тяжелых строительных, лесозаготовительных, горнорудных работах (подробнее см.: *Такала*, 1992; *Kostiainen*, 1988; *Takala*, 1994).

К середине 1930-х годов иммиграция из Финляндии и Северной Америки прекратилась и значительно увеличился поток реэмигрантов. Уезжали из России прежде всего финны из Северной Америки, разочарованные своим положением и “социалистическим образом жизни”. Большинство перебежчиков, несмотря на угрозу тюремного заключения, также готово было вернуться в Финляндию, однако им сделать это было сложнее. В целом за 1932–1935 гг. Россию легально и нелегально покинуло примерно 4,5 тыс. человек.

К 1935 г. основная масса финнов-иммигрантов была сосредоточена в северо-западном регионе, главным образом в Карелии и Ленинградской области (по косвенным подсчетам свыше 20 тыс. человек).

Финны-иммигранты, несмотря на свою малочисленность, оставили заметный след в истории Карелии в 1920–1930-е годы. Финляндские эмигранты в ходе полтора десятков лет занимали, как уже упомянуто, ведущие посты в Карелии – как в ее руководстве, так и в области культуры. На протяжении почти десяти лет (1922–1930 гг.) Карелия жила в условиях экономического эксперимента, разработанного главой правительства Э. Гюллингом и одобренного Москвой. Экономическая самостоятельность республики, основу которой составляли особые бюджетные права, позволила за короткий срок поднять из руин и укрепить ее народное хозяйство. Валовая продукция ежегодно возрастала на 20–30%, что являлось одним из самых высоких показателей роста в мировой экономике того времени (*Кауппала*, 1990. С. 52). В этом плане опыт Карельской автономии 1920-х годов уникален, и роль финского руководства в этом совершенно несомненна.

Иммигранты трудились в различных отраслях промышленности. Наиболее значимым был их вклад в развитие строительной отрасли (председателем Каржилсоюза был Антон Уотинен) или таких крупных предприятий, как Кондопожский бумажный комбинат (директор Ханнес Ярвимаки), Петрозаводская лыжная фабрика (директор Илья Туомайнен). В становлении лесопромышленного комплекса республики велика была роль североамериканских финнов, 60% которых трудились в системе “Кареллеса”. Новые орудия труда, привезенные иммигрантами (начиная со знаменитого канадского топора), новые технологии по рубке и вывозу древесины, умелая организация труда имели большое значение для развития отрасли. В ряде новых лесных поселков (Матросы, Вилга, Интерпоселок, Лососиное) население на три четверти составляли финны. Правда, тогда же появились в Карелии и такие поселки, где на лесозаготовках в совершенно иных условиях работали под надзором органов безопасности финны-перебежчики (поселки Керсонь, Падун, Сергиево, Железное).

Североамериканские финны стали в Карелии пионерами колхозного строительства. В 1922 г. в Олонецком районе в Кандалакше ими была основана первая сельскохозяйственная коммуна “Säde”. Затем, в начале 1930-х годов появляются другие финские коллективные хозяйства: “Hiilisuo” (Совхоз № 2), Сунский и Ильинский совхозы.

В последующий период судьбы финнов-иммигрантов, в том числе и руководящей верхушки финнов в Карелии сложились трагически. На них отозвалась печальным образом уже развернувшаяся по всей стране после XVI съезда ВКП(б) 1930 г. и его специального постановления борьба с национал-уклонизмом и местным национализмом. В 1932–1933 гг. Особым отделом Ленинградского военного округа на территории Карелии, Мурманского округа и Ленинградской области в районах с финским населением была проведена большая акция по “ликвидации контрреволюционного заговора”, получившая в следственных документах название “Заговор финского генерального штаба”. Сотни людей были обвинены в контрреволюционной повстанческой деятельности и в шпионаже в пользу Финляндии. Абсолютное большинство арестованных по этому делу составляли местные уроженцы – карелы и финны-ингерманландцы, тем не менее репрессии коснулись тогда и части финских политэмигрантов, прежде всего – профессиональных военных (*Ренухова*, 1996. С. 35–44; *Такала*, 1994. С. 123–124).

В 1935 г. финское руководство Карелии было смещено и в республике развернулась антифинская компания. Людей увольняли с работы, исключали из партии, росла волна арестов среди политэмигрантов и финнов-перебежчиков (*Такала*, 1992. С. 44–52; 1994. С. 124–128). Такие же процессы происходили в 1935–1936 гг. и в других регионах страны. Следует отметить, что в эти годы стала размываться и группа финского населения на Мурмане. Отчасти это было связано с коллективизацией, вызвавшей уход части местных финнов в города и леспромхозы, но в неменьшей мере и со строительством на Севере мощного военного флота. Судьба Грязной Губы, Ваенги, Торос-Острова и ряда других поселений была решена уже в первой половине 1930-х годов: строились военноморские базы флота, колхозы ликвидировались, финнов переселяли. Сокращалось и число финских школ, к 1935 г. в основном районе проживания финнов – Полярном (бывшая Александровская волость) – оставалось всего 4 национальные школы (*Киселев*, 1989).

Массовый террор 1937–1938 гг., обрушившийся на страну, поставил финскую диаспору в Карелии на грань уничтожения. Финны были обвинены в участии к диверсионно-террористическим, контрреволюционным, шпионско-

повстанческим организациям, будто бы работавшим по заданию финляндской разведки с целью отторжения северо-западных территорий России и присоединения их к Финляндии.

Массовые репрессии в отношении финнов, как и других народов, осуществлялись по постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) и по так называемым национальным приказам наркома внутренних дел Н. Ежова. Финнов арестовывали и расстреливали и по другим постановлениям, прежде всего по “польскому приказу” (№ 00485), который был положен в основу финской операции, и по приказу № 00693 (23.10.1937 г.) “по репрессированию перебежчиков – нарушителей госграницы СССР” (Такала, 1998. С. 186–189).

Кровавым завершающим аккордом тотального террора стал приказ № 00606 (17.09.1938 г.) о создании на местах Особых троек для рассмотрения дел “по контрреволюционным национальным контингентам”. За два месяца действия этого приказа в тюрьмах страны были расстреляны тысячи людей, арестованных в ходе национальных операций.

Истинные масштабы репрессивной политики тех лет оценить пока трудно. Только в Карелии в результате операции, проведенной с лета 1937 г. по весну 1938 г., органами НКВД было арестовано и осуждено (по разным источникам) от 3 до 7 тыс. финнов (Такала, 1994. С. 133–134). Осенью 1938 г. карельская Особая тройка приговорила к расстрелу еще 1,5 тыс. финнов (Такала, 1998. С. 182–200).

В последующие годы российским финнам пришлось пережить немало репрессивных постановлений. Одна акция (проводившаяся в несколько приемов) была связана с “очищением” приграничных районов СССР от “неблагонадежных элементов”, по которой финны выселялись из них во внутренние районы страны.

В военные годы российские финны были интернированы, причем это проводилось в таких формах, что выжить в тех местах, где были образованы лагеря, удалось немногим.

Возвращаясь к деятельности финнов-иммигрантов, следует кратко осветить их заслуги в развитии культуры, образования, науки в Карелии.

Финское учительство принимало активное участие в ликвидации неграмотности карельского населения республики. Из более 500 школ, работавших в Карелии в 1933 г., более половины составляли школы с преподаванием на финском языке. Учительские кадры для этих школ готовил открытый в 1920 г. в Петрозаводске Педагогический техникум. Здесь преподавали профессиональный педагог и блестящий лингвист Хейно Раутио (директор техникума в 1921–1930 гг.), историк Лаури Летонмяки, биолог Вяйне Такала, филологи Ханнес Пулкинен, Урхо Тууралаи др. Наркомы просвещения иммигранты Иивар Ласси, Юрье Сирола, финн-ингерманландец Иван Вихко вместе со своими коллегами Вяйне Кангасом, Виктором Сало, Айно Форстен и др. сумели многое сделать для укрепления позиций финского языка в системе образования от начальной школы до вуза.

В 1931 г. было основано первое в республике академическое учреждение – Карельский научно-исследовательский институт, одним из создателей которого стал председатель СНК Эдвард Гюллинг. Историко-революционную секцию возглавил Ээро Хаапалайнен, этнографо-лингвистическую – Виктор Сало. К середине 1930-х годов в республике работали Карельский педагогический институт, где преподавание велось на русском и финском языках. Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа.

Культурно-языковая политика республиканского руководства осуществлялась в русле концепции единого “карело-финского языка” и была направлена на распространение финского языка среди населения республики, прежде всего

Рис. 124. Хор финнов-ингерманландцев, с. Соломенное Петрозаводского горсовета (фото В. Трошева, 1980 г.)

среди сельского. Это представляло одну из идейных позиций финского руководства республики, и осуществление этой политики проводилось силовыми решениями (подробнее см. “Языковые процессы XIX–XX вв.” в разделе “Карелы” настоящего издания).

Финны-иммигранты сыграли существенную роль в становлении в Карелии профессиональной литературы. В 1926 г. в Петрозаводске была создана Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), во главе которой стал поэт-финн Ялмари Виртанен. В организации активно работала финская секция, в которую входили финноязычные поэты и прозаики (Х. Тихля, О. Иогансон, Р. Руско (Нюстрем), Э. Паррас, Л. Летонмяки, В. Эрvasti и др.).

Выпуском политической, научной, учебной, художественной литературы на финском языке занималось издательство “Кирья”, основанное в 1923 г. в Петрограде (Карельский филиал создан в 1927 г.). Издательское дело и финноязычную журналистику в Карелии развивали Теему Термяля, Хейно Раутио, Лаури Летонмяки, Калле Венто, Юрье Кому, Лююли Латукка, Кости Клемола, Матти Тенхунен и многие другие. В 1934 г. в Петрозаводске печатались две газеты и пять журналов и литературных альманахов на финском языке. По числу названий и общему тиражу издаваемых книг “Кирья” занимала четвертое место среди национальных издательств России (*Афанасьева*, 1989. С. 137; *Алто*, 1989. С. 16–19).

В 1920-е годы в Карелии появляются первые финские театральные коллективы. В 1921 г. при народном театре драмы была образована труппа, которую возглавил бывший актер и руководитель любительских театров Финляндии Виктор Линден. Стал работать также любительский театр “Карельская сцена” под руководством Санни Нуортева. В начале 1930-х годов ряды актеров пополняются актерами из Америки (труппа Кууно Севандера). Осенью 1932 г. открыл свой первый сезон Карельский национальный драматический театр, работавший на финском языке, его художественным руководителем и режиссером до 1937 г. был Рагнар Нюстрем.

Первая половина 1930-х годов стала временем быстрого развития финноязычной культуры Карелии.

Многое для пропаганды литературы и искусства делал образованный в 1931 г. в Петрозаводске Радиокомитет (Отто Вильми, Ханна Кангасниemi, Иоганн Лумивуокко). По радио звучали стихи и проза финноязычных писателей, передавались театральные постановки на финском языке. Тогда же при Карельском радио был создан небольшой симфонический ансамбль, организатором и дирижером которого стал иммигрант из США Калле Раутио – композитор, педагог, собиратель фольклора. Он стал и одним из основателей композиторской школы Карелии. К числу организаторов Союза композиторов республики следует отнести также композитора и альтиста Лаури Йоусинена.

В 1930-е годы начали свою профессиональную деятельность скульптор-финн Юрье Раутанен, художник театра Фред Линдхольм и др.

Таким образом, в Карелии для финнов-эмигрантов сложились некий “оазис” местной финской культуры и условия для сохранения национальных традиций, в первую очередь языковых. Но в результате массовых репрессий 1937–1938-х годов по финской культуре в Карелии был нанесен решительный удар. Была запрещена всякая общественная деятельность, запрещались издание книг, журналов, преподавание финского языка в школах, из библиотек изымались книги на финском языке.

После окончания советско-финляндской войны 1939–1940-х годов и создания Карело-Финской ССР финский язык вновь обрел прежний статус. В школах республики вводилось его обязательное изучение, независимо от национальной

Рис. 125. Художник Суво Юнтунен (фото В. Трошева, 1980 г.)

Рис. 126. Скульптор Лео Ланкинен (фото В. Трошева, 1992 г.)

принадлежности учащихся. В Петрозаводске возобновил свою деятельность финский театр. Вновь стали публиковаться газета “Тотуус” (“Правда”), журнал “Пуналиппу” (“Красное знамя”).

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. негативно отразилась на развитии финноязычной культуры в Карелии. Правда, на финском языке продолжалось издание газеты “Тотуус”, где печатались небольшие по объему корреспонденции, очерки, документальные рассказы, короткие стихотворения-репортажи, отклики на текущие события военного времени. В фронтовых и армейских газетах публиковались прозаические и поэтические произведения финноязычных авторов в переводе на русский язык. В 1941 г. вышло шесть выпусков финноязычного журнала “Пуналиппу”. В них вошли в основном рассказы, воспоминания, стихотворения политического характера. Но затем в связи с военным временем издание журнала было прекращено. В годы войны печатались прозаики Х. Тихля, поэты Л. Хело, В. Эрvasti, А. Эйкиля, К. Каукома и др. Их произведения на финском языке публиковались в выходившей в Беломорске газете “Тотуус”, а также и в Петрозаводске. Финноязычная писательская организация группировалась вокруг редакции радиовещания, возглавляемой Л. Грёнлунд. К военному периоду относится начало творческой деятельности писателей и поэтов-карел, участников Великой Отечественной войны – Н. Лайне, П. Пертту, О. Степанова, А. Тимонена, Я. Ругоева, Н. Яккола, пишущих на финском языке (Алто, 1997).

В послевоенные годы развитие культуры и финноязычной литературы заметно оживилось. Вновь началось преподавание финского языка в школах республики, в университете была создана кафедра финского языка, учителей финского языка готовил Петрозаводский педагогический институт, на финском языке издавались журнал “Карелия” и газета “Советская Карелия”. Возобновилась деятельность финского театра, в нем работали такие известные финны-актеры и режиссеры, как Вальтер Суни (1909–1979), Лиза Томберг (1909–1988), Тойво Ланкинен (1907–1970), Суло Туорила, (1911–1979), Тойво Ромппанен (1901–1976), Кууно Севандер (1898–1989), а также карелы Матти Любовин (1915–1966), Дарья Карпова и многие другие.

Заметное оживление в послевоенные годы наблюдалось и в развитии финноязычной литературы Карелии. По-прежнему на этой ниве трудились Лео Хело (Тобиас Гуттари, 1907–1953), правда, в основном как переводчик, Ульяс Викстрем (1910–1977), Вейкко Эрvasti (1913–1947), Тайсто Сумманен (1931–1988), карелы Николай Лайне (Гиппиев, 1920–1984), Яакко Ругоев (1918–1993). По оценке литературоведа Э. Алто, финноязычная литература 1960-х годов вступила в “качественно новый этап развития” (Алто, 1997. С. 157). Осваивая, как и прежде, фольклорные традиции, писатели и поэты расширяли тематику своих произведений, описывали в них современную жизнь, анализировали нравственные проблемы. Характерными чертами стали лиричность поэзии, обращение к свободному стиху, психологизация прозы.

В процессе перестройки (и в последующий период) в республике началось возрождение культурной деятельности финских коллективов художественной самодеятельности (певческих и танцевальных), традиционным стало празднование Юханнуса (Иванова дня, 24.06/7.06). Важную роль в развитии местной финской культуры сыграло принятие закона о реабилитации российских финнов (1993 г.). Вскоре была разработана республиканская программа развития культур и языков карел, финнов, вепсов (1995–2000 гг.). Широкое распространение приобрели кружки финского языка. Существенную роль в культурной жизни местных финнов сыграла организация в Карелии Союза ингерманландских финнов Карелии (образован 18.02.1989 г.).

Рис. 127. Объединенный хор финнов-ингерманландцев, 1979 г. (Inkeri, 1991. S. 294)

ФИНСКИЙ ЯЗЫК В КАРЕЛИИ

По переписи 1897 г. на территории современной Карелии жило более 3,3 тыс. финнов, как в сельской местности, так и в городах. Большая часть финнов – те, кто работал в промышленности, занимались ремеслом, посреднической торговлей и т.п., были двуязычными. В первую очередь это относилось к мужскому населению, но в городах и женщины должны были осваивать русский язык, поскольку городское население в Карелии в то время было в основном русское. Русский язык финны усваивали путем непосредственных контактов.

Следует отметить, что уже в начале XIX в. делались также попытки распространить финский язык среди карельского населения. В 1906 г. в северной Карелии под влиянием карел, живущих в Финляндии, был организован “Союз беломорских карел”. Это было в определенной мере связано с идеями национального движения в Финляндии, родившего, в частности, утопическую идею слияния всех финноязычных народов России в единую общность. В связи с этими “проектами” в финляндской прессе в начале XIX в. развернулась пропаганда идеи, что “карелы – суть финны и относятся к Финляндии, их земля должна быть относима также к Финляндии, нужно, чтобы карелы хотели присоединиться к Финляндии. Этого-то и хочет Союз беломорских карел” (цит. по: *Дубровская*, 1994. С. 76).

Благодаря усилиям “Союза”, в Кемском уезде, в волостях с карельским населением, были открыты 22 финские библиотеки, две передвижные школы и одна ремесленная, где обучение детей велось на финском языке. “Союз” издавал на финском языке свою газету, занимался распространением финской литературы. К 1917 г. “Союз” разработал проект объединения Беломорской и Олонецкой Карелии и предоставления ей автономии в рамках России (Прибалтийско-финские народы, 1995. С. 291). Правда, деятельность “Союза” довольно скоро – не без вмешательства русской православной церкви, усмотревшей в его деятельности попытки “сращения” местного населения в лютеранство, была прикрыта властями.

Вопрос о роли и статусе финского языка в Карелии возник вновь уже после революции, в годы организации и деятельности Карельской Трудовой Коммуны. Во главе Коммуны стоял видный финляндский коммунист Э. Гюллинг, в ее руководстве также доминировали финны, в основном революционеры-эмигранты из Финляндии. В известной мере они разделяли все те же панфинляндские идеи, но наряду с этим они считали Коммуну плацдармом для “революционизирования не только Финляндии, но и всей Скандинавии” с последующим созданием Скандинавской Советской республики. Для сдерживания “националистических наклонностей карельского населения” и “местного карельского сепаратизма” планировалось дальнейшее привлечение в Карелию участников финляндской революции 1918 г.

Исходя из представлений о том, что карелы – это ветвь финского народа, руководство Коммуны рассматривало финский язык как неперемное условие не только социально-культурного, но и экономического прогресса Карелии и карельского народа.

Задачу – превратить финский язык в язык большинства населения Карельской Трудовой Коммуны – ее энергичное финское руководство осуществляло весьма настойчиво и последовательно. Сложность ее решения заключалась в том, что полностью игнорировать наличие самостоятельного карельского этноса и карельского языка было невозможно. Тем не менее финскому руководству республики не раз удавалось убедить центральные власти и противников введения финского языка в официальной сфере в правильности проводимой ими культурно-

языковой политики. Правда, при этом статус русского языка как государственного языка Карелии никогда не подвергался ревизии (подробнее см.: *Левкоев*, 1992); гл. 2 “Карельский язык” раздела “Карелы” настоящего издания).

При обсуждении языковой проблемы в Карелии на различных партийных и советских съездах и конференциях неоднократно принимались решения развития карельской грамотности, а “культурными языками” признавались русский и финский (Всекарельский съезд..., 1990. С. 224).

Вследствие этого в республике шло активное развитие сети школ на финском языке, причем на это выделялось около трети всех бюджетных средств, предназначавшихся на нужды просвещения (*Вихавайнен*, 1998; *Кангаспуро*, 1998; и др.).

Опасаясь, что совершенно явная политика финнизации вызовет рано или поздно санкции сверху, руководство Карелии нашло весьма “оригинальный” выход. В тексте декрета ВЦИК, подготовленного в связи с преобразованием Карельской Трудовой Коммуны в Карельскую Автономную ССР, было зафиксировано равноправие русского и “карело-финского” языков (Карелия в период восстановления народного хозяйства. 1921–1925, 1979. С. 61, 99; Советы Карелии, 1993. С. 100).

Искусственность термина “карело-финский язык” совершенно очевидна, поскольку такого языка не существует. Но использование термина в известной мере вуалировало сложившуюся в Карелии языковую ситуацию и как бы перекликалось с курсом так называемой “коренизации”, который проводило руководство Карелии: выдвигало на руководящие посты карел, вепсов, содействовало притоку в республику тверских карел и финнов – иммигрантов из Северной Америки.

Стоит отметить, что термины “карело-финский язык” и даже “карело-финны” в определенной мере вошли в тот период в официальную терминологию.

Благодаря развитию системы школьного образования на финском языке, финское население Карелии имело полную возможность обучать своих детей на родном языке. Однако жизнь среди карельского и русского населения (причем значительная часть карел владела хотя бы обиходным русским языком) вела к тому, что и местные финны знали русский язык, причем для многих он был и языком грамотности. По данным переписи 1926 г., из общего числа финнов Карелии (1763 человека) грамотная их часть (69,3%) владела в большинстве (58,9%) только финской грамотой, но более 30% знали и русскую, и финскую грамоту, а 10% – только русскую.

По данным переписи населения 1926 г., из 2544 финнов, проживающих в Карелии, родным признавали финский язык 2033 человека (79,9%), русский – 285 человек (11,2%), карельский – 219 человек (8,6%), языки других национальностей – 7 человек (0,3%). Причем случаи несовпадения национальности и родного языка в сельской местности встречались чаще, чем в городской (соответственно 23,5% и 13,9%) (Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1928. С. 114–116).

Попутно отметим, что из общей численности грамотных финнов (1763 человека, или 69,3% грамотных) более половины владела финской грамотой (1039 человек, или 58,9%), знали грамоту на финском и русском языках (540 человек, или 30,6%), остальные (174 человека, или 9,9%) – на русском языке (Там же. С. 135).

В начале 1930 г., в период появления термина “карело-финский язык” была сделана попытка создания и “карело-финской” грамоты. Нарком просвещения республики И.П. Гришкин предложил разработать такой язык, который представлял бы собой смешение финского литературного языка с ливвиковским диалектом карельского как особый “советский” вариант финского языка в отличие от языка “буржуазной Финляндии”. По мнению И.П. Гришкина, сплав двух генетически родственных языков должен был сформировать в конечном

итоге обогащенный революционной терминологией и карельскими словами особый финский литературный язык. Завершились эти поиски неудачей.

Несколько позже, в 1936 г. была сделана еще одна попытка “преобразования” финского языка в “советский вариант”. Она была предпринята в связи с тем, что над финским республиканским руководством начали сгущаться тучи: его начали обвинять в попытках проведения политики, направленной на создание так называемой Великой Финляндии.

Идеологическое обеспечение политики огосударствления “национальных” (карельского, финского) языков нашло отражение и в проекте республиканской Конституции 1937 г. Согласно статье 24 карельский язык провозглашался третьим, наряду с русским и финским, официальным языком.

Правда, политика ускоренного внедрения новой карельской письменности вскоре потерпела полный провал из-за недостатка учебных пособий, кадров и т.д. Но наряду с этим продолжалась внутренняя борьба за лишение финского языка того статуса, который он обрел в Карелии за два первых послереволюционных десятилетия.

В апреле 1938 г. Карельский обком партии направил И.В. Сталину письмо с грифом “Совершенно секретно” о необходимости исключения финского языка из числа государственных языков Карелии. Включение финского языка в проект Конституции республики 1937 г. расценивалось при этом как “наглядное доказательство враждебной работы контрреволюционеров троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов, проникших к руководству партийными и советскими органами КАССР”. К середине июня 1938 г. были “разоблачены” и сняты с работы “враги” народа: 56 руководящих работников ЦИК, СНК, наркоматов, РИК и сельсоветов (Советы Карелии, 1993. С. 200–201). В условиях массовых этнических чисток, обвинений в шпионско-националистической деятельности употребление финского языка категорически запрещалось. Однако такое положение оказалось краткосрочным.

С завершением “финской кампании” 1939–1940 гг. запрещенный финский язык вновь получил статус государственного. Такое решение обосновывалось как политическими соображениями (финский язык станет основой межнационального сотрудничества в деле упрочения социализма), так и культурно-языковыми (финский язык – высокоразвитый литературный язык, легко понятный карельскому населению, должен стать главным средством подъема национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, роста науки, литературы и искусства и создания кадров интеллигенции). Говорилось даже, что “культурное развитие карельского народа пойдет быстрее именно на финском языке” (Отчетный доклад Карельского обкома, 1940). В обращениях к центральному правительству (в связи с образованием Карело-Финской ССР) вновь появились термины “карело-финский народ” и “карело-финская национальность” (В семье единой, 1998. С. 269–271).

До середины 1950-х годов финский язык преподавался в ряде школ республики, в Петрозаводском государственном университете существовало отделение финского языка, работал финский театр, развивалась финноязычная литература и т.д.

Ликвидация Карело-Финской ССР (1956 г.) обосновывалась коренными изменениями национального состава населения республики, ростом численности русского населения, сложением общности экономики и культуры в республиканском масштабе. В соответствии с политикой придания русскому языку статуса языка межнационального общения использование национальных языков стало ограничиваться. В Карелии сворачивается обучение на финском языке, в Петрозавод-

ском университете закрывается Отделение финского языка, но финский язык сохранил при этом статус официального языка Карельской АССР.

Функционирование финского языка поддерживалось в той мере, которая создавала определенную видимость государственной заботы о финском языке и о традициях культуры местных финнов.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Демографические характеристики финнов, живущих в Карелии, предопределялись особенностями формирования этой этнической группы, в основе которого лежала иммиграция. Это обстоятельство проявилось уже в дореволюционный период.

В 1897 г. в Олонецкой губернии проживало 2395 финнов, еще 160 человек насчитывалось в Кемском уезде Архангельской губернии. Финны, жившие в Олонецкой губернии, отличались от всех других этнических групп местного населения высокой долей городских жителей – 25% (доля горожан у местных русских составляла 8%, у карел – всего 1,5%). При этом средний возраст городских финнов был на 3,5 года ниже, чем у сельских.

Финское население Олонецкой губернии характеризовала ярко выраженная диспропорция полов. В сельской местности практически во всех возрастных группах преобладали мужчины, в городах – женщины. Это определялось отличиями сфер занятости мужчин и женщин. Основными занятиями финнов-мужчин были ремесла (столярные, строительные и ремонтные работы), сельское хозяйство и лесные работы, а также работа на металлургических заводах. Финки, в основном молодые девушки, обычно нанимались в прислугу в богатые дома или выполняли какую-либо иную поденную работу (Бирин, 1991. С. 25–26). По роду занятий финны-мужчины чаще жили в сельской местности, чем финки. В 1897 г. в Олонецкой губернии в городах на 100 финнов приходилось 138 финок, а в сельской местности на 100 мужчин – 84 женщины. Особенно это ощутимо было для молодой группы (20–24 лет): в городе это соотношение составляло 238 женщин на 100 мужчин; в сельской местности на 100 финнов приходилось лишь 63 женщины.

Это обстоятельство в свою очередь влияло на брачность. Неженатые мужчины чаще встречались в сельской местности, а незамужние женщины – в городах. При этом две трети финнов, как мужчин, так и женщин, состояли в браке. В брачной структуре финнов значительной была доля вдов – почти четверть всего женского населения (табл. 1).

Таблица 1

Брачное состояние финнов Олонецкой губернии в 1897 г.
(для лиц 20 лет и старше), %*

Брачное состояние	В целом		В городах		В уездах	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Не состоящие в браке	25,0	10,6	11,5	14,0	27,8	9,5
Состоящие в браке	66,8	65,7	79,3	60,9	64,3	67,4
Вдовы	8,2	23,7	9,2	25,1	7,9	23,1

* Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. Т. XXVII: Олонецкая губерния. Т. 3. С. 66–67.

Несмотря на диспропорцию полов, случаи смешанных браков у финнов были редкими и в основном это были союзы с близкими по языку карелами. Межнациональный брак часто сопровождался принятием финским партнером православия, к этому стремилась православная церковь. Но основная часть финнов сохраняла эндогамию.

Графически половозрастная структура финнов Олонецкой губернии (Бирин, 1991. С. 28) имела вид слегка деформированной правильной пирамиды, мужская и женская половины которой заметно различались между собой. Это было связано со значительным перевесом числа мужчин, в результате чего пирамида кажется как бы сдвинутой влево.

При этом пирамида имела широкое основание, что свидетельствовало о благоприятных перспективах демографического воспроизводства. Дети и молодежь до 20 лет составляли почти 40% всех финнов Олонецкой губернии, хотя детность* у финских женщин была по тем временам не очень высокой (2,08) и заметно уступала по показателю как у вепсянок (2,48) и карелок (2,50), так и у русских (2,34).

Доля пожилых и стариков (60 лет и более) была невысокой – менее 10% – и практически равной у мужчин и женщин. Дети и молодежь более, чем в 4 раза, превосходили численность пожилых и стариков. Процент детей был выше в городах, пожилые чаще встречались в сельской местности.

Более половины всего финского населения губернии составляли люди активного трудоспособного возраста от 20 до 59 лет, причем заметно выделялась, особенно у мужчин, группа 20–39-летних. Однако сюда приезжала не только молодежь, но и люди среднего и даже старшего возраста. Это обстоятельство повышало средний возраст местных финнов (31,1 год), в то время как у карел он был 27,3 года, а у русских и вепсов – 26,8 года.

Уезды, на которые пришлось первые волны миграции (Петрозаводский и Олонецкий, а также г. Петрозаводск), отличались сравнительно старой половозрастной структурой финского населения, а уезды поздней миграции – более молодой.

В целом демографическая структура, сложившаяся у финнов в Олонецкой губернии в конце XIX в., обеспечивала нормальное воспроизводство этой этнической группы, особенно в местах постоянного проживания.

В 1920-е – 1930-е годы финское население в Карелии формировалось из нескольких разновременных миграционных потоков фактически заново. Так, из 13 350 финнов, зафиксированных переписью 1933 г., 85% прибыли в республику из-за ее пределов, при этом три четверти из них – в 1932 г. Более половины всех новоприбывших составляли мужчины трудоспособного возраста.

О половозрастной структуре финской диаспоры в Карелии в 1920-е годы сказать что-либо определенное трудно, так как материалы переписей 1920 и 1926 гг. не содержат необходимых данных. Поэтому возрастно-половые пирамиды построены по материалам переписей населения 1933 и 1939 г. (см.: Карелы. Финны. Проблемы этнической истории, 1992. С. 192–193).

Почти половину всего финского населения в 1933 г. составляли люди в возрасте от 25 до 44 лет. В сельской местности заметно выделялись 20–34-летние (38% у мужчин и 31% у женщин), а в городах – 25–39-летние (36% и 33% соответственно). Большая часть финнов жила в сельской местности – 55% (58% у мужчин и 51% у женщин). Среди мужчин сельские жители преобладали во всех возрастных группах (за исключением 15–19-летних), женщины в сельской местности в значительной части были пожилые (старше 50 лет), а также девочки до

* Индекс детности см. на с. 212.

Таблица 2

Число женщин на 100 мужчин данного возраста*

Возраст, лет	1933 г.			1939 г.		
	В целом	Городское население	Сельское население	В целом	Городское население	Сельское население
0–4	79	85	77	94	100	92
5–9	85	85	86	94	99	91
10–14	97	93	101	94	99	91
15–19	76	85	65	107	130	92
20–24	59	77	48	119	140	105
25–29	49	66	38	126	142	117
30–34	54	65	45	138	142	136
35–39	59	72	50	160	173	151
40–44	45	53	39	145	152	40
45–49	51	67	40	95	114	83
50–54	50	64	41	86	101	77
55–59	57	74	49	91	133	69
60 и более	130	197	100	145	146	144
Всего	62	74	54	113	127	105

* Рассчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. 1. 1934. С. 20; Перепись населения АКССР 1939 г. – ЦГА РК. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 128/1390. Л. 47–50.

15 лет. Основная масса трудоспособных женщин концентрировалась в городах, главным образом в Петрозаводске.

И в городской, и в сельской местности около четверти всей диаспоры составляли дети до 15 лет, а стариков (60 лет и более) почти не встречалось (от 1 до 3%). Это типичная для иммигрантов картина. По численности внуки превосходили поколение дедушек и бабушек в 8–10 раз. В то же время детность* финнов была невысокой (1,3 на селе и 0,9 в городах), т.е. не каждая финская женщина в возрасте от 20 до 49 лет имела ребенка. В итоге поколение родителей (20–34 года) в полтора раза превышало поколение детей (0–14 лет) как в городах, так и в сельской местности.

Низкая детность и повышенная доля лиц трудоспособного возраста уже в те годы делали финнов самым старым по возрасту населением республики.

Число финнов-мужчин заметно превышало число женщин – первые составляли 61,5% (в городе – 58%, на селе – 65%). Только среди шестидесятилетних женщин было больше, чем мужчин, и то преимущественно в городе. Особенно заметна была половая диспропорция среди лиц активного брачного возраста. В сельской местности на одну финку 20–29 лет приходилось два-три финна (табл. 2).

Таким образом, в 1933 г. в Карелии финны представляли достаточно “крепкую” в демографическом отношении этническую группу и сохраняли неплохие перспективы самовоспроизводства. Однако всего через 6 лет демографическая ситуация изменилась коренным образом. Численность финнов резко сократилась – почти на треть. Основной причиной этого стали репрессии, принявшие особенно ожесточенный характер в 1938 г., и частично эмиграция.

В первую очередь пострадали мужчины. Их общая численность с 1933 г. по 1939 г. сократилась почти вдвое: на 53% в городах и на 44% в сельской местно-

* Индекс детности см. на с. 213.

Таблица 3

Движение возрастных групп трудоспособного населения
у финнов в период с 1933 г. по 1939 г., %*

Возраст. (лет)*	В целом		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
15–19	+4,1	+14,7	-14,7	+19,3	+21,7	+10,7
20–24	-37,2	-2,0	-56,0	-27,9	-14,8	+38,9
25–29	-59,9	-14,3	-58,6	-23,8	-60,7	-5,3
30–34	-66,9	-6,3	-65,9	-27,0	-67,4	+15,7
35–39	-72,6	-19,2	-76,2	-36,8	-69,7	+1,6
40–44	-64,8	-13,5	-63,6	-23,1	-65,6	-3,2
45–49	-58,5	-12,5	-64,4	-23,1	-53,6	-0,6
50–54	-50,6	-15,6	-52,6	-28,9	-49,2	-1,5
55–59	-46,5	-4,0	-55,2	-7,6	-40,3	0
Всего	-56,0	-8,8	-60,0	-22,3	-52,9	+6,0

* Рассчитано по: Перепись населения КАССР 1933 г. Вып. I, 1934; Перепись населения АКССР 1939 г. – ЦГА РК. Ф. 1532. Оп. 1. Д. 128/1390. Л. 47–50.

Оценка потерь произведена методом передвижки возрастных групп. Так, например, численность 10–14-летних в 1933 г. сравнивалась с численностью 15–19-летних в 1939 г., соответственно постаревших к этому времени на 6 лет, 15–19-летних – с 20–24-летними и т.д. Прирост обозначен знаком "+", а убыль – знаком "-".

сти. Возрастные группы от 20 до 59 лет в городах и от 25 до 49 лет на селе лишились от половины до двух третей своего состава, причем 30–34-летние потеряли более трех четвертей своей численности в городах и около 79% в сельской местности (табл. 3).

Потери среди женщин были значительно меньше – всего 5,2%, и они существенно различались в городе и сельской местности. Численность финок в городах сократилась на 18,8% (как и среди мужчин, более всего пострадали 30–34-летние), а в деревнях, напротив, их доля увеличилась на 8,3%. В итоге сельские финки стали преобладать над горожанками во всех возрастных группах.

Перемещение финок из городской местности в сельскую было связано с репрессиями. Среди арестованных финки составляли всего 8%. По большей части их как жен “врагов народа” вместе с детьми просто выслали в сельскую местность, в места спецпоселений. Такая судьба постигла, как минимум, каждую четвертую женщину финской национальности.

В результате резкого сокращения численности мужчин четко обозначилось преобладание в составе финского населения женщин: 53% женщин против 47% мужчин. В городе женщины преобладали во всех возрастных группах, начиная с 15 лет, в сельской местности – среди 20–44-летних и стариков. Особенно ощутим их перевес был у 35–39-летних – более, чем в полтора раза. Половая диспропорция в брачных возрастах приняла иной, чем в прошлом, характер: потенциальных невест стало больше, чем женихов. В итоге возрастно-половая пирамида финнов в 1939 г. оказалась “сдвинутой” вправо, в то время как в 1933 г. она заметно “заваливалась” влево.

Репрессии существенно изменили соотношение детских и пожилых возрастных групп финнов. Общее число детей в возрасте до 15 лет в результате реэмиграции, и особенно снижения рождаемости, сократилось в городах на 44%, а в сельской местности – на 31%. Еще более снизилась детность – до 0,75

Таблица 4

Число женщин на 100 мужчин данного возраста *

Возраст, лет	1959 г.			1989 г.		
	В целом	Городское население	Сельское население	В целом	Городское население	Сельское население
0–4	90	87	94	90	88	106
5–9	94	96	89	99	95	141
10–14	97	100	90	103	105	80
15–19	114	113	119	109	112	71
20–24	105	120	77	117	112	132
25–29	112	114	99	107	111	79
30–34	105	111	91	93	96	74
35–39	161	158	169	96	96	97
40–44	190	200	166	97	96	104
45–49	202	210	182	127	126	135
50–54	196	200	184	125	127	111
55–59	217	233	181	137	136	144
60 и более	332	360	266	222	229	193
Всего	138	144	122	130	131	128

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР, 1963; ЦГА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 35–48; данные Госкомстата РК.

и 0,99 соответственно. Возможно, также, что родители намеренно изменяли национальную принадлежность своих детей во время проведения переписи 1939 г.

Репрессии в Карелии нанесли невосполнимый урон местным финнам, существенно деформировали половозрастную структуру, подорвав их демографический потенциал. Военные события 1939–1945-х годов (гибель, эвакуация, трудармии) довершили разгром диаспоры: к 1945 г. финнов в республике, носившей в тот момент название Карело-Финская ССР, почти не осталось.

Послевоенное финское население в Карелии сформировалось преимущественно из финнов-ингерманландцев, массовый приток которых в республику приходится на конец 1940-х – начало 1950-х годов (Веригин, Суни, 1992. С. 200–216). Перепись 1959 г. показала максимальную численность финнов в республике за все время ее существования – 27 829 человек (Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР, 1963. С. 314). В последующие десятилетия численность финнов в Карелии неуклонно снижалась как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении к населению республики.

В отличие от прежних лет, финны послевоенного периода в своем большинстве – городские жители. Уже в 1959 г. 72% всех финнов в Карелии жили в городах и поселках городского типа, а в 1989 г. – 87%. Таким образом, демографическая ситуация у финнов в Карелии предопределялась главным образом городской частью этнической группы.

В 1959 г., как и прежде, у финнов отмечается ярко выраженная половая диспропорция (табл. 4). Она начинает проявляться с возрастной группы 35–39 лет (1920–1924 гг. рождения), где численность женщин более, чем в полтора раза, превосходит численность мужчин. В каждой последующей возрастной группе

численное превосходство женщин над мужчинами усиливается и достигает трехкратного среди лиц 60 лет и старше. В младших трудоспособных возрастах эта диспропорция заметно сглажена. Половая диспропорция сильнее проявлялась у городской части финнов, где острее сказывались демографические последствия войн и репрессий.

В активных брачных возрастах (20–24 года) диспропорция полов заметно сгладилась. В 1959 г. почти для каждой потенциальной невесты теоретически имелся жених своей национальности, а также и в 1989 г. женихов своей национальности теоретически “хватало” для 90% невест. Но это обстоятельство уже не имело существенного значения для уровня брачности. На протяжении всего послевоенного периода подавляющее большинство финской молодежи (как юношей, так и девушек) вступало в межнациональные браки, ставшие обычным явлением для населения Карелии.

В 1950-е годы межнациональная брачность в республике приобрела массовый характер, и от поколения к поколению наращивала свои темпы. По данным этносоциологического обследования, в 1996 г. в межнациональных браках состояли более 70% опрошенных финнов Карелии. При этом высокий уровень межнациональных браков (от 88 до 92%) был зафиксирован не только у молодежи (15–24 лет), но и среди людей среднего (25–44 года) и старшего (45–54 года) возраста. Даже у людей старше 65 лет почти каждый второй (48%) состоял в межнациональном браке (Кожанов, Яловицына, 1998. С. 158). Таким образом, две трети всех финнов состояли в межнациональном браке, что заметно влияло на этнодемографическую ситуацию, ослабляя самовоспроизводство финской этнической группы.

Существенные изменения, имевшие далеко идущие последствия, связаны с возрастной структурой финского населения.

Возрастно-половая пирамида финнов в Карелии в 1959 г. (диагр. 3, а) имела правильную форму с неровными гранями (последствия войны, репрессий и миграции), что было типично для всего населения республики того времени. Заметно выделялись 25–34-летние – наиболее многочисленные возрастные группы не только среди мужчин, но и среди женщин. Повышенная доля лиц младшего трудоспособного возраста – обычное явление для всех групп населения, формирующихся на основе миграции.

Закрепление на новом месте жительства, нормализация быта и жизни в целом благоприятно отразились на рождаемости, о чем свидетельствует широкое основание возрастно-половой пирамиды – дети в возрасте до 9 лет в массе свой родились в Карелии. Несмотря на сравнительно невысокую детность, дети до 14 лет составляли четверть всего финского населения Карелии (табл. 5).

Лица 60 лет и старше составляли менее 10%. Финское население Карелии в конце 1950-х годов было нестарым, хотя показатель среднего возраста финнов был самым высоким среди других этнических групп республики, уступая только вепсам.

Из-за потерь доля мужчин в возрасте 60 лет и старше была небольшой, что снижало их средний возраст до 27,4 лет, а значительная доля женщин пожилых возрастов повышала их средний возраст до 34 лет. Соотношение детских и пожилых возрастных групп финнов имело свои особенности: в сельской местности выше была доля детей, в городской – пожилых и стариков.

Таким образом, в конце 1950-х годов финны в Карелии представляли компактную и сбалансированную по возрастам этническую группу, которая имела вполне достаточный демографический потенциал для самовоспроизводства, но

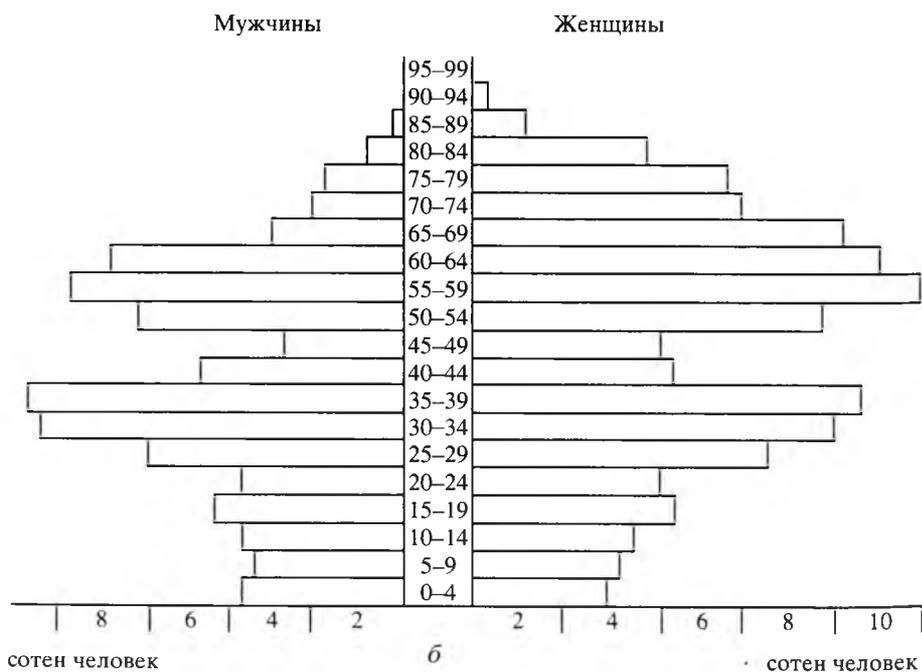
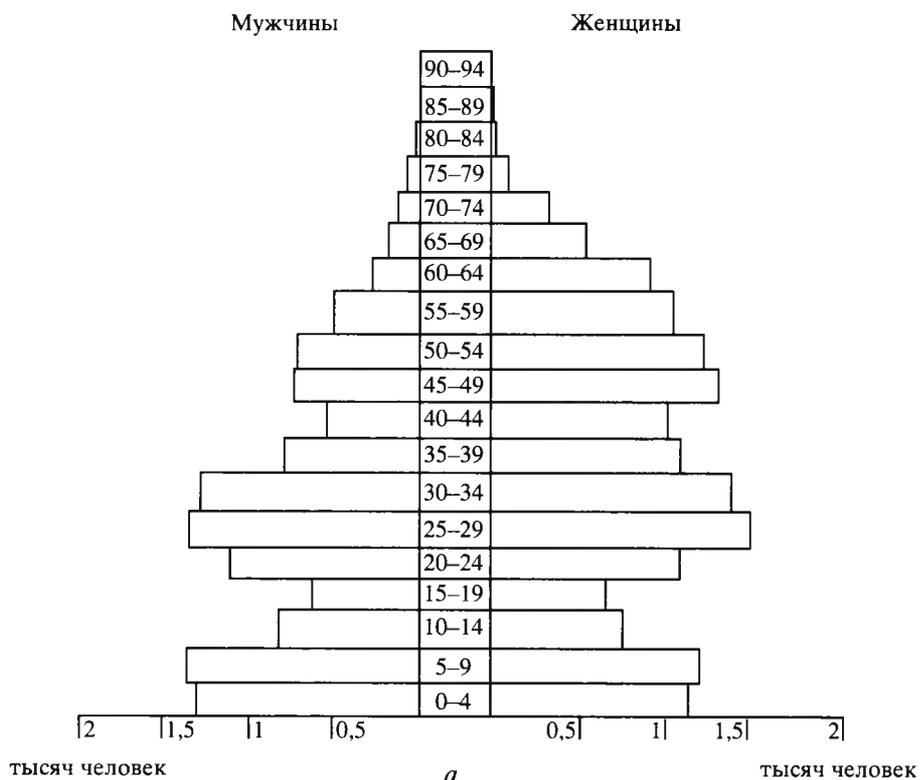

Диаграмма 3. Возрастно-половая пирамида финов Карельской АССР
а - 1959 г., б - 1989 г.

Таблица 5

Соотношение детских и пожилых возрастных групп финнов Карелии
в послевоенный период, %*

Возраст, лет	В целом			Городское население			Сельское население		
	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины	Оба пола	Муж- чины	Жен- щины
1959 г.									
0–14	24,4	30,1	20,2	23,0	29,1	18,9	27,7	32,2	24,0
60 и более	9,9	5,5	13,1	10,4	5,5	13,7	8,7	5,3	11,5
1989 г.									
0–14	11,7	13,6	10,2	12,2	14,3	10,5	8,2	9,1	7,6
60 и более	27,2	19,4	33,2	26,2	18,4	32,2	34,2	26,7	40,1

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. 1963; ЦГА РК. Ф. 659. Оп. 14. Д. 1/5. Л. 35–48; данные Госкомстата РК.

в дальнейшем оно, очевидно, могло носить не расширенный, а только простой характер.

За период 1959–1989 гг. демографическая ситуация заметно ухудшилась. Ассимиляция, эмиграция, естественная убыль населения существенно сократили общую численность финнов и заметно изменили их половозрастную структуру.

В 1989 г. возрастно-половая пирамида финнов (диагр. 3, б) имела сильно суженное основание. Как оказалось, в 1950-е годы был первый и последний “всплеск” рождаемости у финнов Карелии. В 1960–1964 гг. количество детей уже заметно уступало тому, которое было в 1950–1959 гг. Начиная с 1965 г., наступил спад рождаемости – вернее, она стабилизировалась на весьма низком уровне. Обозначился демографический кризис, нараставший в последующие годы. В конце 1980-х годов рождаемость не обеспечивала даже простого замещения поколений, что создавало реальные предпосылки депопуляции финнов как этнической группы.

Помимо низкой рождаемости, сужение воспроизводства финнов объясняется также ассимиляцией. Коэффициент рождаемости у женщин разных национальностей в Карелии был примерно одинаков, но при переписи населения многие родители нерусской национальности, особенно состоящие в межнациональном браке с русскими, относили своих детей к русской национальности. Таким образом, при равной рождаемости русские по статистике имели более высокий показатель индекса детности, а все остальные этнические группы – более низкий (Бирин, 1992. С. 165–166).

Финны в этом плане не исключение. Современную этнодемографическую ситуацию у них определяют люди из национально-смешанных семей. Согласно материалам этносоциологического обследования, 41% родителей, состоящих в межнациональном браке, не относят своих детей к финской национальности и детность финнов в 1989 г. – одна из самых низких. Среди брачных партнеров финнов доминирующее положение занимали русские, как основное население республики. Кроме того, по достижении 16 лет, не все дети, которых родители отнесли к финнам, идентифицировали себя в качестве таковых.

Таблица 6

Динамика общего коэффициента рождаемости у женщин
отдельных национальностей, %*

Национальность	Городское население				Сельское население			
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Карелки	28,3	18,0	20,8	18,3	30,4	13,6	13,4	13,6
Русские	24,7	16,0	16,2	14,4	31,1	12,8	17,4	14,3
Белоруски	48,9	23,9	18,4	17,7	53,6	19,8	14,2	15,5
Украинки	23,3	20,3	18,8	17,4	31,8	13,6	13,6	15,5

* Рассчитано по: ЦГА РК. Ф. 659. Оп. 11. Д. 230/1935. Л. 94–95; Д. 794/5689а. Л. 46–47; Д. 1442/10275. Л. 42–44; данные Госкомстата РК.

Одновременно с суженным основанием значительно расширились средняя и верхняя части возрастно-половой пирамиды 1989 г. Это результат резкого постарения финского населения, которое шло как за счет накопления пожилых возрастов, так и за счет снижения детских возрастных групп.

За тридцать межпереписных лет доля детей в возрастно-половой структуре финнов снизилась вдвое, а доля пожилых увеличилась втрое. Финны более, чем вдвое, перекрыли общепринятый коэффициент старения в 12%.

В итоге 1980-х годов возрастно-половая пирамида финнов приобрела ярко выраженные устойчивые очертания урны, символизирующей стабилизацию регрессивного типа воспроизводства. Жизнеспособность финнов как этнической группы не только опустилась до критического уровня, но и перешагнула его. Это означает стремительное их исчезновение, темпы которого очень высоки и нарастают с каждым годом.

ФИНСКАЯ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КАРЕЛИИ

В конце XIX в. лютеране в Олонецкой Карелии, основную массу которых составляли финские переселенцы, официально относились к Новгородскому лютеранскому приходу. Пастор этой церкви плохо знал финский язык, да и расстояние туда из Олонца было немалое. Поэтому с начала 1850-х годов по просьбе финнов-переселенцев Давид Сирелиус, пастор из Финляндии, начинает посещать Карелию в качестве адъюнкта новгородского лютеранского пастора. Однако по царскому указу 1842 г. место пастора в России могли получить только подданные собственно России, в то время как Финляндское княжество считалось определенной автономией. Тем не менее эта формальность была обойдена и было получено царское соизволение утвердить Сирелиуса пастором особого евангелическо-лютеранского прихода Олонецкой губернии (РГИА. Ф. 1480. Оп. 2. Д. 58. Л. 427–428; Ф. 821. Оп. 5. Д. 96).

После основания прихода главными проблемами стали отсутствие зданий для церковных служб, а также материальное обеспечение пастора и других духовных лиц: помощников пастора, канторов. Материальное положение прихожан в Олонце было незавидным. Труд в промышленности большинства финнов-переселенцев давал заработок, которого едва хватало им на прожитие, и они не могли взять на себя расходы по строительству церкви. Помощь

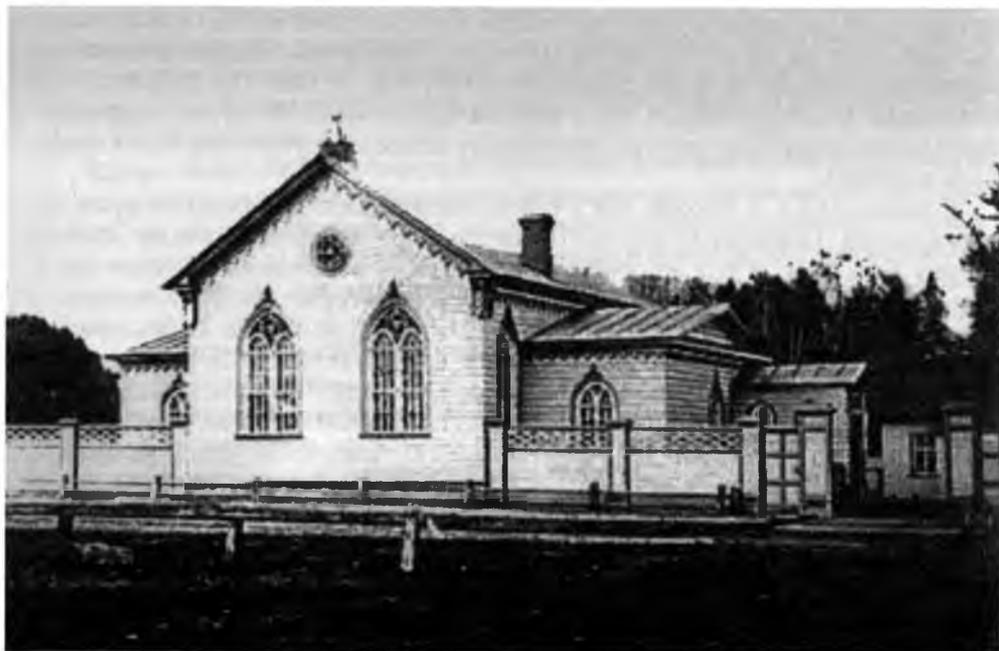

Рис. 128. Евангелическо-лютеранская церковь в г. Петрозаводске. 1870-е годы

оказали состоятельные немцы, живущие в Петрозаводске и также заинтересованные в постройке там лютеранской церкви. Другим источником денежных средств стали пожертвования. Инициатором их сбора был пастор лютеранской церкви Св. Марии в Санкт-Петербурге – Карл Сирен, который выделил средства из так называемой вспомогательной кассы евангелическо-лютеранских приходов России (РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 541. Л. 4). Эти вспомоществования и дары частных лиц позволили построить или приобрести в 1870-е годы молитвенные дома в Олонце, Вытерге, Вознесенье. В строительство церкви в Петрозаводске внесли свою лепту губернские власти (построена в 1872 г.). Ими были бесплатно предоставлены для постройки бревна из казенных лесов (РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 528).

Первоначально пасторы Олонецких приходов жили в Олонце, а с 1865 г. местом их постоянного пребывания стал Петрозаводск. Причиной этого была концентрация большинства финнов не в Олонце, как это было раньше, а в Петрозаводске и его окрестностях. Богослужения и проповедь, таинства крещения и причастия, а также оглашения и венчания проводились в молитвенных домах и церкви; при погребениях церковный обряд проводили на кладбище. Консисто-риальные документы свидетельствуют о существовании отдельных лютеранских кладбищ в Олонце и Петрозаводске (РГИА. Ф. 37. Оп. 14. Д. 1028. Л. 1; Ф. 14780. Оп. 2. Д. 58. Л. 101).

Уже в период деятельности первого пастора Давида Сирелиуса была организована работа передвижных школ. Учителя ходили из деревни в деревню, в которых были финские дети, и проводили для них 2–3-недельные занятия. Одновременно проводилось и конфирмационное обучение молодежи. В 1874 г. начала свою работу школа при церкви в Петрозаводске. Школьная деятельность

лютеранской церкви в Карелии протекала довольно сложно. Низкое жалование (125 руб. в год на всех учителей) и высокие транспортные издержки требовали педагогов-энтузиастов, и они существовали (РГИА. Ф. 1480. Оп. 2. Д. 58. Л. 220). Источники свидетельствуют, что с ростом числа учителей пастор и церковный совет вынуждены были идти на сокращение жалованья учителям, но те продолжали работать.

С конца XIX в. в России, как и в Финляндии, школы перешли в руки светских властей. Церковные школы были главным образом школами обучения Закону Божию, и тот же учитель преподавал и остальные предметы. Теперь же, если учителем в школе назначался нелютеранин или лютеранин, но не имеющий право преподавать Закон Божий, то обучение этому предмету сводилось на нет; к тому же преподавание, исключая Закон Божий, велось на русском языке. Для проживающих в русскоязычном окружении финнов имело большое значение обучение детей началам грамотности на родном языке. Поэтому финская община ходатайствовала об увеличении часов на преподавание Закона Божиего.

В 1889 г. церковь в Петрозаводске сгорела. Это было настоящей трагедией для лютеран, так как ее восстановление требовало огромных средств. К тому же министр внутренних дел в ответе на запрос Генеральной Консistorии об оказании помощи в восстановлении церкви в Петрозаводске интересовался, “необходимо ли возобновление молитвенного дома и дозволено ли оно духовным начальством” (РГИА. Ф. 821. Оп. 5. Д. 828. Л. 67). Появление ноток подозрительности по отношению к лютеранам в Карелии характерно для периода 1890-х годов. Это отражало поползновения царизма на автономный статус Великого княжества Финляндского, принявшие в эти годы явно выраженный характер (Суни, 1982). Но в некоторой степени настороженность местных властей была связана и с событиями внутри финской общины, где в этот период возникает судебная тяжба между группой лютеран в Вытегре и учителем Иоганном Хуотари. Поводом для нее послужила жалоба прихожан Вытегры на незаконное занятие И. Хуотари должности учителя. В ответ на это И. Хуотари известил Консistorию о проведении частью прихожан домашних богослужений и обвинил их в сектантской деятельности. Выяснение отношений и судебные разбирательства не могли остаться незамеченными и для высших властей. Генеральная Консistorия, поддерживая позицию учителя Хуотари в одном из отчетов министру внутренних дел, посеяла в верхах недоверие к деятельности финнов-лютеран Олонецкой губернии (РГИА. Ф. 828. Оп. 6. 1892. Д. 19. Л. 1–13).

События начала XX в. связаны с деятельностью в Олонце и Петрозаводске миссионера Бруно Бокстрёма – представителя Сортавальского евангелического общества, считавшегося в имперских кругах одним из наиболее профинляндских феннистических организаций. Его деятельность повлекла негативное отношение местных властей вообще к лютеранам губернии. По мнению губернского начальства, миссионеры распространяли свою деятельность и на карельское население, причем используя лютеранство как метод для проповеди панфинляндских идей. В документах тех лет о лютеранах иначе как о факторе, создающем благоприятные условия для усиления панфинляндской пропаганды среди карельского населения Олонецкой губернии, не говорится. Показательно, что должность пастора Олонецкого прихода, оказавшаяся вакантной в 1909 г., не была замещена вплоть до 1914 г. Причиной этого стала позиция генерал-губернатора Протасьева, который выдвинул требование, чтобы место было предложено пастору не финляндского происхождения,

получившему образование не в Финляндии, владеющему финским, русским и немецким языками и политически благонадежному. Попытка Консistorии найти такого пастора не увенчалась успехом. Только нажим министра внутренних дел заставил губернатора принять в Олонецкий приход нового пастора – О.В. Линдберга.

Жизнь лютеранской общины в Олонецкой Карелии со времени назначения на должность пастора О. Линдберга, совпавшего с началом первой мировой войны, во многом определялась условиями военного положения. Однако это были не только всякого рода лишения военного времени, которые испытывали на себе все жители России. Определенную роль начинают играть сложившееся уже в предшествующие годы и усугубленное войной подозрительное отношение властей к местным немцам, а заодно и финнам, которые входили в лютеранскую общину в Карелии.

За пастором Олонецкого прихода было установлено негласное наблюдение полиции. Губернскому начальству предлагалось пресекать всякие попытки пропаганды, выходящей за рамки общины. Линдбергу все же удалось проработать в приходе до 1917 г.

В первые годы после Октябрьской революции лютеране в Карелии продолжили свою религиозную деятельность и официально зарегистрировали общину в 1922 г. Архивные документы свидетельствуют, что деятельность прихода ограничивалась лишь Петрозаводском и шла без постоянного пастора, который уехал в Финляндию. Остальные молитвенные дома прекратили свое существование. Численность прихожан сильно уменьшилась в результате отъезда в Финляндию большинства финнов, которые сохраняли финское гражданство. Немногие оставшиеся прихожане были разбросаны по территории Карелии и не имели возможности посещать церковь в Петрозаводске. Редкие богослужения, проводившиеся там, обеспечивались в основном силами прихожан-петрозаводчан. Общее руководство общиной осуществлял ее староста – Петр Пулкинен. В ряде архивных документов содержатся сообщения о визитах пасторов из Финляндии, но они, вероятно, были нечастыми. В них также есть сведения о продолжающейся деятельности Оскара Хуттунена – законоучителя, работавшего в лютеранской школе Петрозаводска еще до революции.

Материальные трудности прихода, обострившиеся вследствие конфискации церковных средств, как и вся обстановка послереволюционного хаоса, привели к тому, что община не могла обеспечить содержание и ремонт храма, и в марте 1925 г. здание церкви было передано Совету физической культуры. Обжалования этого решения со стороны общины ни к чему не привели.

Начало планомерной борьбы советского правительства с церковью, создание в 1925 г. Союза воинствующих безбожников и другие антирелигиозные мероприятия обусловили необратимость перемен в положении верующих, в том числе и лютеран в Карелии, община которых официально перестала существовать.

Не изменило ситуацию и увеличение численности финского населения Карелии в 1930-е годы. Как уже упомянуто, группы финского населения, прибывшие в эти годы в Карелию из разных мест и разными путями, в большинстве своем были далеки от конфессиональных проблем. Так называемые “красные финны” были в основном сторонниками атеистического мировоззрения. Финны-эмигранты, завербованные в Северной Америке для строительства социалистического государства и приехавшие в Карелию в 1920–1930-е годы, и финны-

перебежчики из Финляндии столкнулись здесь с неприкрытыми формами притеснения верующих, что не позволяло им поднимать вопрос (во всяком случае открыто) о восстановлении лютеранской церкви в Карелии.

Во время Великой Отечественной войны на оккупированной территории Карелии оккупационными властями предпринимались попытки восстановить деятельность церкви, в том числе и лютеранской. Известно, в частности, что в Сулажгоре (теперь окраине Петрозаводска) в период оккупации функционировала лютеранская церковь.

В годы Отечественной войны и в первый послевоенный период произошло определенное смягчение отношения советского руководства к церкви, хотя это коснулось в основном православной церкви. Попыток регистрации лютеранской общины в Карелии непосредственно после войны не предпринималось, что, вероятно, связано с малочисленностью лютеранского населения в то время.

Но в 1950-е годы в Карелию прибыла значительная группа финнов-ингерманландцев и численность потенциальных прихожан лютеранской церкви существенно возрастает.

Следует сказать, что атеистическая пропаганда, отсутствие возможностей легального обучения детей основам вероучения привели к тому, что часть молодого поколения финнов-ингерманландцев в предвоенный период была атеистичной. Трагические события военных лет, обрекшие их на абсолютное бесправие, привели многих к обращению к религии в поисках защиты у небесных сил.

Для многих финнов-ингерманландцев, приехавших в 1949–1950-е годы в Карелию, характерны были настроения обездоленности, возникшие как последствия пережитой ими депортации. Они страдали от неустроенности быта, своего положения мигрантов, связанного с ним ощущения временности, “пришлости” и пр.

Определенные поиски моральных опор в религии были ощутимы в Союзе в послевоенный период у разных народов и приверженцев разных религий. У финнов-ингерманландцев, перенесших депортацию в самых бесчеловечных формах, такие настроения были, возможно, особенно ощутимы.

Поэтому попытки создать на новом месте жительства – в Карелии – свою церковную общину были вполне закономерными. Деятельность по созданию евангелическо-лютеранской общины в Карелии началась в близлежащих к Петрозаводску населенных пунктах, где финны составляли сколько-нибудь значительное число, – к примеру, в поселках Чална, Матросы и др. (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3/41. Л. 71–100). Лютеранами Петрозаводска в Совет по делам Русской Православной Церкви (позднее – Совет по делам религий) в 1950–1960-е годы было подано во всяком случае, 4 официальных письменных ходатайства о регистрации общины (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3/41. Л. 70, 117; Д. 5/51. Л. 155). Но наиболее активные попытки регистрации лютеранской общины в Петрозаводске совпали, однако, с началом антирелигиозной кампании, инициированной в 1958 г. Н.С. Хрущевым. Эта кампания касалась в основном различных сект и напрямую мало затрагивала лютеран, но сама обстановка на местах позволяла находить разного рода поводы для отказа регистрации новых религиозных общин.

Введением “Нового порядка регистрации и снятия с регистрации религиозных объединений, об открытии и закрытии молитвенных зданий и домов” была предпринята попытка урегулировать отношения местных властей и незарегистрированных религиозных обществ. В соответствии с новым порядком учредителями религиозного общества могли быть верующие граждане из числа совершеннолетних местных жителей в количестве не менее 20 чело-

век. В форме ходатайства о регистрации требовалось обозначить территорию действия данного религиозного объединения и дать подписку, что “с советским законодательством о культурах ознакомлены и обязуемся выполнять” (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3/38. Л. 1; Д. 5/50. Л. 112). Ходатайство, подписанное всеми верующими этой группы, должно было подаваться в исполнительный комитет районного или городского Совета депутатов трудящихся, а тот направлял его со своим заключением в Совет Министров автономной республики, который в 15-дневный срок выходил с представлением в Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Таким образом, процедура регистрации нового объединения была сложна и предоставляла немало возможностей для бюрократической волокиты.

С введением “Нового порядка...” нарушения законодательства влекли за собой санкции в форме штрафов, и большинству незарегистрированных групп пришлось пройти через многоступенчатую процедуру регистрации.

Лютеранская община Петрозаводска была зарегистрирована 10 июня 1969 г. (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5/55. Л. 18). На основании решения Исполнительного Комитета города общине для молитвенного дома был передан бревенчатый жилой дом на окраине (ул. Гвардейская, 59). Община владела зданием на правах аренды (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5/50. Л. 108–109). Последнее обстоятельство в дальнейшем стало основным препятствием для решения вопроса о расширении площади молитвенного дома.

Деятельность евангелическо-лютеранской общины в Петрозаводске складывалась поначалу очень непросто. Несмотря на официальную регистрацию, совершение обрядов и треб, таких, как причастие, крещение, конфирмация, венчание, отпевание, не допускалось. По сути, вся работа церкви должна была сводиться лишь к духовным собраниям, что многих не удовлетворяло. В первой половине 1970-х годов руководством общины были предприняты действия для повышения духовного уровня собраний. В частности, велись активные консультации с властями о возможности участия в собраниях пастора евангелическо-лютеранской церкви г. Нарвы – Эльмара Кулля, контакты с которым поддерживались и ранее (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 7/74. Л. 12; Д. 5/57. Л. 35–62). Кроме того, подавались ходатайства об увеличении числа автобусов на маршрутах, проходящих вблизи от церкви; о разрешении крещения детей и проведении богослужений в праздничные дни церковного календаря и пр. (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5/57. Л. 35–62). Большинство прошений не было удовлетворено, но вопрос о приглашении пастора Нарвской церкви Э. Кулля был решен положительно, хотя ему было разрешено приезжать в Петрозаводск для проведения служб только 6 раз в год (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5/57. Л. 35–62).

Некоторые мероприятия верующие устраивали на свой страх и риск. Так, духовные собрания проводились и в неустановленные официальными органами дни и часы. Кроме того, в связи с увеличением числа верующих, посещающих молельный дом, по инициативе исполнительного органа церковной общины к дому были самовольно пристроена веранда и обустроены помещения мансарды. В результате этого число верующих, посещающих молельный дом, доходило до 300 при противопожарной норме 80–100 человек” (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 4/47. Л. 71–83). Кроме того, без согласования с Комиссией по соблюдению законодательства о религиозных культурах на дверях молельного дома был установлен 1,5-метровый крест (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5/57. Л. 35–62). Реакция властей на самовольные действия была довольно сдержанной и по большей части сводилась к разъяснительным беседам с па-

стором и членами исполнительного органа общины о недопустимости подобных действий впредь. Но самовольные действия общины могли привести к расторжению договора об аренде здания молитвенного дома, и уполномоченному Совету по делам религиозных культов удавалось добиться соблюдения выдвигаемых им требований. Во всяком случае деятельность исполнительного органа лютеранской общины приобрела со временем более осторожный и законопослушный характер.

Тем не менее считать, чтобы пределы прав церкви устраивали ее посетителей и руководителей, вряд ли возможно. В частности, непонимание лютеран вызывало неравноправное положение православной и лютеранской церквей в городе. Если крещение, венчание и отпевание были официально признанными атрибутами православной обрядности в действующих церквях Петрозаводска, то их совершение в лютеранской общине было разрешено лишь с 1975 г. – на шестой год после регистрации, а проведение внеочередных богослужений без специального в каждом случае разрешения властей – только с 1979 г. (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 5/60. Л. 61–71).

Во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов лютеранское церковное управление было занято проблемой расширения молитвенного здания. Посещаемость церкви в праздничные дни и дни богослужений, проводимых приезжающим из Нарвы пастором, превышала вместимость помещения в 4–5 раз. Это было достаточным основанием просить разрешения сделать пристройку к молитвенному дому. Другим выходом было возвращение здания церкви лютеранской общины в Сулажгоре, где в то время размещался клуб. Решение вопроса о пристройке к молитвенному дому решался долго и сложно, многочисленные просьбы прихожан отклонялись. От имени лютеранской общины в Совет по делам религий СССР направлялись письма с жалобами на непонимание со стороны местных властей нужд верующих лютеран. Высшие православные чины Петрозаводска в свою очередь оказывали содействие лютеранам, ходатайствуя перед республиканским начальством о разрешении на пристройку к церкви (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 7/73. Л. 19–22).

Положительное решение о новом здании для лютеранской церкви было принято лишь в 1981 г., но оно, правда, не удовлетворяло общину в основном по причине маленькой площади будущего строения. В 1983 г. строительство здания было завершено и церковь освящена.

Основной костяк верующих, подписавших в свое время ходатайство о регистрации лютеранского прихода в Петрозаводске (800 человек), составляли финны, жившие в городе или близ него. Среди них преобладали женщины – 77 % (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3/41. Л. 71–100). Такая ситуация в целом обычна и часто связывается с психологическими особенностями женщин. К тому же среди местных финнов старших возрастов преобладали женщины. Дети в составе прихожан вообще отсутствовали, что было прямым следствием запрещения советскими законами религиозного “сворачивания” молодежи. Крещение детей до 1975 г. в лютеранской общине было запрещено*. Запрещено было и обучение несовершеннолетних детей основам вероучения. Следствием этого конфирмация, которую было принято проводить до 18 лет, отодвигалась на более поздний период. В результате прихожанами могли стать лица не моложе 19 лет, т.е. достигшие совершеннолетия и прошедшие в течение последующего года конфирмационное обучение и конфирмацию.

* Это не значит, что детей не крестили вообще. Тайные крещения были повсеместной практикой среди лютеран, тем более что сделать это можно было и без участия пастора.

Невысокая доля прихожан старше 65 лет объясняется, по всей видимости, их ограниченной дееспособностью. вполне естественной в этом возрасте. В нашем случае последнее обстоятельство усугублялось еще и отдаленностью церкви от постоянного места жительства многих верующих.

Есть и свидетельства, что многие финны в 1950–1960-е годы предпочитали не выражать открыто свои религиозные взгляды. В особенности в период “трудового” этапа жизни, когда это могло натолкнуться на осуждение в рабочем коллективе.

Значительное количество прихожан лютеранской церкви (более 40 %) – это пенсионеры и неработающие по тем или иным причинам люди: инвалиды, иждивенцы, домохозяйки (НА РК. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3/41. Л. 71–100).

Заметим также, что слабое участие финской молодежи в жизни лютеранской общины связано, по всей видимости, как с полученным антирелигиозным воспитанием в школе, так и иным жизненным опытом. Депортация и другие виды репрессий меньше затронули молодых, и, как следствие, у них не было настоятельной необходимости в выработке механизма психической компенсации и поисков поддержки в вере. Но в определенной мере в 1980-е годы обращение к вере было вообще характерно для лиц старшего возраста. Это подтверждается тем, что лютеранская община по своим социально-демографическим характеристикам мало чем отличалась от состава прихожан православных церквей. В православной церкви даже более ощутимо было преобладание старых женщин, число мужчин здесь исчислялось единицами, а доля молодежи была даже ниже, чем у лютеран.

С середины 1980-х годов в жизни советского общества наступил новый период, который, в частности, коренным образом изменил статус церкви, в том числе и лютеранской.

До начала 1990-х годов в Карелии лютеранская церковь действовала только в Петрозаводске. В начале 1990-х годов были открыты новые приходы в городах Сортавала, Костомукша, Сегежа, Кондопога, Питкяранта, Олонец и в поселках Чална, Деревянка, Соддер и др. Лютеранские приходы на территории современной Карелии входят в систему приходов Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии, созданной в 1993 г. и признающей себя правопреемницей “церкви, которая зародилась на земле Ингрии” (Устав Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии, 1995. С. 4). В число ее прихожан входят не только финны, но и люди других национальностей, в том числе лица, которые ранее посещали другую христианскую церковь. Таинство крещения, совершенное по православному или католическому обряду, не является препятствием для этого.

Миссионерская деятельность лютеранских духовных служителей в Карелии приобрела в последнее время активный характер. Строятся лютеранские церкви за счет пожертвований прихожан Финляндии, распространяется духовная литература, практикуются различные формы социальной помощи населению.

По свидетельству дьякона Петрозаводской церкви, количество прихожан за последние годы сократилось до 700 человек, в то время как в 1980-е годы, на которые приходится пик посещаемости лютеранской церкви Петрозаводска, их было около 1500. Это объясняется массовым, начиная с 1990-х годов, выездом финнов в Финляндию, отчасти и высокой смертностью среди прихожан: как уже отмечено, многие из них – пожилые люди. Кроме того, снижение числа прихожан в Петрозаводске связано и с открытием новых церквей, в том числе и вблизи города, куда перешла часть верующих.

Доля женщин и лиц пожилого возраста среди прихожан велика и сейчас.

Богослужения проходят на финском и русском языках. Более посещаемы финские службы, несмотря на то что финны Карелии практически все знают русский язык. Так, в Петрозаводске на финских богослужениях присутствуют 150–200 человек, и лишь 20–50 человек – на русскоязычных. Тем не менее служители церкви, по всей видимости, не предполагают отказываться от устоявшейся практики двойных богослужений, принимая во внимание то, что для многих финнов, прежде всего молодых, слабое владение финским языком представит серьезное препятствие для восприятия служб на финском языке.

Сложившаяся в церкви Петрозаводска практика в целом типична и для других приходов Карелии. Состав прихожан варьирует в зависимости от местонахождения общины. Для юга Карелии характерно преобладание среди прихожан финнов-ингерманландцев, так как их концентрация здесь наиболее высока. Здешние общины многочисленны и устойчивы по численности.

На северо-западе Карелии (Калевальский, Муезерский районы, г. Костомукша) состав прихожан по национальному признаку более пестрый. Лютеранские богослужения посещают карелы, русские, белорусы и представители других национальностей. По свидетельствам лютеранских священнослужителей, состав этих общин более подвижен. По сути, здесь на сегодняшний момент происходит только знакомство с лютеранской верой, приобщение к ней.

Глава 7	
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.....	381
Крестьянские поселения и постройки (<i>В.П. Орфинский, И.Е. Гришина</i>).....	381
Одежда (<i>И.Ю. Винокурова</i> , археологический очерк – <i>С.И. Кочкуркиной</i>).....	388
Пища и утварь (<i>С.Б. Егоров</i>)	396
Способы передвижения и транспорт (<i>С.Б. Егоров</i>)	402
Глава 8	
СЕМЬЯ И ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА	406
Семья и семейный быт (<i>И.Ю. Винокурова</i>).....	406
Родильная обрядность (<i>И.Ю. Винокурова</i>)	407
Свадебный обряд (<i>В.П. Кузнецова</i>).....	412
Похоронно-поминальная обрядность (<i>И.Ю. Винокурова</i>)	419
Глава 9	
МИФОЛОГИЯ И ВЕРОВАНИЯ (<i>И.Ю. Винокурова</i>).....	426
Глава 10	
КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ (<i>И.Ю. Винокурова</i>).....	437
Глава 11	
НАРОДНОЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО (<i>А.П. Косменко</i>)	449
Вышивка	449
Узорное ткачество	456
Резьба и роспись по дереву	457
Керамика	460
ПОСЛЕСЛОВИЕ К РАЗДЕЛУ “ВЕПСЫ” (<i>З.И. Строгальщикова</i>)	462

РОССИЙСКИЕ ФИННЫ

Глава 1	
ФИННЫ-ИНГЕРМАНЛАНДЦЫ	469
Исторический очерк (<i>Л.В. Суни</i>).....	469
Язык финнов-ингерманландцев (<i>Ю.С. Елисеев</i>)	485
Хозяйственные занятия и материальная культура (<i>Н.В. Шлыгина</i>)	492
Семья и обряды жизненного цикла (<i>Н.В. Шлыгина</i>)	508
Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии (<i>О.Е. Казьмина, Н.В. Шлыгина</i>)	514
Глава 2	
ФИНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В КАРЕЛИИ И НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ....	522
Исторический очерк (<i>И.Р. Такала</i>)	522
Финский язык в Карелии (<i>Е.И. Клементьев</i>)	533
Демографическое развитие (<i>В.Н. Бирин</i>)	536
Финская евангелическо-лютеранская церковь в Карелии (<i>С.Э. Яловицына</i>)	544

ВОДЬ И ИЖОРА

Глава 1	
ВОДЬ.....	555
Исторический очерк (<i>Н.В. Шлыгина</i>)	556
Хозяйственные занятия и материальная культура (<i>Н.В. Шлыгина</i>)	561
Семья и обряды жизненного цикла (<i>Н.В. Шлыгина</i>)	579
Календарные праздники и обряды (<i>Н.В. Шлыгина</i>)	584
Фольклор и народное музыкальное творчество (<i>И.В. Тынурист</i>)	589